4С(Калм.)
С-182
-365608-

ГРАММАТИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР

Г. Д. САНЖЕЕВ

ГРАММАТИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

1956

18295

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор член-корресп. АН СССР *Н. Н. ПОППЕ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является результатом специальной работы автора над калмыцким языком, проведенной в течение двух лет как в Москве (изучение литературных материалов), так и в Черноземельском и Западном улусах Калмыцкой АССР (наблюдения и записи из устной речи). Как известно, в прошлом калмыцким языком занимались А. Попов (Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1848), А. Бобровников (Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849), Вл. Котвич (Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Петроград, 1915) и G. Ramstedt (Das Kalmückische Wörterbuch, Helsinki, 1934), труды которых хотя и в настоящее время не потеряли своего значения, ныне все же устарели и к тому же представляют собою библиографическую редкость. Эти-то труды и ряд учебных грамматик и пособий на калмыцком языке (М. М. Хаглышева, Б. К. Пашкова, Д. А. Павлова и др.) и послужили для пишущего эти строки предварительными пособиями, когда он приступил к изучению строя калмыцкого языка и, затем, к составлению настоящей книги.

Изучение строя калмыцкого языка велось путем наблюдения над явлениями в живой речи и просмотра ряда изданий на калмыцком языке (учебные пособия, хрестоматии, журналы и газеты), примеры из которых надлежащим образом использованы автором в этой работе. Сравнительно легко были разработаны фонетика и морфология этого языка. При изложении же калмыцкого синтаксиса, в котором не мало трудностей, автор исходил из тех же положений и предпосылок, которые были положены им в основу построения своего „Синтаксиса монгольских языков“ (Москва, 1934). Поэтому читатель не может не усмотреть определенной преемственной связи между этой книгой и настоящей работой. Разумеется, отдельные положения автора, изложенные им в упомянутом „Синтаксисе монгольских языков“, в настоящей работе подверглись дальнейшей разработке и существенному уточнению.

Автор ни в какой степени не претендует на то, что его работа по калмыцкой грамматике является сколько-нибудь исчерпывающей. Он считает, что его труд является лишь предварительным наброском для дальнейшей, более углубленной и длительной работы над грамматикой калмыцкого языка. Растущие научно-лингвистические кадры в самой Калмыкии и их желание работать позволяют выразить твердую уверенность в том, что они-то и дадут действительно фундаментальные труды по калмыцкой грамматике.

В процессе своей работы над калмыцким языком автор неизменно встречал горячую поддержку со стороны руководящих культурных органов Калмыцкой АССР и отдельных лиц, которым пишущий эти строки и выражает свою глубокую признательность. Мы особенно благодарны Д. А. Павлову, просмотревшему эту работу еще в рукописи и давшему нам ряд весьма ценных указаний в течение всего периода нашего изучения калмыцкого языка. Во многом помог нам и М. М. Хаглышев, изумительный знаток своего родного, калмыцкого языка.

В заключение укажем, что калмыцкие слова переданы транскрипционными знаками лишь в разделе фонетики, а в морфологии и синтаксисе они переданы исключительно знаками гражданского алфавита по действующей орфографии. Знаками же латинского алфавита в настоящей работе переданы древние или вообще старые формы современных слов. Из условных знаков отметим следующие:

→ развилось в...

← развилось из старого...

* (звездочка перед словом) означает, что данное слово или форма восстановлены теоретически.

Г. Санжеев

Москва, 11.XII.1939 г.

I. ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГЛАСНЫЕ

1. Задние гласные

В калмыцком языке имеются следующие задние гласные: *а*, *о*, *у*.

1. Звук *а* в калмыцком языке артикулируется приблизительно так же, как русский *а* в неударенном слоге слов типа *красивый*. Этот звук, как и все прочие гласные в калмыцком языке, может быть кратким (или нормальным), долгим, сверхдолгим и чрезвычайно редуцированным, очень часто равняющимся абсолютному нулю. Говоря о том, что калмыцкий *а* напоминает русский *а* неударенного слога, мы имели в виду лишь краткий *а*. Все краткие гласные в калмыцком языке на слух производят такое же впечатление, какое вызывается соответствующими русскими гласными неударенных слогов, но такими, которые артикулируются вполне отчетливо.

Для того чтобы понять излагаемое, необходимо учесть то обстоятельство, что в калмыцком языке отсутствует ударение, по крайней мере — в том виде, в каком ударение имеется в русском языке. Отсутствие ударения в калмыцком языке придает потоку речи особый характер, своеобразный тембр произношения. И так как в русском языке не бывает слова, в котором не было бы ударенного слога, то для того, чтобы хотя приблизительно представить себе тембр калмыцкой речи, необходимо, прислушиваясь к произношению русских слов, искусственно затормозить свой слух как раз пред ударенным слогом, например: покро... (...ви́тельство), красо... (...та́), главноко... (...ма́ндующий), теат... (...ра́льный) и т. д. И искусственный набор таких обрывков русских слов, воспроизведенных друг за другом, дает приблизительное представление о том, что такое калмыцкий тембр речи.

Краткий *а* в калмыцком языке встречается лишь в первом слоге, например:

jамăр — какой?	багшă — учитель
балӷăсăн — город	Бадмă — Бадма.

Знаком *ă* мы обозначаем чрезвычайно редуцированный гласный *а*, который в произношении очень часто „проглатывается“ до такой степени, что его почти не слышно. В более точных транскрипционных записях этот редуцированный гласный обозначается маленьким надстрочным знаком, например: jам^{ă}р, балӷ^{ă}с^{ă}н, багш^{ă}, Бадм^{ă}. В современном же калмыцком литературном языке этот редуцированный гласный, как и все прочие подобные же гласные, совершенно не обозначается.

Знаком *ā* мы обозначаем тот же гласный *а*, но долгий. На слух этот долгий *ā* производит такое же впечатление, какое производится русским *а* в ударенном слоге, например в слове *красотá*. Этот гласный встречается, во-первых, в абсолютно односложных словах и, во-вторых, в непервых слогах. Если слово является многосложным, то этот долгий *ā* в первом слоге не встречается. Необходимо иметь в виду, что этот гласный встречается лишь в таких односложных словах, которые заканчиваются открытым слогом, например: хā — *закрой*, нā — *заклей*.

Примеры:

одā — теперь долāн — семь
манā — наш авāт — взяв.

Знаком *â* мы обозначаем тот же гласный *а*, но являющийся сверхдолгим. На слух этот *â* производит впечатление протяжного русского *а*, получающегося тогда, когда слог с ударенным *а* произносится протяжно (при эмфатическом вопросе и т. д.). Встречается этот гласный лишь в многосложных словах и может находиться в любом слоге, кроме последнего. Получается же этот сверхдолгий *â* в результате того, что предыдущий долгий *ā* оказывается в непоследнем слоге слова, например:

хā — закрой → хâвă — закрыл
дулāн — теплый → дулâɣāр — тепло.

Так как все выше изложенное относительно разного количества гласного *а* не знает каких-либо исключений и так как долгий *ā* и сверхдолгий *â* являются вариантами одной и той же некраткой фонемы, то в орфографии современного калмыцкого литературного языка приняты следующие правила, действующие уже несколько лет:

а) Долгий *ā* в односложных словах передается так же, как и краткий, например:

ха вместо хаа — закрой на вместо наа — приклей.

Иначе говоря, долгий *ā* в односложных словах не является самостоятельной фонемой, отличающейся от краткого *а*.

б) Сверхдолгий *â* в первом слоге обозначается удвоением *а*, т. е. передается в виде *аа*: например:

хâвă — хаав — закрыл нâвă — наав — заклеил.

в) Так как редуцированные гласные в письме совершенно не обозначаются, а краткие гласные встречаются лишь в первом слоге, то в непервых слогах как сверхдолгий *â*, так и долгий *ā* обозначаются одним знаком *а*, например:

долāн — долан — семь
хâɣāт — хагъад — закрыв.

Как уже выше говорилось, долгий *ā* и сверхдолгий *â* являются вариантами одной и той же некраткой фонемы.

В результате всего этого в калмыцком литературном языке мы имеем очень стройную и остроумно созданную орфографическую систему.

И надо сказать, что при том разнообразии одного и того же звука, какое мы имеем в калмыцком языке, изложенная орфографическая система является, пожалуй, единственно правильной. Конечно, современная калмыцкая орфография, как и всякая другая, содержит серьезные исключения. Так, например, слова, заимствованные из русского языка, передаются в русском же орфографическом облике, в результате чего в калмыцком литературном языке один и тот же знак *а* обозначает различные по долготе (количеству) звуки: в словах, заимствованных из русского языка, знак *а* очень часто обозначает редуцированный *ă* (неударенный гласный непервых слогов тех русских слов, которые проникают в калмыцкий язык, всегда редуцируется), например пропагандист (произносится пропăгăндіст), а в непервых слогах собственно калмыцкого слова — долгий *ā* или сверхдолгий *â*, например долан (произносится доланˉ) — семь; в первом случае знак *а* дважды обозначает редуцированный *ă*, во втором — долгий *ā*. Разумеется, подобное противоречие в калмыцкой орфографии на первом этапе изучения грамоты в школах должно создавать трудности, но оно является исторически закономерным и педагогически целесообразным в том смысле, что этим самым облегчается в дальнейшем путь к усвоению русского языка и его орфографии.

2. Звук *о* является гласным mid-back-wide, при произношении которого весьма значительную роль играют губы, в результате чего не наблюдается смешения этого звука с гласным *а*. Звук этот в его кратком виде акустически напоминает собою неударенный русский *о* в словах типа *покровитель*. Встречается этот гласный лишь в первом слоге, за исключением тех случаев, когда то или иное слово заимствовано из русского языка, в особенности в последние десятилетия, что и в этом случае является лишь результатом орфографического оформления заимствованных слов. Например:

олŏн — много дор — внизу
нохā — собака долāн — семь.

Что же касается редуцированного *ŏ*, встречающегося лишь в непервых слогах, то артикуляция его столь слаба и незначительна, что этот звук либо совершенно не воспринимается на слух, либо очень часто и легко „переходит“ в редуцированный же *ă*, например:

олн ~ олŏн ~ олăн — много
шкôлдŏ ~ шкôлд ~ шкôлдă — в школе.

Долгий *ō*, встречающийся лишь в односложных словах, напоминает собою ударенный русский гласный *о* в словах типа *дом* или *покро́в*, например:

тō — счет бōл — раб
бō — свяжи тōм — том.

В непервых слогах долгий *ō* встречается лишь в словах, заимствованных из русского языка, например:

колхōз — колхоз Магнітŏгōрск — Магнитогорск.

Сверхдолгий *ô*, встречающийся лишь в первом слоге многосложных слов, получается в результате того, что долгий *ō* односложного слова в результате словоизменения или словообразования оказывается пред слогами с гласными, например:

тō — тôлвŏ — сосчитал тōм — тômāс — из тома.

Само собою разумеется, что если слово вообще является многосложным, то сверхдолгий *ô* в первом слоге имеется независимо от словоизменения или словообразования, например:

тôсăн — пыль.

Акустически сверхдолгий *ô* отличается от долгого *ō* так же, как сверхдолгий *â* отличается от долгого *ā*, о чем выше уже говорилось.

В письме редуцированный *ŏ* совершенно не обозначается; долгий *ō* и краткий *ŏ* обозначаются знаком *о*, а сверхдолгий *ô* удвоением того же знака, т. е. в виде *оо*, например:

олн	вместо	олŏн	— много	то	вместо	тō	— счет
школд	„	шкôлдŏ	— в школе	тоосн	„	тôсŏн	— пыль.

Слова, заимствованные из русского языка, независимо от своего оформления в живой речи, сохраняют в письме русский орфографический облик, например:

школ	вместо	шкôл	— школа
колхоз	„	колхōз	— колхоз
трактор	„	тăрâктăр	— трактор.

Полагаем само собою разумеющимся, что долгий *ō* и сверхдолгий *ô* являются вариантами одной и той же некраткой фонемы.

3. Гласный *у* артикулируется так же, как неударенный русский *у* в словах типа *урок*. Этот гласный в его кратком виде встречается лишь в первом слоге, например:

урăлдāн	— скачки	уӌā	— вымой
буӌă	— марал	угā	— нет.

Редуцированный *ў* встречается столь редко, что о нем можно и не говорить. Если этот редуцированный *ў* встречается, то только в непервых слогах, чередуясь с редуцированным *а* в положении после *у* первого слога, например:

уръ̆лдāн — скачки улў̆с — народ.

Долгий *ӯ* встречается либо в односложных словах, либо в последнем слоге многосложных слов. По своему качеству этот гласный напоминает русский ударенный *у* в словах типа *улица, караул, аул*. Долгий *ӯ* становится сверхдолгим *ŷ* в том случае, если он оказывается в том или ином слове принадлежащим слогу, за которым следует другой слог с любым гласным. В письме краткий *ў* и долгий *ӯ* изображаются одной буквой *у*; что же касается сверхдолгого *ŷ*, то он изображается в первом слоге удвоенным знаком — *уу*, а в непервых слогах — одним знаком *у*. Редуцированный *ў* в письме совершенно не обозначается.

Примеры: сӯ — сиди сŷӌāт — севши
адӯн — табун сурӌŷлӣ — учеба.

2. Передние гласные

В калмыцком языке имеются следующие передние гласные: *ä*, *e*, *i*, *ö*, *ÿ*.

1. Звук *ä* представляет собою открытый гласный переднего ряда, low-front-narrow, и встречается лишь в первом слоге. Бурятский *ä* отличается от калмыцкого *ä* тем, что он менее открыт.

Примеры:

ämĭн — жизнь	ädл — похожий
äңгĭ — часть	äрĭлҕăхă — чистить.

Долгий *ā̈* встречается, как и любой долгий гласный, либо в односложных словах, либо в последнем слоге неодносложного слова, например:

ā̈л — айл	цā̈ — чай
бā̈ — будь	мöрā̈р — на лошади
ÿзā̈т — увидев	зöвā̈р — правильно.

Сверхдолгий *ä̂* встречается в последнем слоге многосложного слова (следовательно, не встречается в односложных словах, а также в последнем слоге любого слова). Например:

ä̂мăг — аймак	ä̂лчĭн — гость
ä̂рĭг — айрик	ä̂хă — бояться.

Из изложенного видно, что долгий *ā̈* становится сверхдолгим, если односложное слово, в котором он (*ā̈*) находится, становится многосложным, например:

ā̈л — айл	ä̂лдă — в айле
бā̈ — будь	бä̂дăл — бытие.

В письме краткий *ä̂* и долгий *ā̈* изображаются одной буквой *ä*; сверхдолгий *ä̂* изображается в первом слоге удвоенным знаком *ää*, в непервых слогах — одним знаком *ä*, например:

ā̈л — äл — айл	ä̂мăг — äämг — аймак
бā̈ — бä — будь	бä̂дăл — бääдл — бытие

дöрä̂дă — дöрäд — в стремени
емä̂лā̈р — эмäлäр — седлом.

2. Звук *e* представляет собою передний гласный, напоминающий собою неударенный русский *э* (в письме *e* в положении после согласного) в словах типа *репортер*, *революция*, *мех* и т. д. Долгий *ē* акустически напоминает собою русский ударенный *э* в словах типа *эта*, *эра* и встречается лишь в односложных словах. Сверхдолгий *ê* встречается лишь в первом слоге многосложных слов. Редуцированный *ĕ* встречается в непервых слогах и от прочих редуцированных гласных отличается тем, что акустически почти никогда не воспринимается. Гласные *e*, *ē*, *ê* встречаются лишь в первом слоге и никогда не встречаются в непервых слогах

(за исключением тех случаев, когда то или иное слово оказывается заимствованным из русского языка в сравнительно недавние годы).

Примеры:

енĕ (он) — этот ệцĭ — мать
ēм — плечо êдмĕг — молочная пища
ем — лекарство ēг — кайма.

В письме краткий *е* и долгий *ē* изображаются одинаково одним знаком *э* в начале слова и знаком *е* в положении после согласных. Сверхдолгий *ê* передается в начале слова удвоенным *ээ*, в положении после согласного — удвоенным *ее*, например:

êдмĕг — ээдмг — молочная пища ēм — эм — плечо
ệцĭ — ээдж — бабушка ем — эм — лекарство.

3. Звук *і* представляет собою гласный переднего ряда, артикулируемый с очень слабо раздвинутым отверстием рта. Что же касается долгого и сверхдолгого „вариантов" этого гласного, т. е. фонем *ī* и *î*, то они в положении после согласных (кроме шипящих) артикулируются с более раздвинутым отверстием рта.

Примеры:

ідĕхĕ — есть îмĕ — такой
чī — ты îгẹ̆цĭ — так сделав.

В письме звук *і* изображается знаком *и*, а сверхдолгий *î* — удвоенным знаком *ии* (изображение долгого *ī* ничем не отличается от передачи краткого *і*), например:

ідĕхĕ — идх — есть îмĕ — иим — такой
чī — чи — ты îгẹ̆цĭ — иигдж — так сделав.

4. Звук *ӧ* представляет собою гласный переднего ряда, артикулируемый весьма отчетливо при очень слабой лабиализации. Долгий *ӧ̄* и сверхдолгий *ộ* качественно почти не отличаются от краткого *ӧ*. Все эти гласные встречаются лишь в первом слоге: долгий *ộ*, конечно, встречается лишь в односложном слове, а сверхдолгий *ộ̂* — в первом слоге многосложного слова.

Примеры:

мӧрн — конь сӧ̄ — ночь
мӧр — след мӧ̄р — круг
сộнӓ̄ — ночи хӧ̄н — овца
бộрĕ — почки хộнӓ̄ — овцы́

В письме краткий *ӧ̆* и долгий *ӧ̄* изображаются одним знаком *ӧ*, а сверхдолгий *ộ̂* — удвоенным знаком *ӧӧ*, например:

мӧрн — мӧрн — конь
мӧр — мӧр — след
сӧ̄ — сӧ — ночь
сộнӓ̄ — сӧӧнӓ — ночи (род. п.)
хӧ̄н — хӧн — овца
хộнӓ̄ — хӧӧнӓ — овцы (род. п.).

5. Звук *ӱ* представляет собою гласный переднего ряда, артикулируемый так же, как французский *u* или немецкий *ü*. Долгий *ӱ̄* и сверхдолгий *ŷ*, встречающиеся в любом слоге (нормальный или краткий *ӱ* встречается только в первом слоге), с качественной стороны ничем не отличаются от краткого *ӱ*.

Примеры:

ӱгĕ — слово к̀ірӱ̄ — иней
ӱ̄р — товарищ ŷрмӱ̄т — товарищи.

3. Исторический и орфографический обзор гласных

1. Гласный *ä* в калмыцком языке исторически восходит к заднему гласному *a*. Переход же гласного *a* в передний ряд объясняется влиянием гласного *i* последующего слога, например *anggi → äңгї — часть, *amitan → ämїтн — живые существа, *ali → äл — какой?

Что же касается долгого *ā̈* и сверхдолгого *â̈*, то происхождение их различно. В первом слоге эти гласные восходят к дифтонгу **ai*, например: *aimaγ → â̈мăг — аймак, *ail → äл — айл *baixu → бâ̈хă — быть. В тех случаях, когда в дербетском диалекте долгий *ā̈* встречается в словах заднего ряда (например, «нохā̈» — собака, «манā̈» — наш), мы также имеем примеры, когда историческое **ai* перешло в *ā̈*. В большинстве же случаев исторический дифтонг **ai* непервых слогов в словах заднего ряда (т. е. имеющих гласные заднего ряда) в современном калмыцком языке отражается в виде долгого *ā*, например: гахā ← *γaxai — свинья, нохā ← *noxai — собака, далā ← *dalai — много, море.

В непервых слогах долгий *ā̈* или сверхдолгий *â̈* восходят чаще всего к древним сочетаниям *ege или *öge, например:

эмā̈л ← *emegel — седло
дöрā̈ ← *döröge — стремя
гертā̈н ← *ger-tegen — дома, в своей юрте.

2. Долгий *ā* и сверхдолгий *â* первого слога чаще всего восходят к древнему сочетанию *aγa или иногда aja, например:

âҕă ← *ajaγa — чашка
дâҕăн ← *daγaγan — жеребенок двух лет
хâхă ← *xaγaxu — закрыть.

Во втором и дальнейшем слогах эти долгие гласные восходят как к тому же сочетанию *aγa (иногда ija), так и к сочетанию *иγa, оγa, — в последнем случае калмыцкий долгий *ā* соответствует халхаскому и бурятскому долгому *ō*, например:

дулāн ← *dulaγan — тепло
улāн ← *ulaγan — красный
барāн ← *baraγan — скарб
долāн ← *doluγan — семь
борāн ← *boroγan — дождь.

Из примеров не трудно усмотреть, что долгий *ā* восходит к древним *aγa в тех случаях, когда он в современном калмыцком языке сле-

дует после слога с *а* или *у* (улāн, барāн); к сочетанию же *uγa восходит этот долгий *ā* в тех случаях, когда он следует за слогом, содержащим гласный *о*.

3. Долгий *ō* и сверхдолгий *ô*, находящиеся только, как уже выше сказано, в первом слоге, восходят к древним *oγa, oγu, например:

тō ← *toγa — счет, количество
тôсŏн ← *toγusun — пыль
бōл ← *boγal — раб
бôхă ← *boγuxu — обвязывать.

4. Долгий *ē* и сверхдолгий *ê*, встречающиеся, как уже сказано, только в первом слоге, восходят к древнему сочетанию *ege, например:

ēм ← *egem — плечо
дêрĕ ← *degere — наверху
кêрĕ ← *kegere — степь, поле.

5. Долгий *ȳ* и сверхдолгий *ŷ* восходят к древним сочетаниям *aγu uγu, uji, например:

дȳн ← *daγun — песня
адȳн ← *aduγun — табун
ŷдвăр ← *ujidburi — грусть
ŷлхă ← *ujilaxu — плакать.

6. Долгий *ӯ* и сверхдолгий *ӯ̂* восходят: 1) в положении после *ä* к древнему сочетанию *iγu, например: хäрӯ ← *xariγu — ответ, назад; бäрӯл ← *bariγul — ручка; 2) в положении после *i* к aγu, например: кірӯ ← *kiraγu — иней; 3) в остальных случаях к сочетаниям *egü, ügü, üji, например: ŷдĕн ← *egüden — дверь; тŷкä ← *tügükei сырой; ӯр ← *egür — сверстник, товарищ, ŷлдĕвĕр ← üjiledbüri — делание. В торгоутском диалекте долгий *ӯ* мы имеем в слове сӯ — подмышки, восходящем к древнему *suγu, но это единственный случай, когда *uγu в современном калмыцком языке дало долгий ӯ (в дербетском диалекте вместо сӯ имеется сȳ в том же значении).

7. Долгий *ӧ* и сверхдолгий *ӧ̂* по своему происхождению весьма различны. Как уже говорилось, эти гласные встречаются только в первом слоге. Эти гласные восходят: а) к древнему сочетанию *öge, например: бôрĕ ← *bögere — почки, мôрсĕн ← *mögersün — хрящи, ôкĕн ← *ögekün — жир; б) к сочетанию *oji или дифтонгу *oi, например: ӧ ← *oi — лес, ôрĕ ← *ojira — близко. Как видно из последних примеров, гласный *ӧ* восходит собственно к сочетаниям и дифтонгам заднего ряда. Необходимо отметить, что в ряде случаев *ӧ* восходит и к краткому *о*; это происходило в тех случаях, когда в результате метатезы имело место образование дифтонга oi, который в свою очередь превратился в долгий гласный переднего ряда *ӧ*. Это явление особенно рельефно может быть показано на двух примерах. Слово *söni — *ночь* в результате перехода гласного *i* второго слога в первый слог приобрело вид söin, слово *xoni — *овца* в том же порядке приобрело вид *хöin. А так как в калмыцком языке дифтонг oi первого слога во всех случаях превратился в долгий *ӧ*, то и *söin и *хöin превратились в сӧ и хӧн, история которых может быть представлена в следующем виде:

*söni → *söin → cō
*xoni → *xöin → xṓн.

Из изложенного выше не трудно видеть, что в современном калмыцком языке исчезли дифтонги, которые превратились в соответствующие долгие гласные, а именно:

*ai → ā́ (в первом слоге), ā (в непервом слоге)
*ei → ā́ (в непервом слоге), ī (в первом слоге)
*oi → ṓ
*ui → ȳ
*üi → ȳ́ (иногда ī, например: кīтн — холод).

Выше мы видели, что долгие и сверхдолгие гласные не являются самостоятельными фонемами, отличными друг от друга. В калмыцком языке являются фонемами краткие гласные, с одной стороны, и долгие и сверхдолгие гласные — с другой. А между тем в письме разграничение этих гласных построено иначе, что с лингвистической точки зрения может быть сформулировано следующим образом:

1) Краткие гласные имеют обозначение только в первом слоге, например: «ах» — брат.

2) Редуцированные гласные в письме опускаются, например: «ах» — брат (вместо «ахă»).

3) Долгие гласные в односложных словах обозначаются так же, как и краткие гласные, например: «ӳр» — товарищ (вместо «ȳ́р»).

4) В многосложных словах долгие гласные (а в таких словах эти гласные не могут находиться в первом слоге) обозначаются так же, как и в односложных словах, т. е. так же, как и краткие гласные, например: «долан» — семь (вместо «долā́н»).

5) Сверхдолгие гласные, которые могут быть только в непоследнем слоге многосложного слова, обозначаются в первом слоге удвоенными буквами, например: «ӳӳрмӳд» — товарищи (вместо «ӳ̂рмȳ́т»), «тоосн» — пыль (вместо «тô сŏн»).

Такое построение орфографии с практической точки зрения вполне оправдывается, что, в частности, видно из нижеследующего: существует мнение, которое является преобладающим среди калмыцких учителей и по которому в калмыцком языке то, что мы определяем как долгий гласный, считается кратким, а то же, что мы называем сверхдолгим гласным, считается долгим. В самом деле, если к кратким (нормальным), долгим и сверхдолгим гласным подойти только с точки зрения количественной, то оказывается, что долгие гласные ближе к кратким гласным, нежели к сверхдолгим. Это-то и привело к тому, что многие не видят разницы между кратким и долгим гласными, хотя таковая безусловно имеет место. Иначе говоря, разница между краткими и долгими гласными „устранена“ в результате субъективно-акустического восприятия. Само собою разумеется, что этот субъективный метод в определении фонетических явлений порочен в своей основе. Мы должны исходить из объективного критерия, который позволил бы безошибочно опре-

делять одни гласные как краткие, другие — как долгие. Таким объективным критерием служит следующее явление:

Долгие гласные обладают возможностью стать сверхдолгими тогда, когда односложное слово, в котором имеется долгий гласный, становится многосложным, например: «ӯр» — товарищ, но «ӯрмӯт» — товарищи (в письме «ӱр» — «ӱӱрмӱд»).

Краткие гласные ни при каких условиях не становятся сверхдолгими, например: «ӱгӗ» — слово, но «ӱгмӯт» — слова (в письме «ӱг» — «ӱгмӱд»)

Еще примеры: «а̄л» (в письме «ӓл») — айл, но «а̂лдӑ» (в письме «ӓӓлд») — в айле; «со̄» (в письме «сӧ») — ночь, но «со̂на̄» (в письме «сӧӧнӓ») — ночи (род. п.), «сӯ» (в письме «су») — сиди, но «сӯвӑ» (в письме «суув») — сел.

Стало быть, гласные в словах типа «сӯ» — сиди, «а̄л» — айл, «со̄» — ночь (слова даются в транскрипции, а не в своем орфографическом облике), потому и являются долгими, что они могут удлиняться еще более. Точнее: эти гласные потому и становятся сверхдолгими, что они оказываются долгими.

Не то с действительно краткими гласными, которые, как уже сказано, ни при каких условиях не становятся долгими (сверхдолгими). Стоит только призадуматься, почему, например, не удлиняются гласные в словах типа «бӓр» — держи, но «бӓра̄т» — держа (в письме: «бӓр» — «бӓрӓд»), «ӱгӗ» — слово, но «ӱгӗмӯт» — слова (в письме: «ӱг» — «ӱгмӱд»), как само собою становится очевидным, что калмыцкий язык объективно делает различие между долгими и краткими гласными независимо от того, делают или не делают это различие отдельные носители или исследователи данного языка.

Язык не может допускать в себе каких-либо случайностей и произвола, всякое явление в нем оказывается выражением каких-то определенных, объективно действующих норм.

Следовательно, гласные в словах типа «сӯ» — сиди, «а̄л» — айл, «бӑ̄» — будь и т. д. должны быть отнесены к группе долгих гласных независимо от субъективного восприятия слушателями, в силу определенного объективного закона, действующего в данном языке. Если мы за единицу измерения краткого гласного примем условно цифру 10, то долгий гласный определится цифрой 13, тогда как сверхдолгий гласный будет приближаться к цифре 18. При таком положении, конечно, долгий гласный действительно ближе к краткому гласному, нежели к сверхдолгому. Иначе говоря, коэффициент долгого гласного с акустической точки зрения по сравнению с коэффициентом краткого гласного представляется весьма незначительным и почти не ощутимым на слух. Зато сверхдолгие гласные представляются столь очевидными, что не вызывают никаких недоумений.

4. Сингармонизм

Как мы выше видели, в современном калмыцком языке гласные делятся на задние (*а, о, у*) и передние (*ӓ, е, і, ӧ, ӱ*). Данное деление неукоснительно используется в так называемом сингармонизме гласных, суть которого, как известно, сводится к тому, что в одном и том же

слове не могут быть одновременно гласные обоих рядов. Но такое определение сингармонизма для калмыцкого языка оказывается явно недостаточным: явления сингармонизма в узком смысле этого слова дополняются еще побочными явлениями, к изложению которых мы и переходим.

В калмыцком языке гласные *о*, *ō*, *ӧ*, *ӧ̄*, *е*, *ē* могут находиться только в первом слоге, в соответствии с этим в непервых слогах встречаются другие гласные. Так, например, в словах заднего ряда в непервых слогах могут быть только *ӯ*, *ā*, *ī*, а в словах переднего ряда — *ӱ*, *ӓ*, *ī*, например:

сӑнӑр	— по-хорошему	гертӓн	— дома	малīг	— скот (вин. п.)
керӗгтӓ	— нужно	орлā	— вошел	бацāр	— мало
кӱчтӓ	— сильный	долâтā	— семи лет	ajӯ	— медведь
гӱнӑр	— глубоко	кӧдлнӓ	— работает	дулāн	— тепло
белдцӓнӓ	— готовят	цармӯт	— быки	ӱкрīн	— быка (род. п.).
мӧрӑр	— по следам	ӱкӗрмӯт	— корова		

Слова, заимствованные из русского языка, в отношении своих гласных в литературном языке сингармонизму не подчиняются, например:

колхōз, а не колхāз — колхоз
агрӧнōм, а не агрӑнāм — агроном
Но: закāн, а не закōн — закон.

В письме эти слова сохраняют свой русский орфографический облик. Что же касается устной речи, то в ней, конечно, заимствованные из русского языка слова в той или иной степени подчиняются нормам калмыцкой фонетики, что особенно касается неударенных гласных, которые и в русском разговорном языке сильно разнятся от правописания. Фонетические видоизменения русских слов, проникающих в калмыцкий язык, могут быть сведены к следующим положениям:

а) Неударенные гласные, находящиеся в конце слова, выпадают, например:

шкōл, а не шкôлӑ машīн, а не машīнӑ.

б) Неударенный гласный *о* в непервых слогах либо переходит в *а*, либо совершенно исчезает, например:

трâктӑр, а не трâктӧр Кîрӑв, а не Кîрӧв.

в) Ударенный гласный *о* сохраняется, как правило, в любом слоге, например:

патрōн, а не патрāн (патрон)
совхōз, ā не совхāз (совхоз)
Но: закāн, а не закōн (закон).

г) Ударенные гласные русских слов в калмыцком языке отражаются либо в виде долгого гласного, либо в виде сверхдолгого гласного — в зависимости от места, занимаемого им в слове, например:

школа — шкōл
трактор — трâктӑр
пионер — пиоӊēр.

В письме все эти изменения, которые претерпевают русские слова, проникающие в калмыцкий язык, своего отражения не находят (за исключением конечных неударенных гласных, которые отбрасываются). И русские слова в калмыцком литературном языке сохраняют русский же орфографический облик, например:

трактор, а не траактр
бригадир, а не биргдир
Киров, а не Киирв.

Но мы видели, что в калмыцком литературном языке гласные буквы в непервых слогах обозначают долгие гласные звуки. Стало быть, орфография собственно калмыцких слов расходится с орфографией слов, заимствованных из русского языка: в то время, как в собственно калмыцких словах буквы *а*, *у* в непервых слогах обозначают долгие гласные, те же буквы в заимствованных из русского языка словах обозначают очень часто ускользающие в произношении гласные, во всяком случае — краткие гласные, которые в собственно калмыцких словах совершенно не обозначаются. Такое противоречие в современной калмыцкой орфографии находит лишь историческое оправдание. Как известно, такое противоречие было устранено в бурят-монгольской латинизированной орфографии благодаря тому, что долгие гласные бурят-монгольского языка передавались удвоенными знаками в любом слоге (как и сверхдолгие), а все краткие и редуцированные гласные — одной буквой, например:

huugaad — сидевши	irebe — пришел	Kiirov — Киров
huuhan — севший	traaktor — трактор	pioneer — пионер.

Правда, в бурят-монгольском языке заимствованные из русского языка слова имели как бы „лишние“ буквы, что, однако, с педагогической точки зрения не представляет какого-либо неудобства. И если в калмыцком литературном языке возможно было бы применить принципы бурят-монгольской орфографии, то удалось бы, во-первых, устранить противоречие в написании собственно калмыцких слов, с одной стороны, и слов, заимствованных из русского языка; во-вторых, удалось бы достигнуть того, чтобы написание заимствованных слов соответствовало произношению. И калмыцкие слова в написании тогда имели бы следующий вид:

малда, а не малд — скоту
кӱрӓӓд, а не кӱрӓд — достигнув
кӱрӓӓдӓ, а не кӱрӓд — в монастыре
траактор, а не трактор — трактор.

Но такая орфография, несмотря на очевидные преимущества, привела бы к увеличению количества печатных знаков в наборе, письме и т. д.

СОГЛАСНЫЕ

В калмыцком языке имеются следующие согласные: *б*, *в*, *г*, *ҕ*, *д*, *ц*, *ж*, *з*, *ј*, *к*, *л*, *м*, *н*, *ң*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*.

Согласные *ж*, *ф* встречаются лишь в словах, заимствованных из русского языка, например:

журна̄л — журнал алфâвӣт — алфавит.

В торгоутском диалекте имеется звук *h* — звонкий гортанный спирант, напоминающий немецкий глухой *h* в слове haben — иметь[1]. Появился этот спирант в торгоутском диалекте в результате того, что заднеязычный спирант *x* в положении перед гласным *o*, в свою очередь находящимся перед слогом, в котором имеется или, точнее, имелся гласный *i*, претерпел изменение. Процесс происходил следующим образом: гласный заднего ряда *o* в положении перед слогом с *i* перешел в передний ряд и превратился в гласный *ö*, а так как согласный *x* не встречается в словах переднего ряда, то он и превратился в гортанный спирант *h*, например:

*xorin → хӧр̀ĭн → hӧр̀ĭн — двадцать
*xori → хӧр̀ĭ → hӧр̀ĭ — запретить
*xonin → хӧн̀ĭн → hӧ̄н — овца.

Следует оговориться, что в торгоутском диалекте *h* не является самостоятельной фонемой и оказывается лишь комбинаторным вариантом спиранта же *x* в случаях, только что нами отмеченных.

Говорить много о калмыцком консонантизме не приходится, так как с качественной стороны калмыцкие согласные в основном почти не отличаются от соответствующих русских согласных. Упомянем лишь о некоторых явлениях.

Знаком ц̣ мы обозначаем слабый аффрикат *дж*, при артикуляции которого очень трудно уловить дрожание голосовых связок в момент смыкания. Как правило, русский согласный *ж*, при переходе соответствующих русских слов в калмыцкий язык, в последнем отражается в виде аффриката ц̣ (речь идет о произношении лиц, которые недостаточно владеют русским языком), хотя в алфавите введен специальный знак *ж* (аффрикат же ц̣ в орфографии передается в виде *дж*).

Примеры:

ц̣іл — год
ц̣ола̄ — поводья
ц̣ора̄ — иноходец
ц̣ахӑр — якорь.

Знаком *j* мы передаем среднеязычный звонкий спирант, который соответствует немецкому *j*. В современном калмыцком литературном языке этот спирант передается так же, как и в русском алфавите, за исключением тех случаев, когда он находится в положении перед гласными *o*, *i*, например:

jамӑ̄н — яман — коза
ajӯ — аю — медведь
jӯ — ю — что (вин. п.)
jентӓ̄ — Ентӓ — собств. имя.

Но:

jісӗн — йисн — девять
jовна̄ — йовна — идет.

[1] По определению Sivers'a, немецкий *h* — звонкий.

Знаком *к* мы обозначаем переднеязычный смычный, встречающийся лишь в словах переднего ряда (за исключением слов, заимствованных из русского языка), например:

керĕк — дело кӱла̂на̄ — ждет
делка̄ — мир кӧвӱ̄н — сын.

Но:

колхо̄з — колхоз ḱіно̄ — кино
совхо̄з — совхоз Ḱім — Ким.

В словах заднего ряда этому согласному соответствует глухой спирант *х*, являющийся то заднеязычным, то переднеязычным. Следует, однако, иметь в виду, что изложенное вовсе не предполагает отсутствие в словах переднего ряда спиранта *х*. Дело в том, что в словах переднего ряда этот спирант, естественно оказывающийся переднеязычным, встречается при следующих положениях:

а) Выше мы говорили, что гласный *ӓ* в первом слоге восходит к древнему **а*, т. е. к гласному заднего ряда. И в этих-то случаях мы имеем спирант *х*, а не смычный *к*. Точно так же смычный *к* не встречается и перед гласным *ӧ*, если последний исторически восходит к **о*.

Примеры:

хӓрӱ̄ ← *xariγu — ответ, назад хӧ̄н ← *xonin — овца
хӓр̀ ← *xari — чужой хонă ← *xoina — после.

Относительно *ӓ* можно вывести абсолютное правило, по которому смычный *к* никогда не встречается перед *ӓ* первого слога. Что же касается гласного *ӧ*, то, чтобы заранее определить характер соответствующего согласного, нужно знать, к чему восходит гласный *ӧ*: к древнему ли *о* или к тому же *ӧ*. В первом случае мы будем иметь спирант *х*, например:

хӧ̄н ← *xonin — овца, хо̂нă ← *xoina — после,

а во втором случае — смычный *к*, например:

кӧвӱ̄н ← *kobegün — сын кӧл ← *köl — нога.

б) В окончании будущего причастия спирант *х* встречается и в словах переднего ряда, например: «біч̀ĭхĕ» — писать, «ірĕхĕ» — приходить.

С другой стороны, смычный *к* встречается и в словах заднего ряда в положении перед глухими или в конце слова. В этих случаях *к* как бы чередуется с глухим *ʒ̣*, например:

јовдăк ~ јовдăг̣ — идущий
актă ~ аг̣тă — мерин.

В связи с изложенным необходимо упомянуть, что в конце слогов и слов мы, как правило, замечаем вместо звонких *б* и *д* появление глухих *в* и *т*, например:

јова̄т, а не јова̄д — пойдя
зӧв, а не зӧб — правильно.

Относительно же *б* заметим, что этот согласный в современном калмыцком языке сохранился вообще только в начале слова, во всех остальных случаях заменившись глухим *в* (и перед гласными, в том числе), например:

јовă ← *јаbu — йдти
ковӯн ← *кöbegün — сын.

В письме в конце слогов и слов пишутся *д*, *г*, а не *т*, *к*, например

керг, а не керк — дело
йовад, а не йоват — пойдя.

Знаком *ң* мы изображаем заднеязычный носовой согласный без слышимого *г*, например:

аң — зверь зäң — предложение
ковӧң — вата заң — обычай.

В письме этот согласный передается в виде сочетания *н* + *ъ* = *нъ*, например:

анъ — зверь зäнъг — предложение
ковнъ — вата занъ — обычай.

Согласный *п*, так же как и *ж*, *ф*, встречается лишь в словах заимствованных, например:

піонēр — пионер Пӯрвă — собств. имя
пілот — пилот патрон — патрон.

Остается сказать несколько слов относительно согласных *г* и *ӷ*, которые в калмыцкой латинизированной письменности изображались знаками *g* (*г*) и *h* (*ӷ*), а в современной письменности на русской основе знаками *г* (*г*) и *гъ* (*ӷ*). Нужно заметить, что в интерпретации этих согласных существует недоразумение: полагают, что *г* будто бы является согласным переднего ряда, а *ӷ* (*гъ*) — согласным заднего ряда. На самом деле такая интерпретация не совсем совпадает с тем, что имеется в действительности. В калмыцком языке мы встречаемся не только с различением переднего и заднего согласных *г* и *ґ*, но и с разделением каждого из этих согласных на смычный и спирантный. Как правило, согласный *г* или *ӷ* является передним, конечно, в словах переднего ряда, а задним — в словах заднего ряда, а так как это правило не знает каких-либо исключений, то мы сочли излишним усложнять нашу транскрипцию введением особых знаков для обозначения переднего или заднего характера названного согласного. В латинизированном алфавите, ныне заменненном новым алфавитом на русской основе, знак *h* в начале слова всегда обозначал смычный согласный заднего ряда, а знак *g* — тот же смычный переднего ряда, например:

har — рука gerl — свет
ger — юрта haza — на улице.

В начале слова согласный *г* не бывает проточным, а всегда — смычным. Следовательно, приведенные слова в нашей транскрипции будут иметь следующий вид: «гар», «гер», «герӗл», «газă».

Не то, однако, в середине (и конце) слова, где этот согласный бывает и спирантным и смычным. Смычный вариант мы обозначаем знаком г, а спирант — ɣ, например:

ноɣа̄н	— зеленый	авӑг	— пусть берет
уɣа̄	— мой (вымой)	авɣӑ	— дядя
уга̄	— нет	сурӑг	— пусть учит
баɣӑ	— малый	сурɣӑ	— учи.

В словах типа «уɣа̄» и «уга̄» эти согласные (т. е. спирант ɣ и смычный г) являются самостоятельными фонемами. Что же касается слов типа «сурӑг» и «сурɣӑ» (в письме «сург» и «сургъ»), то в них они оказываются лишь комбинаторными вариантами одной и той же фонемы, различающимися лишь физиологически. Дело в том, что в словах типа «сург», «авг» (мы даем эти слова не в транскрипции, а в гражданском написании) между согласным г и предшествующими согласными имеются редуцированные гласные («сурӑг» и «авӑг»), которые в письме не обозначаются. А в словах типа «сургъ» и «авгъ» после проточного согласного г (т. е. ɣ) имеются редуцированные гласные, которые в письме также не обозначаются, т. е. эти слова в действительности произносятся в виде «сурɣӑ» и «авɣӑ».

Изложенное выше позволяет установить следующий закон:

В начале слова никогда не встречается спирант ɣ; в середине же слова перед гласным (как долгим, так и редуцированным, в письме не обозначающимся) никогда не встречается смычный г, за исключением случаев, ниже оговоренных; в конце слова и слогов никогда не встречается проточный ɣ, например:

цаɣа̄н	— белый	јовӑг̆	— пусть идет	ц̣ірɣа̄т	— насладившись
сурɣӯл	— учеба	худӑг̆	— колодец	бӑ̂ɣа̄т	— будучи
урɣӑцӑ	— урожай	өгна̄	— дает	цуг̆	— вместе
хӑлɣӑ	— дорога	керӗг̆ (керӗк)	— дело	арɣӑ	— способ.

Теперь рассмотрим случаи, когда в середине слова пред гласным может оказаться смычный г, а не проточный ɣ. Во-первых, смычный г перед гласным встречается в тех единичных случаях, когда слово переднего ряда перешло в задний ряд, например, *ügei → уга̄ — нет. Во-вторых, этот же смычный г в середине слова перед гласным может встретиться тогда, когда данный гласный оказывается результатом словоизменения, т. е. составным элементом наращиваемого суффикса. Иначе говоря, если имя в именительном падеже, т. е. в своей основе, в конце имеет смычный г, то при наращении соответствующих суффиксов с начальным гласным оно сохраняет смычный характер своего конечного согласного г, например: «а̂мӑга̄р» — по аймаку, «керӗгӣг» — дело (винит. падеж). Если же иногда вместо ожидаемого «цуга̄р» — „все“ пишут даже в букварях «цугъар», то этим вовсе не хотят обозначать проточный характер данного согласного (т. е. «цуɣа̄р»), а лишь отмечают его задний характер.

С другой стороны, если в современном калмыцком литературном языке и в словах переднего ряда пишут гъ, то этим самым обозначают лишь проточный характер данного согласного, а не его

якобы задний характер, например: «хäлä̂ҕǟт» («хäлäгъäд») — посмотревши, «темдĕгтä̂ҕǟр» («темгтäгъäр») — отметкой. В этих словах знак *гъ* обозначает не задний согласный, а передний согласный, но проточный, т. е. *ҕ*, акустически резко различаемый от смычного *г*.

Как мы видим, в современном калмыцком литературном языке знак *гъ* обозначает чаще всего проточный согласный *ҕ*, а вовсе не предназначен для специального обозначения лишь заднего согласного, ибо принадлежность того или иного согласного к тому или иному ряду (т. е. заднему или переднему) еще не определяет его спирантный или смычный характер.

Вообще говоря, слова типа «цуҕа̄р» следовало бы писать не в виде «цугъар», а в виде «цугар», подчеркивая тем самым смычный характер согласного *г* и выдерживая морфологический принцип, поскольку данное слово в именительном падеже все-таки пишется в виде «цуг», а не «цугъ». Сравни: «керг» — «кергäр» — делом. Но дело в том, что пишущих сбивает интерпретация (неправильная по существу), по которой знак *гъ* будто бы служит для обозначения заднего согласного. Кроме того, надо иметь в виду то обстоятельство, что в дербетском диалекте (в отличие от торгоутского) перед гласным смычный *г* всегда становится проточным *ҕ*: это особенно заметно в произношении дербетов Западного улуса.

В заключение необходимо сказать о палатализованном согласном *л̀* в письме *ль*). Как известно, в монгольских языках палатализованные согласные являются результатом регрессивного влияния последующего гласного *i*. В калмыцком языке палатализация по этим же причинам произошла лишь в отношении согласного *л̀*, например:

тол̀ (в письме толь) — зеркало
хол̀ (в письме холь) — смешать
сурҕӯл̀ (в письме сургъуль) — учеба.

Все же остальные согласные палатализации не подверглись, а гласный *i* в сочетании с иными гласными превратился в соответствующий долгий гласный переднего ряда, например:

*xariγy → хäрӯ — ответ, назад, *ariγun → äрӯн — чистый.

Следует указать, что согласный *л* оказывается палатализованным не только в тех случаях, когда он непосредственно предшествует гласному *i*, но и если находился перед слогом, содержащим тот же гласный *i*, например:

дол̀га̄н — волна зал̀г̀ĭхă — проглотить
сал̀к̀ĭн — ветер хал̀тăрхă — скользить.

Русские палатализованные согласные в калмыцком языке теряют свою палатализацию, например: «буква̄р» — букварь.

В говоре хошоутов палатализация согласных вообще не имеет места, но зато в этом говоре гласные заднего ряда в словах, в которых другие говоры имеют палатализованные согласные, перешли в передний ряд, например: «сäлкн» вместо обычно калмыцкого «салькн» — ветер.

II. МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Морфология изучает все те изменения, которым подвергаются слова в процессе речи. Но эти изменения бывают двоякого рода: в одном случае основное значение данного слова не подвергается изменению, хотя звуковой состав слова меняется; во втором случае то же основное значение слова оказывается видоизмененным. Например:

1) тогт — остановись!
2) тогтв — остановился
3) тогта — постанови! останови!
4) тогтав — постановил, остановил
5) тогтавр — постановление
6) тогтаврт — в постановлении.

В этих шести словах общим является сочетание звуков *т, о, г, т* (тогт), означающее в первом примере форму повелительного наклонения 2 лица единственного числа. Во втором примере мы имеем «тогтв» — остановился, в котором значение сочетания первых четырех звуков сохраняется, а пятый звук *в* лишь относит данное действие к прошлому, поскольку он (звук *в*) является окончанием прошедшего времени изъявительного наклонения. Не то уже мы имеем в третьем примере: «тогта» — постанови! или останови! Здесь значение целого существенно отличается от того, что имеется в первых двух случаях. Если в первых двух случаях мы имели дело с действием, выполняемым субъектом речи, то в третьем примере встречаемся с действием, выполняемым адресатом субъекта речи. Четвертый пример представляет собою изменение третьего случая точно так же, как второй случай есть изменение первого. Пятый пример: «тогтавр» — постановление, представляя собою изменение третьего примера, еще более удаляется по своему значению от первого примера. Шестой пример: «тогтаврт» — в постановлении, представляющий собою изменение пятого примера, так же относится к последнему, как второй — к первому и четвертый — к третьему. Иначе говоря, отношение со стороны значения четных примеров к соответствующим нечетным примерам одинаково в том смысле, что четные примеры не представляют собою новые слова относительно нечетных. В то же самое время каждый следующий нечетный по порядку пример представляет собою совершенно новое слово. Следовательно, в нечетных примерах мы встречались со случаями образования новых слов, со словообразованием. В четных же случаях мы встречались лишь с изменениями синтаксических функций слов, т. е. со словоизменениями. При словоизменении, следовательно, мы имеем дело с одним

и тем же словом, принимающим различные формы в зависимости от того или иного синтаксического задания. Если мы имеем дело с изменением глагольного слова, то это значит, в основном, что действие, выражаемое данным глаголом, относится к тому или иному времени. Если же изменяется имя, то это значит, что оно (имя) отвечает на тот или иной вопрос, исходящий главным образом от глагола. Например: «тогт» — остановись! «тогтв» — остановился, «тогтджана» — останавливается, «тогтх» — остановится. В этих примерах мы имеем дело с одним и тем же действием (остановиться), но относимым к тому или иному времени в зависимости от того или иного окончания.

«Тогтавр» — постановление, «тогтаврт» — в постановлении, «тогтаврас» — из постановления, «тогтаврар» — по постановлению, «тогтавриг» — постановление (винит. падеж). В этих примерах мы встречаемся с одним и тем же предметом (постановление), соответствующее обозначение которого имеет различные окончания в зависимости от того, на какие вопросы оно отвечает.

Из рассмотренных выше примеров не трудно усмотреть, что различные слова («тогт» — остановись, «тогта» — останови, «тогтавр» — постановление), близкие по значению, имеют и сходство и различие в своем звуковом составе. Сходством или общим для них является сочетание звуков *т + о + г + т* или первое слово «*тогт*» — „*остановись*“. Звуки же *а* («тогт*а*»), *вр* («тогта*вр*») представляют собою то, что образует между этими словами различие и по значению.

Далее: особенностью слов «*тогта*» — „*постанови*“ и «*тогтавр*» — „*постановление*“ является то, что они разложимы («тогта» состоит из тогт + а, «тогтавр» из тогт + а + вр), а также и то, что оба эти слова в конечном счете восходят к третьему слову — «*тогт*» — „*остановись*“, иначе говоря, производны от последнего. Особенностью же слова *тогт* является то, что оно уже неразложимо. Следовательно, слова бывают разложимыми и неразложимыми. Слова, разложимые на составные части, суть производные, образованные от других слов. Те же слова, которые не могут быть разложены на составные части, суть коренные, не производные от других слов.

Всякое производное слово состоит, стало быть, из корня и соответствующих звуков, присоединяемых к данному корню. Эти звуки называются суффиксами. Иначе говоря, производное слово состоит из корня + суффикс. Необходимо иметь в виду, что калмыцкий язык отличается от русского языка также и тем, что в нем (калмыцком языке) корень любого слова в свою очередь представляет собою какое-нибудь слово (коренное или непроизводное). Так, например, для слов «тогта» — „постанови“ и «тогтавр» — „постановление“ первоначальным корнем является сочетание звуков *т, о, г, т*, т. е. «*тогт*», которое в свою очередь представляет собою самостоятельное слово, означающее „остановись“.

Из вышеприведенных слов слова *тогта* и *тогтавр* состоят: тогта — из корня *тогт* и из суффикса *а*; тогтавр — из корня *тогта* и из суффикса *вр*. Во втором случае мы имеем такой корень, который сам пред-

ставляет собою слово, производное от «тогт» — „остановись“. Таким образом мы будем иметь дело с первичными, вторичными и т. д. корнями, из коих неразложимыми оказываются лишь первичные корни.

Из изложенного вытекает, что корнем мы называем ту любую часть любого слова, которая способна на дальнейшее словообразование. Суффиксом же, соответственно, называется сочетание звуков или такой звук, при помощи которого на основе какого-нибудь корня возможно образование какого-нибудь другого нового слова.

Выше было указано, что калмыцкий язык отличается от русского языка также и тем, что в нем корень любого слова представляет собою какое-нибудь слово с самостоятельным значением. Здесь же следует указать, что из этого правила имеются исключения. Мы имеем в виду слова, оканчивающиеся на *сн*, например: «цасн» — снег, «тоосн» — пыль «тосн» — масло, «ноосн» — шерсть, «нӱӱрсн» — уголь и т. д. В этих словах мы имеем суффикс *сн* (← *sun) и соответствующие корни (ца, тоо, то, ноо, нӱӱр), которые в современном языке не являются самостоятельно значимыми словами. Точно так же суффикс *сн* в современном калмыцком языке не является активно действующим, при помощи которого возможно было бы образование одних слов от других. Иначе говоря, слова с конечными *с* + *н* состоят из соответствующих омертвелых корней и омертвелого же суффикса *сн*.

До сих пор мы говорили главным образом о словообразовании, которое представляет собою, однако, только лишь часть того, что составляет предмет морфологии. Другой, не менее важной частью предмета морфологии является словоизменение. При словоизменении мы не получаем нового слова, хотя внешне оно, словоизменение, ничем не отличается от словообразования. Словоизменение представляет собою процесс, проистекающий исключительно в силу того или иного синтаксического задания. Для того чтобы слово в предложении, не изменяя своего значения, выполняло различные функции, необходимо подвергнуть его соответствующим изменениям. Словоизменение как таковое распадается на склонение по падежам и числам (имена) и на спряжение по временам и наклонениям (глаголы). Например:

тогт	— остановись!	спряжение,
тогт*г*	— пусть остановится!	
тогт*в*	— остановился	
тогт*сн*	— остановившийся	
тогт*дж*	— остановясь	
тогтавр	— постановление	склонение.
тогтавр*муд*	— постановления (мн. ч.)	
тогтавр*т*	— в постановлении	
тогтавр*ас*	— из постановления	
тогтавр*ар*	— по постановлению	
тогтавр*иг*	— постановление (вин. п.)	
тогтавр*ин*	— постановления (род. п.)	

При словоизменении мы имеем дело не с корнями и суффиксами, а с основой и окончанием. Та часть измененного слова, которая уточняет значение функции слова и речи, называется окончанием (в примерах окончания напечатаны курсивом). Та же часть слова, к которой присоединяется окончание, называется основой. По своему фонетическому составу основа может совпадать с корнем. Так, например, «тогта» — „постанови“ одновременно является и основой соответствующего глагола, означающего „постановить“, и корнем в отношении слова «тогтавр» — „постановление“. Основой глагольного спряжения является форма второго лица единственного числа повелительного наклонения.

Глагольная основа в то же самое время является корнем для отглагольных имен. Иными словами, для того чтобы образовать какое-нибудь имя от глагола, необходимо соответствующий имяобразующий суффикс „приклеить“ к форме второго лица единственного числа повелительного наклонения, например:

ун — садись на коня — уна — верховой конь
йов — иди — йовдл — хождение
су — сиди — суудл — сидение.

Основой для склонения имен, является, за нижеоговоренным исключением, форма именительного падежа. Иначе говоря, для того чтобы образовать форму множественного числа или какого-нибудь косвенного падежа, необходимо к форме именительного падежа „приклеить“ окончание соответствующего падежа или соответствующее окончание множественного числа, например:

гер — юрта (имен. п.) — гер*т* — в юрте (дат. п.)
гермӱ*д* — юрты (мн. ч.) — гер*ӓс* — из юрты (исх. п.) и т. д.

Однако форма именительного падежа не всегда является основой склонения. Если имя в именительном падеже оканчивается на согласный *н*, то основой склонения в винительном, орудном и совместном падежах является форма именительного падежа без данного конечного согласного *н*, например:

мӧрн — конь (имен. п.) мӧрӓр — на коне (орудн. п.).

Процесс как словоизменения, так и словообразования есть морфологический процесс. Уже из приведенных выше примеров не трудно было усмотреть, что морфологический процесс в калмыцком языке сводится к присоединению к основе или корню того или иного окончания или суффикса. Основа или корень при словоизменении и словообразовании остаются в неприкосновенной форме. Такая форма морфологического процесса называется *агглютинацией*, что в латинском языке означает „приклеивание“. Язык, в котором главным приемом морфологического процесса является агглютинация, называется *агглютинативным*. Таковым, следовательно, является и калмыцкий язык. На данной стадии своего развития калмыцкий язык по приемам своего морфологического процесса является исключительно агглютинативным. Но это

не означает, что в современном калмыцком языке пережиточно не сохраняются иные приемы морфологического процесса (особенно в области словообразования). Эти приемы ниже мы изложим лишь в сжатой форме, так как они уже были предметом рассмотрения в ряде работ по монголистике (Б. Я. Владимирцева, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеева и других).

Одним из приемов словообразования (точнее — словоизменения) некогда служило чередование гласных. Приведем примеры, иллюстрирующие этот прием:

ах — старший брат эк — мать
цагъан — белый цегъан — светлый, бледный.

Как видно из этих примеров, достаточно было изменить лишь гласные в соответствующих словах, чтобы последние различались и по значению. Дабы не усложнять наше изложение многочисленными примерами, отсылаем читателя к известной книге Б. Я. Владимирцева (Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Ленинград, 1929, стр. 129—141), в которой приводятся многочисленные примеры, иллюстрирующие излагаемый здесь прием и суть чередования гласных в монгольских языках.

Чередование согласных в качестве морфологического приема, повидимому, не имело в свое время такого применения, как чередование (т. е. сингармонизм) гласных. Но все же это чередование некогда имело место, о чем свидетельствуют следующие примеры:

зöв (правильно) = тöв (прямой)
задрх (развалиться) = ядрх (изнемогать).

В этих словах чередование соответствующих переднеязычных согласных дает некоторое изменение значения слов, точнее — фонетическое расщепление вызвано семантической филиацией.

Конечно, приведенные примеры, иллюстрирующие чередование согласных, сопровождаемое семантическим расщеплением, весьма ограничены, к тому же исследовательская работа в этом направлении только лишь начинается.

О ЧАСТЯХ РЕЧИ

В калмыцком языке слова по своим формальным особенностям могут быть подразделены (хотя и не с такой категоричностью, как в русском языке) на изменяемые и неизменяемые. Однако такое деление слов в калмыцком языке ровно ничего не дает и имеет не большее значение, нежели, например, деление слов по количеству слогов. Мы предпочитаем поэтому деление слов по их значению и синтаксическим особенностям на части речи. Не отказываясь от употребления общего термина „имя вообще“, мы тем не менее считаем излишним вводить в наше изложение двухстепенное деление слов, как то имеет место, например, в известной работе французского турколога J. Deny (Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 143). Мы считаем также излишним класть в основу нашего деления такие термины, как знаменательные и слу-

жебные слова, поскольку эти термины, с одной стороны, ровно ничего не объясняют и, с другой, совершенно излишни, — тем более, что о служебной роли некоторой группы слов приходится говорить вне зависимости от деления слов на части речи.

Как известно, деление слов на части речи в калмыцком языке до сих пор проводилось без учета особенностей этого языка. В связи с этим, в калмыцком языке находили те же части речи, что и в индоевропейских языках. Так, например, А. Попов, автор „Грамматики калмыцкого языка“ (Казань, 1847), находит в калмыцком языке имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, послеречия (т. е. послелоги), союзы, междометия. Такая же схема (с небольшими изменениями) имеется и у В. Котвича. Лишь А. Бобровников в своей известной „Грамматике монгольско-калмыцкого языка“ (Казань, 1849) дает правильное решение вопроса, принимаемое нами с поправками, о которых речь будет идти ниже.

Само собою понятно, единственно правильным делением слов калмыцкого языка на части речи является деление их соответственно грамматическим законам, действующим в калмыцком языке. Следовательно, вопрос о том, как именно переводить калмыцкую речь на другие языки, должен при этом занимать подчиненное значение. Абсолютно неправильно при установлении частей речи одного языка исходить исключительно из задач перевода с этого языка на другой язык. Вандриес как-то остроумно заметил, что не будь латинской грамматики, грамматика французского языка была бы изложена совершенно иначе. Поэтому при изложении грамматики калмыцкого языка необходимо исходить из условного предположения, что никакой иной грамматики не существует. Только та грамматика калмыцкого языка, которая построена именно таким образом, т. е. по законам, действующим в данном языке, оправдает себя как теоретически, так и практически. Она оправдает себя теоретически потому, что даст более точное определение структуры калмыцкого языка, что в свою очередь облегчит понимание исторического пути, который прошел и проходит сейчас калмыцкий язык. Она оправдает себя практически потому, что облегчит преподавание калмыцкого грамматического строя в калмыцкой школе, в которой учащиеся младших классов еще не знают ни русского языка, ни грамматики последнего.

Ниже мы будем говорить о следующих частях речи в калмыцком языке:

1. Имя предметное.
2. Имя качественное.
3. Имя числительное.
4. Местоимение.
5. Наречие.
6. Послелоги.
7. Глагол.
8. Частицы.
9. Междометие.

Послелоги и частицы по существу представляют собою не слова, а служебные элементы речи. Что же касается междометий, то они тоже не являются самостоятельно значимыми словами, так как ими выражаются не понятия, а настроения и т. д.

ПРЕДМЕТНОЕ ИМЯ

Монголист А. Бобровников впервые ввел употребление термина „предметное имя“. Этот термин, как и весь труд А. Бобровникова, о котором выше уже говорилось, был незаслуженно позабыт. А. Попов, автор первой грамматики калмыцкого языка, употреблял термин „имя существительное“, совершенно не точно характеризующий соответствующую часть речи в калмыцком языке, ибо предметное имя в последнем существенно отличается от того, что в русской грамматике называется именем существительным. Как известно, советские монголисты, стоящие на платформе историзма в языкознании, за последние годы признали более правильным вернуться к терминологии, впервые предложенной А. Бобровниковым, как более отвечающей тому, что мы имеем в монгольских языках вообще. Вопросу о частях речи в монгольских языках был посвящен доклад Н. Н. Поппе, прочитанный в Улан-Удэ в 1936 году. В этом-то докладе и изложена новая точка зрения советских монголистов по излагаемому здесь вопросу.

Чем же отличается предметное имя калмыцкого языка от имени существительного русского языка? Специфика предметного имени калмыцкого языка станет для нас ясной, если мы рассмотрим его синтаксические особенности.

То основное, что отличает предметное имя калмыцкого языка от имени существительного русского языка, заключается в том, что в соответствующей позиции, а именно перед другим предметным именем оно оказывается предметным, уподобительным или назывным определением. Иначе говоря, с точки зрения перевода на русский язык, калмыцкое предметное имя в определительной функции как бы заменяет собою имя прилагательное, а именно — предметное прилагательное. Например:

төмр хаалгъ — *железная* дорога
ишкä гер — *войлочная* юрта
чолун нӳӳрсн — *каменный* уголь.

В этих примерах предметные имена: «төмр» — железо, «ишкä» — войлок, «чолун» — камень, оказавшись перед другими предметными именами («хаалгъ» — дорога, «гер» — юрта, «нӳӳрсн» — уголь), являются определениями и на русский язык необходимо переводятся как имена прилагательные, причем такие, которые производны от соответствующих имен существительных (железная от железо, войлочная от войлок, каменный от камень). В виду такой особенности этих слов в калмыцком языке мы называем их предметными именами, а не именами существительными. Стало быть, основное различие между калмыцкими предметными именами и русскими именами существительными лежит в плоскости синтаксической. Морфологическое же различие между этими именами заключается в том, что в русском языке от любого имени существительного возможно, по крайней мере в теории, образование имени прилагательного, чего нельзя сказать относительно предметного имени в калмыцком языке. Мы пола-

гаем, что эта особенность калмыцкого языка должна найти отражение в терминологии калмыцкой грамматики.

Предметное имя, будучи абстрагировано от своих морфологических и синтаксических особенностей, взятое только в разрезе, так сказать, лексико-семантическом, ничем не отличается от имени существительного в русском языке. Стало быть, предметное имя, так же как и имя существительное в русском языке, обозначает предмет в широком смысле этого слова, т. е. физические тела («модн» — дерево, «усн» — вода), явления в природе («салькн» — ветер, «хур» — дождь, «ödр» — день, «сö» — ночь), процессы («сунъгъвр» — выборы, «йовдл» — хождение, «революций» — революция), абстрактные понятия («теорий» — теория, «ухан» — ум) и т. д.

В лингвистике существует издавна теория, согласно которой и в калмыцком языке отсутствует формальное различие между именами существительными (читай — предметными) и прилагательными (читай — качественными). Эта теория верна лишь отчасти, ибо на самом деле формальное различие между этими частями речи существует, хотя это различие не может быть проведено в таком объеме, как это имеет место, например, в русском языке при различении имен существительных и прилагательных. Дело в том, что в калмыцком языке предметные имена безусловно различаются от прочих имен и формально в том случае, если они оказываются производными. Иначе говоря, формальное различие между предметными и прочими именами есть явление сравнительно позднее, возникшее в ту пору, когда суффиксация стала играть в языке весьма значительную роль. Стало быть, до того, как суффиксация (и, значит, агглютинация) стала решающим грамматическим приемом в калмыцком языке, в последнем не существовало формального различия между предметными и прочими именами, что в свою очередь являлось следствием отсутствия семантического различия. Если коренные или непроизводные предметные имена ныне действительно не различаются по форме от прочих имен, то это свидетельствует лишь о той стадии, которая давно уже пройдена калмыцким языком. Стало быть, вопрос о формальном различии в калмыцком языке между предметными и иными именами может быть разрешен лишь в свете исторического рассмотрения этого языка в целом. При этом надлежит иметь в виду следующие факты:

а) В калмыцком языке коренных или непроизводных предметных имен примерно втрое меньше, чем производных.

б) Почти треть непроизводных предметных имен калмыцкого языка заимствована им из других языков, с которыми он когда-либо соприкасался или сейчас соприкасается.

Следовательно, в калмыцком языке очень мало предметных имен, не имеющих формального различия от прочих (в первую очередь — качественных) имен. Вот почему неправильно утверждать, будто в калмыцком языке слабо развито формальное различие между частями речи. Такое утверждение несомненно является результатом, во-первых, неисторического подхода к изучаемому явлению и, во-вторых, полного

игнорирования грамматических (синтаксических — в особенности) черт в структуре калмыцкого языка, что в свою очередь было следствием смешения морфологических и синтаксических категорий. Так, например, поскольку предметное имя в позиции или функции определения неизбежно переводилось на русский язык прилагательным, из этого делался вывод, будто бы „прилагательное“ не различается от „существительного“ («*төмр* хаалгъ» — *железная* дорога). При этом упускалось из виду то важное обстоятельство, что то или иное предметное имя переводится на русский язык прилагательным, лишь оказываясь в функции определения (точнее — предметного определения).

Ныне непроизводные предметные имена в калмыцком языке могут быть подразделены на: 1) действительно коренные (т. е. такие, состав которых на данной стадии науки неразложим) и 2) разложимые лишь методом лингвистического анализа. Здесь мы переходим к обзору второй группы коренных предметных имен.

Большое количество предметных имен в калмыцко́м языке имеет окончание *сн* (← *sun) например:

ца*сн*	— снег	*ясн*	— кость	мө*сн*	— лед
то*сн*	— масло	өв*сн*	— сено	цу*сн*	— кровь
тоо*сн*	— пыль	эл*сн*	— песок	гилв*сн*	— блеск
загъ*сн*	— рыба	нүүр*сн*	— уголь	у*сн*	— вода.
балгъ*сн*	— город	көө*сн*	— пена		

В этих словах историческими корнями оказываются: *ца, то, тоо, загъ, балгъ, я, өв, эл, нүүр, көө, мө, цу, гилв, у.* Эти „корни“, ныне оторванные от омертвелого суффикса *сн*, не имеют никакого значения (за исключением көө в слове «көөсн» — „пена“, означающего форму единственного числа второго лица повелительного наклонения глагола «көөх» — „пениться“). Что же касается окончания *сн*, то оно является омертвелым суффиксом, ибо в современном калмыцком языке никоим образом не служит средством имяобразования. Дело ни в малейшей степени не меняется от того, что в некоторых отдельных случаях одиночные предметные имена с данным омертвелым суффиксом *сн* при разложении оказываются значимыми словами [имеются в виду имена типа «көөсн» — „пена“, разлагаемого на көө — (пениться) + сн (омертвелый суффикс)], ибо тот или иной суффикс не признается омертвелым в том лишь случае, если он способен на активное словообразование от соответствующих основ.

Как уже выше сказано, громадное большинство предметных имен в калмыцком языке оказывается производным. Производные имена распадаются на отыменные и отглагольные, образованные и образующиеся при помощи „живых“ суффиксов, к обзору которых ниже мы и переходим.

1. Отыменные предметные имена

а) Суффикс *ч*. Служит для образования предметных имен, обозначающих преимущественно род занятий того или иного лица. Корень имен с этим окончанием, представляющий собою предметное же имя,

обозначает предмет, являющийся чаще всего объектом этого рода занятий. Например:

хөөч — чабан (от «хөө» — овца)
малч — пастух (от «мал» — скот)
эмч — лекарь (от «эм» — лекарство)
джолач — кучер (от «джола» — вожжи)
көдлмшч — рабочий (от «көдлмш» — работа)
арсмч — торговец (от «арсм» — торговля)
загъсч — рыболов (от «загъсн» — рыба)
модч — столяр (от «модн» — дерево).

Последние два примера показывают, что если коренное слово оканчивается на согласный *н*, то при наращении соответствующего суффикса данный согласный *н* отбрасывается во всех случаях.

б) Суффикс *вч*. Служит для образования имен, обозначающих предметы, при помощи которых что-либо прикрывается. Корень имен с этим окончанием, представляющий собою предметное имя, обозначает предмет, оказывающийся объектом защиты. Например:

хурвч — наперсток (от «хургън» — палец)
далвч — навес (от «дал» — лопатка).

Этот суффикс весьма мало употребителен.

в) Суффикс *тн*. При помощи этого суффикса образуются слова, обозначающие чаще всего владельцев того или иного предмета, выраженного в корне, представляющем собою предметное имя. Этот суффикс употребляется довольно редко. Например:

дживртн — пернатые (от «дживр» — крыло)
ямтн — люди (от «ямн» — жизнь).

г) Суффикс *гчн*. При помощи этого суффикса образуются имена, обозначающие женские особи определенных мастей; корнями таких предметных имен являются качественные имена цветов и мастей. Например:

алгчн — пегая (от «алг» — пегий)
харгчн — черная (от «хар» — черный)
улагчн — красная (от «улан» — красный)
цагъагчн — белая (от «цагъан» — белый).

Суффиксов, при помощи которых образуются предметные имена от других имен, очень мало; они в основном ограничиваются вышеприведенными. Поэтому и слов, образованных при помощи этих суффиксов, также сравнительно мало.

2. Отглагольные предметные имена

Отглагольных предметных имен в калмыцком языке чрезвычайно много. Суффиксы, при помощи которых образуются отлагательные предметные имена, отличаются значительной активностью, чего нельзя

сказать относительно суффиксов, о которых шла речь выше. Ниже мы приводим лишь главные из этих суффиксов.

а) Суффикс — *ан (ӓн)*

урлдан — скачки (от «урлд» — скакать)
ноолдан — борьба (от «ноолд» — бороться)
мӧрглдӓн — боданиe (от «мӧрглд» — бодаться)
дольгъан — волна (от «дольг» — волноваться)
тӓрӓн — хлеб (от «тӓр» — сеять).

б) Суффикс *вр*

диилвр — победа (от «диил» — победить)
сунъгъвр — выборы (от «сунъгъ» — выбирать)
тогтавр — решение (от «тогта» — решать)
ӱӱлдвр — делание (от «ӱӱлд» — делать).

в) Суффикс *ц*

ургъц — растение (от «ургъ» — расти)
бууц — привал (от «бу» — остановиться).

г) Суффикс *дл*

йовдл — хождение (от «йов» — ходить)
бӓӓдл — бытие (от «бӓ» — быть)
суудл — сиденье (от «су» — сидеть).

д) Суффикс *г*

бичг — письмо (от «бич» — писать)
зург — рисунок (от «зур» — рисовать)
будг — краска (от «буд» — красить).

е) Суффикс *л*

кӱцл — желание (от «кӱц» — желать)
таньл — знакомый (от «тань» — знать)
эвдрл — разлом (от «эвдр» — сломаться).

ж) Суффикс *лгън*

авлгън — прием (от «ав» — брать)
белдлгън — подготовка (от «белд» — готовить)
бомбдлгън — бомбардировка (от «бомбд» — бомбардировать)
гаргългън — выпуск (от «гаргъ» — выпускать).

з) Суффикс *лт*

немлт — добавление (от «нем» — добавить)
эрглт — поворот (от «эрг» — повернуться).

и) Суффикс — *з*

олз — находка (от «ол» — найти).

к) Суффикс — *мдж*

иткмдж — доверие (от «итк» — верить)
ӱлмдж — излишек (от «ӱл» — оставаться).

л) Суффикс — *ур (ӱр, ул, ӱл)*

бäрӱл — рукоятка (от «бäр» — держи)
öлгъӱр — вешалка (от «öлгъ» — вешать)
тӱлкӱр (уст) — ключ (от «тӱлк» — толкать).

м) Суффикс *ш*

идш — пища (от «ид» — есть).

н) Суффикс *р*

немр — добавление (от «нем» — добавить)
зӧӧр — имущество (от «зӧ» — возить)
сӱӱр — основание (от «су» — сидеть).

о) Суффикс *уль*

сургъуль — учеба (от «сургъ» — учить).

Как известно, образование имен от глаголов происходит посредством прибавления к глагольной основе (т. е. к форме единственного числа 2-го лица повелительного наклонения) соответствующего суффикса.

Из перечисленных выше суффиксов наиболее употребительными являются *ан (äн), вр, дл, л, лгън* и *ур*, прочие же употребляются сравнительно редко. Следует тут же указать, что от некоторых глаголов при помощи суффикса *ач* образуются предметные имена, обозначающие деятелей, например: «бичäч» — писарь (от «бич» — писать), «ахлач» — председатель (от «ахл» — возглавлять), но таких словообразований в калмыцком языке очень мало.

Как видно из вышеизложенного, в калмыцком языке очень мало суффиксов, образующих предметные имена. Тем более удивительно, что некоторые лингвисты находят возможным утверждать, что формальные различия между частями речи в таких языках, как калмыцкий, совершенно отсутствуют.

КАЧЕСТВЕННОЕ ИМЯ

Мы пользуемся этим термином, предложенным А. Бобровниковым, вместо термина „имя прилагательное“, употребляемого некоторыми лингвистами, не дающими себе труда вникнуть в особенности калмыцкого языка.

Наиболее кратко и обще качественное имя может быть определено следующим образом:

Качественное имя есть слово, обозначающее качество как предмета, так и действия или состояния.

Под качеством предмета следует разуметь его размер, признак, отношение к другому предмету, — словом все то, о чем можно спросить «ямаран?» — какой? В этом смысле калмыцкое качественное имя лишь частично совпадает по своему значению и употреблению с именем прилагательным в русском языке (за исключением, конечно, тех случаев, когда последнее является предметным, типа каменный, железный, деревянный и т. п.). Например:

ӧндр уул — *высокая* гора
киитн ӧдр — *холодный* день
ут утх — *длинный* нож
сäн кӱн — *хороший* человек.

Эти же качественные имена (подчеркнутые в примерах) в позиции перед глаголом выражают качество действия или состояния. Под последним следует понимать то, что в русском языке выражается наречиями и называется обстоятельством образа действия (и состояния, добавим мы от себя). Например:

эн уул тер уулас *ӧндр* бäänä — эта гора *выше* той горы
эндр *киитн* болв — сегодня стало *холодно*
сäн бäänä — *хорошо* живет.

Способность качественного имени одновременно выражать качество как предмета, *так и действия* или состояния и отличает его от того, что в русской грамматике справедливо называется именем прилагательным. Именно поэтому качественное имя одновременно соответствует и прилагательному (качество предмета) и наречию образа действия или состояния русского языка.

Вместе с тем следует указать, что есть определенная группа слов, выражающих только качество предмета, но не его действие или состояние. Эту довольно малочисленную группу слов для простоты изложения мы относим к качественным именам, хотя слова этой группы отличаются от собственно качественных имен тем, что они всегда являются производными от предметных имен и наречий времени и места при помощи суффиксов: *к*, *т*, *та* (*тä*) и, стало быть, как бы вполне совпадают по своему значению и употреблению с именами прилагательными в русском языке.

При помощи суффикса *к* образуются подобного рода качественные имена от наречий времени и места и предметных имен, данных в дательно-местном падеже или иногда в родительном падеже. Имена, образованные таким образом, обозначают, что предмет, выраженный определяемым, имеет временно́е или пространственное отношение к предмету, выраженному в основе этих имен, например:

эндк кӱн — *здешний* человек
гертк кӱн — человек, *находящийся в юрте* (= *домашний* человек).

«Эндк» — „здешний“ образован от наречия места «энд» — „здесь“; «гертк» — „находящийся в юрте“ образован от предметного имени «герт», данного в дательно-местном падеже и значащего „в юрте“. Точно таким же образом можно получить подобного рода имена и от наречий времени, например: «манъгъдурк» — „завтрашний“ от «манъгъдур» — „завтра“, «ӧцглдӱрк» — „вчерашний“ от «ӧцглдӱр» — „вчера“.

При помощи же суффиксов *т*, *та* (*тä*) образуются качественные имена от предметных имен. Такие качественные имена по сути дела обозначают предметы, являющиеся как бы „собственностью“ или частью другого предмета, выраженного в определяемом. Например:

элстä газр — *песчаное* место (т. е. место, имеющее песок)
эвтä юмн — *удобная* вещь (буквально: вещь, которая имеет удобство)
гемтä кӱн — *больной* человек (буквально: человек, у которого есть болезнь, или человек с болезнью).

Эти слова образованы от следующих предметных имен: «элсн» — песок, «эв» — удобство, «гем» — болезнь, недуг, порок.

Теперь рассмотрим случаи, когда калмыцкие предметные имена переводятся на русский язык прилагательными, для чего вернемся к нашим старым примерам (см. стр. 28):

тӧмр хаалгъ — *железная* дорога
ишкä гер — *войлочная* юрта
чолун нӱӱрсн — *каменный* уголь.

В этих примерах предметные имена «тӧмр» — „железо“, «ишкä» — „войлок“ и «чолун» — „камень“ при переводе на русский язык оказались именами прилагательными. Значит ли это, что предметные имена одновременно являются качественными именами? Нет, никоим образом! Дело в том, что предметные имена переводятся на русский язык именами прилагательными только в том случае, если они оказываются лишь определениями к другим предметным именам. Вся-то особенность этого перевода очевидно заключается только в том, что в русском языке имена существительные, соответствующие калмыцким предметным именам, не могут быть определениями других существительных, не изменяя своей формы: для того чтобы имя существительное в русском языке выполнило функцию определения, необходимо либо превратить его в имя прилагательное, либо необходимо сопроводить предлогами. Например:

тӧмр хаалгъ — *железная* дорога (не употребительно: дорога из железа)
ишкä гер — *войлочная* юрта или юрта из войлока
модн суулгъ — *деревянное* ведро или ведро из дерева.

Как видно из примеров, калмыцкие предметные имена переводятся на русский язык именами прилагательными в том лишь случае, если последние, будучи образованы от предметных существительных, оказываются предметными, т. е. обозначающими материал, из которого сделан другой предмет (войлочная юрта — юрта сделана из войлока).

Из изложенного с очевидностью вытекает, что при определении частей речи в калмыцком языке отнюдь не следует исходить из того, как то или иное слово переводится на русский язык. Необходимо по возможности не выходить из законов самого калмыцкого языка и не смешивать явления лексического порядка с категориями, заложенными в синтаксисе.

До сих пор мы рассматривали вопрос о различении предметных и качественных имен с лексической стороны. Теперь мы рассмотрим их с грамматической стороны, что дает нам возможность определить их, не выходя из рамок калмыцкого языка и не прибегая к переводу на

русский язык. (Это очень важно при преподавании калмыцкой грамматики в калмыцкой школе, в которой дети не всегда владеют русским языком.)

Качественные имена не могут отвечать на вопрос «эн юн?» (это что?) или «эн кен?» (это кто?), т. е. быть в предложении подлежащими. Нельзя, например, на вопрос «кен йовна?» (кто идет?) отвечать — «сäн йовна» (желая сказать: хороший идет), ибо качественное имя в именительном падеже перед глаголом обозначает только то, что в русском языке называется обстоятельством образа действия или состояния. Таким образом фраза «сäн йовна» означает „хорошо идет", а не „хороший идет". Иначе говоря, качественное имя перед глаголами отвечает на вопрос „как" или „каким образом".

Для того чтобы качественное имя в калмыцком языке оказалось подлежащим, необходимо „снабдить" его личным притяжанием, например: «сääнчн узгднä» — твоя доброта очевидна (буквально: хорошее твое виднеется). Проистекает такое грамматическое явление из того, что в калмыцком языке качество непременно представляется в чем-либо заложенным, не существующим в оторванном от чего-либо виде; качество само по себе в этом языке не абстрагировано.

Далее: если предметное имя в орудном падеже всегда выражает собою предмет-орудие или предмет-средство, то качественное имя в том же падеже выражает только качество (или образ) действия или состояния. Например:

мöрäр йовна — едет на коне, но:
тӳргäр йовна — едет быстро.

«Мöрäр» есть форма орудного падежа от предметного имени «мöрн» — „конь", «тӳргäр» есть форма того же падежа от качественного имени «тӳргн» — „быстрый".

Третьей особенностью качественного имени является то, что *только оно* может сопровождаться такими усилительными словами, как „йир", «маш» или «тунъ» — „очень", например:

йир сääхн — очень хороший, тунъ хурдн — очень быстрый.

Изложенного вполне достаточно, для того чтобы, не выходя из рамок самого калмыцкого языка, можно было определить различие между предметными и качественными именами.

В заключение остается сказать несколько слов относительно тех случаев, когда качественное имя в то же самое время оказывается и предметным именем. Такие случаи, весьма редкие, могут быть подразделены на три вида, а именно:

1. Качественное имя превращается в предметное имя, оказываясь во множественном числе. В этом случае такое имя, собирательное по существу, обозначает предметы, обладающие определенным качеством, признаком, например: «сääд» (устарелое)—множественное число от «сäн»—хороший, обозначало людей „благородного" сословия: феодалов, нойонов и т. п.; современное «улачуд» — красные (множественное от «улан» —

красный) в противоположность «цагъачуд» — белые (множественное от «цагъан» — белый). Характерно, что в отношении одного представителя лагеря красных или белых нельзя сказать ни «улан» или «цагъан», ни «улачуд» или «цагъачуд» (без употребления соответствующего определяемого «церг» — солдат, воин).

2. Качественное имя „становится“ предметным именем, если оно приобретает новое, переносное значение, например: «хар» — „черный“ иногда означает „злоба, вред“. Характерно, что данное имя не может соответствовать по значению русскому „чернота“, иначе говоря, качественное имя, без изменения своей формы, становясь предметным именем, всегда приобретает переносное значение.

3. Качественное имя как бы становится предметным именем, если оно употребляется в качестве собственного имени, например: Бат — Бата (« бат» — крепкий).

Когда мы говорим, что качественное имя становится предметным именем, то мы имеем в виду, что оно теряет те грамматические свойства, которые присущи вообще качественным именам и о которых только что шла речь выше.

К сказанному надо добавить еще и то, что контрастные парные слова, состоящие из двух противоположных по значению качественных имен, как бы становятся предметными именами с абстрактными значениями, например: «ик багъ» — величина (буквально: большой и малый), «хол ӧӧр» — расстояние (буквально: далекий и близкий), «халу киитн» — теплота (буквально: горячий и холодный). Такие парные слова характеризуются тем, что они произносятся почти слитно (как одно слово, например: «халукиитн»).

Качественные имена подразделяются на коренные и производные. Производные качественные имена образуются при помощи соответствующих суффиксов как от имен, так и от глаголов. К обзору этих суффиксов мы и переходим.

1. Суффикс *бтр*. При помощи этого суффикса от качественных же имен изредка образуются уменьшительные качественные имена, наименования цветов, например: «шарбтр» — желтоватый (от «шар» — желтый), «цагъавтр» — беловатый (от «цагъан» — белый).

2. Суффикс *шнъ*. При помощи этого суффикса от различных имен образуются уменьшительные и уподобительные качественные имена, например: «харшнъ» — черноватый, подобный черному (от «хар» — черный), «холшнъ» — далековатый (от «хол» — далекий), «кӱӱншнъ» — подобный человеку, похожий на человека (от «кӱн» — человек).

3. Суффикс *хн, кн*. При помощи этого суффикса образуются ласкательные или также уменьшительные качественные имена от качественных же имен, например: «холхн» — далековато (от «хол» — далеко), «икхн» — великоватый (от «ик» — большой), «цевркн» — чистенький (от «цевр» — чистый).

Этот же суффикс принимают и все прочие имена, например: «кӱӱнкн» — человечек (от «кӱн» — человек).

Относительно суффиксов *к* и *т* (*та*, *тä*) говорилось уже выше (см. стр. 34).

От глаголов (точнее: от глагольных основ) качественные имена образуются при помощи следующих суффиксов:

1. *мл*, например: «бичмл» — исписанный (от «бич» — писать), «буумл» — спущенный (о метеорите) (от «бу» — спускаться), «зурмл» — разрисованный (от «зур» — рисовать), «öргъмл» — вскормленный (о ребенке) (от «öргъ» — поднять, воспитывать), «теджämл» — вскормленный (о животном) (от «теджä» — кормить).

2. При помощи суффикса *ш* образуются такие качественные имена, которые, всегда сопровождаясь отрицанием *уга*, обозначают невозможность того действия, значение коего заложено в основе данного имени, например: «йовш уга» — непроходимый (от «йов» — идти), «идш уга» — несъедобный (от «ид» — есть), «üзш уга» — неприглядный, невидимый (от «üз» — видеть).

ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН

1. Образование множественного числа

Изменение имени в калмыцком языке сводится к образованию множественного числа и склонению по падежам; категории рода в этом языке нет. В отношении своего изменения предметные и качественные имена (если пока иметь в виду лишь формальную сторону) друг от друга ничем не отличаются. Поэтому мы ниже будем говорить об образовании множественного числа и склонении имен вообще, ибо если существует различие между предметными и качественными именами в области изменения, то это относится либо к лексикологии, либо к синтаксису.

В калмыцком языке существуют следующие окончания множественного числа: *с*, *д*, *муд* (изредка *уд*), *нр*, *чуд*, которые употребляются в зависимости от того, на что оканчивается основа того или иного имени.

Окончание *с* употребляется в тех случаях, когда основа имени оканчивается на гласный звук, например:

ноха	— собака	нохас	— собаки
джола	— повод	джолас	— поводья
дöрä	— стремя	дöрäс	— стремена.

Окончание *д* употребляется при основе, оканчивающейся на согласный *н*, который при этом отбрасывается, например:

тергн	— телега	тергд	— телеги
модн	— дерево	модд	— деревья
кен?	— кто?	кед?	— кто (такие)?
üüлн	— облако	üüлд	— облака.

Окончание *муд* (при именах с гласными заднего ряда) или *мüд* (при именах с гласными переднего ряда) употребляется при основе, оканчивающейся на любой согласный, кроме *н* и *г*, например:

гер	— юрта	гермüд	— юрты
üр	— товарищ	üürмüд	— товарищи

гар	— рука	гармуд	— руки
кӧл	— нога	кӧлмӱд	— ноги
ӱкр	— корова	ӱкрмӱд	— коровы
бор	— серый	бормуд	— серые
рассказ	— рассказ	рассказмуд	— рассказы.

Окончание *уд* (при именах с гласными заднего ряда) или *ӱд* (при именах с гласными переднего ряда) употребляется при основе, оканчивающейся на согласный *г*, например:

колхозник	— колхозник	колхозникӱд	— колхозники
керг	— дело	кергӱд	— дела.

Окончание *нр* употребляется, если имена, обозначающие людей, в основе оканчиваются на гласный, а также на такой согласный, после которого следует редуцированный гласный, в письме по орфографическим соображениям необозначаемый, например:

ах (читай: ахӑ)	— старший	ахнр (читай: ахӑнр)	— старшие
дӱ	— младший	дӱӱнр	— младшие
ач (читай: ачӑ)	— внук	ачнр (читай: ачӑнр)	— внуки
сургъульч	— школьник	сургъульчнр (читай: сургъульчӑнр)	— школьники.

Окончание *чуд* (после основ с задними гласными) или *чӱд* (после основ с передними гласными) употребляется при образовании от качественных имен предметных имен (иногда собирательных — с точки зрения перевода на русский язык), например:

багъ	— малый	багъчуд	— малыши
залу	— молодой	залучуд	— молодежь
байн	— богатый	баячуд	— богатые
ик	— большой	икчӱд	— большие, взрослые.

Качественные имена, как было сказано выше, во множественном числе становятся предметными именами. Определение остается формально в единственном числе также и в том случае, если определяемое дано во множественном числе. Например:

хар ӱкрмӱд — *черные* коровы
багъ тугълмуд — *маленькие* телята.

Иначе говоря, определения в числе не согласуются с определяемым. Определяемое, имеющее количественное определение, формально остается в единственном числе. Форма множественного числа не обязательна, хотя иногда не исключается, например:

хойр морн — *две* лошади (буквально: две лошадь)
олн кӱн — *многие* люди (буквально: многие человек).

2. Склонение имен (простое)

В калмыцком языке имеется десять падежей, а именно: именительный («нерӓдгч»), родительный («тӧргч»), винительный («гемнгч»), дательно-местный («ӧггч»), орудный («бӱрдӓгч») соединительный («ниилӱлгч»),

совместный («хамцулгч»), исходный («гаргч»), направительный («залгч»), предельный («тулгч»), из коих совместный падеж в современном калмыцком языке, вытесняемый соединительным падежом, утрачивает свою падежную функцию и превращается в особый вид качественного имени (см. выше, стр. 34).

Если словообразование имеет своей целью образовать каким-либо способом новые слова, то словоизменение определяет функцию слова в предложении. Склонение имен, как вид словоизменения, указывает, какую синтаксическую функцию выполняет имя в предложении в том случае, если другие грамматические приемы, являющиеся предметом изложения в синтаксисе, не в состоянии этого выразить (порядок слов в предложении, интонационное членение последнего и т. д.).

Склонение в калмыцком языке может быть подразделено на простое, личное или притяжательное, безличное или возвратное и двойное.

1) Именительный падеж

Этот падеж не имеет никаких особых окончаний и, как говорят, его форма совпадает с основой имени. По своей синтаксической функции именительный падеж является падежом подлежащего, сказуемого и любого определения, кроме притяжательного. Имя в этом падеже, отвечая на вопрос «кен?» — кто? и «ю?» — что? и находясь перед сказуемым, является подлежащим; если сказуемое выражено каким-нибудь именем или если вслед за подлежащим следует несказуемостное имя, то после подлежащего следует мгновенная пауза, которая в письме иногда обозначается знаком тире.

Болд — звенон *вожат* — Болот (есть) вожатый звена.

В этом предложении Болд (собственное имя) в именительном падеже является подлежащим, а так как после него следует определительное к имени *вожат* (вожатый) имя *звенон* (звена), то между подлежащим и этими именами имеется пауза, отмеченная знаком тире.

Имя в именительном падеже, поставленное на последнем месте предложения, является *сказуемым*, как это видно из приведенного только что примера («вожат»). Имя в этом падеже является сказуемым также и в тех случаях, когда оно стоит в конце предложения перед связками-глаголами: «болх» — стать, «йовх» — пребывать, «бääх» — быть, например:

Болд — звенон *вожат* болв — Болот стал *вожатым* звена
Болд — звенон *вожат* йовла — Болот был *вожатым* звена
Жора — *горнист* бääна — Жора является *горнистом*.

Имя в этом же падеже, находясь перед другим именем (преимущественно предметным), является *определением*, которое, во-первых, от определяемого не отделяется паузой и, во-вторых, не согласуется с ним ни в падеже, ни в числе, например:

сäн газр — хорошая земля
сäн газрт — на хорошей земле
сäн газриг — хорошую землю

сăн газрмудас — от хороших земель
ишкă герӱр — к войлочной юрте
ишкă гермӱдäр — по войлочным юртам.

Иначе говоря, имя в именительном падеже и единственном числе в качестве определения не меняет своей формы, как бы ни изменялось по падежам и числам определяемое имя, что и иллюстрировано приведенными примерами.

Если имя в именительном падеже в качестве подлежащего отвечает на вопросы «кен?» (кто?) и «ю?» (что?), то оно в качестве сказуемого отвечает на вопрос «*эн* кен?» (это кто?) или «*эн* ю?» (это что?), а в качестве определения — на вопрос «ямаран?» (какой?) Из изложенного вытекает, что синтаксическая функция именительного падежа стоит в исключительной зависимости от того места, которое занимает в предложении имя в этом падеже:

а) Подлежащее:

энд *ишкă* бääнă — здесь находится *войлок*.

б) Определение:

энд *ишкă* гер бääнă — здесь находится *войлочная* юрта.

в) Сказуемое:

эн болхла *ишкă* — это (есть) *войлок*.

2) Родительный падеж

По форме и характеру образования родительного падежа имена делятся на три группы, а именно: 1) оканчивающиеся на долгий гласный, 2) оканчивающиеся на согласный *н*, 3) оканчивающиеся на все прочие согласные.

Первая группа имен в этом падеже принимает окончание *н*:

делкă	— мир	делкăн	— мира
дала	— море	далан	— моря
беелă	— рукавицы	беелăн	— рукавиц
така	— курица	такан	— курицы
толгъа	— голова	толгъан	— головы
ноха	— собака	нохан	— собаки.

Вторая группа имен принимает окончание *а* (имена заднего ряда) или *ă* (имена переднего ряда):

модн	— дерево	модна	— дерева	хон	— овца	хоона	— овцы
мӧрн	— конь	мӧрнă	— коня	кен	— кто	кенă	— кого.
яман	— коза	ямана	— козы				

Третья группа имен принимает окончание *ин*; в сущности к этой же группе относятся имена с конечным заднеязычным *нъ*: в родительном падеже эти имена принимают окончание *гин*, в котором согласный *г* не что иное, как второй элемент заднеязычного *нъ* (то есть ӈ или *нг*):

гер	— юрта	герин	— юрты
гермӱд (мн. ч.)	— юрты	гермӱдин	— юрт

тергд (мн. ч.)	— телеги	тергдин	— телег
бий	— тело	бийин	— тела
гол	— река	голин	— реки
савнъ	— мыло	савнъгин	— мыла
кӧвнъ	— вата	кӧвнъгин	— ваты
анъ	— зверь	анъгин	— зверя.

Относительно последней группы имен следует отметить, что к ней относятся и имена с конечными редуцированными гласными, которые в коренных калмыцких словах орфографически не обозначаются, например: «ах» вместо «ахӑ» — старший, «хар» — вместо «харӑ» — черный. Поэтому и эти слова в родительном падеже имеют окончание *ин*:

ах — ахин (брата)
хар — харин (черного).

Так как в живой речи иногда имена с конечными согласными в родительном падеже принимают окончание *а* или *ӓ*, то в газетах можно найти такие примеры:

дӧрвд	— дербет	дӧрвдӓ	— дербета
нутг	— район	нутга	— района.

А между тем, по правилам грамматики литературного языка, следовало бы: «дӧрвдин», а не «дӧрвдӓ», «нутгин» а не «нутга». Такого рода отклонения наблюдаются лишь в тех словах, которые не имеют в конце редуцированного гласного; таким образом наличие последнего является не голой исторической абстракцией, а реальным фактом сегодняшнего калмыцкого языка. Это находит отражение и в способах образования дательно-местного падежа имен с конечным *д*, *р*, *с*, *г* (см. ниже).

В тех редких случаях, когда имя оканчивается на долгий *у* или *ӱ*, окончанием родительного падежа иногда является *гин*, например:

дӱ	— младший	дӱӱгъин	— младшего
шугъу	— угол	шугъугъин	— угла.

Относительно имен первой группы необходимо напомнить, что в некоторых из них конечные долгие гласные развились из различных дифтонгов, после которых имя в родительном падеже принимало некогда окончание *н*. Что же касается имен с долгими конечными гласными, то они в родительном падеже некогда имели окончание **гин*, которое в современном калмыцком языке употребляется только при основе с конечным долгим *у* или *ӱ*. Окончание **гин* в именах с конечными долгими гласными (кроме *у* или *ӱ*) заменилось ныне окончанием *н* благодаря аналогии (т. е. вследствие того, что и конечные дифтонги, после которых только и употреблялось окончание *н*, превратились в долгие гласные, сохранив то же окончание родительного падежа — *н*).

По своей синтаксической функции имя в родительном падеже является либо определением, либо дополнением (при употреблении с послелогами), например: «*голин* кӧвӓ» — берег *реки* (определение); «*колхозин* ферм» —

колхозная ферма или ферма *колхоза* (определение); «*мини* тӧлӓ» — ради *меня* (дополнение); «*малин* туск» — относительно *скота* (дополнение).

Родительный падеж в том только случае соответствует русскому прилагательному, когда последнее выражает как бы владельца предмета или целое по отношению к части, например: «*колхозин* ферм» — *колхозная* ферма или ферма *колхоза* (колхоз — владелец фермы), «*хӧӧнӓ* хаша» — *овечий* сарай или сарай для овец (овцы — как бы владельцы сарая), «*уулин* ора» — *горная* вершина или вершина горы (гора — целое, вершина — ее часть). Вопросы этого падежа — «кенӓ?» (кого? а также чей?), «юна?» (чего? а также чей?).

3) Винительный падеж

Этот падеж имеет два окончания: 1) *иг* — если основа имени оканчивается на любой согласный и редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, и 2) *г* — если основа имени оканчивается на долгий гласный, например:

ах	— брат	ахиг	— брата
арат	— лиса	аратиг	— лису
анъ	— зверь	анъгиг	— зверя
зан	— слон	заниг	— слона
модд	— деревья	моддиг	— деревья
мал	— скот	малиг	— скот
хаалгъ	— дорога	хаалгъиг	— дорогу
така	— курица	такаг	— курицу
ноха	— собака	нохаг	— собаку
гаха	— свинья	гахаг	— свинью
дӧрӓ	— стремя	дӧрӓг	— стремя
дӳ	— брат	дӳӳг	— брата
тӳлӓ	— дрова	тӳлӓг	— дрова.

Если имя в основе оканчивается на согласный *н*, то оно очень часто в винительном падеже выбрасывает этот согласный, например:

ирсн	— пришедший	ирсиг	— пришедшего
ӧвсн	— сено	ӧвсиг	— сено
тергн	— телега	тергиг	— телегу.

При отсутствии логического ударения, падающего на прямое дополнение, очень часто окончание винительного падежа опускается, в этом случае винительный падеж как бы совпадает по своей форме с именительным падежом. Это особенно часто случается тогда, когда объектное положение того или иного имени по смыслу представляется самоочевидным, например:

гаха теджӓджӓнӓ	—	откармливают свинью
бичг ӧгв	—	передал письмо.

В этих же случаях форму данного падежа имена с конечным *н* (без редуцированного гласного в конце же) очень часто образуют путем

отбрасывания этого согласного, не наращивая при этом падежного окончания:

кӱн — человек	кӱ — человека	цасн — снег	цас — снег
тергн — телега	терг — телегу	цаасн — бумага	цаас — бумагу.
ӧвсн — сено	ӧвс — сено		

По своей синтаксической функции винительный падеж всегда является падежом прямого дополнения, выражающего предмет, на который направлено действие того или иного переходного глагола. Этот падеж отвечает на вопросы «кениг?» — кого? и «ю?» — что?

4) Дательно-местный падеж

По характеру образования этого падежа имена делятся на две группы, а именно: 1) оканчивающиеся на согласные *з, л, м, н, нъ* и любой гласный, редуцированный — в том числе, который в письме орфографически не обозначается, и 2) оканчивающиеся на любой согласный, кроме перечисленных выше *з, л, м, н, нъ*; необходимо иметь в виду, что имена с опускаемыми в письме конечными редуцированными гласными относятся к первой группе.

Первая группа имен в дательно-местном падеже принимает окончание *д* (в произношении *дӑ* или *дӗ*):

кен?	— кто?	кенд?	— кому?
мал	— скот	малд	— скоту
Крым	— Крым	Крымд	— в Крыму
колхоз	— колхоз	колхозд	— в колхозе
ах	— брат	ахд	— брату
бор	— серый	борд	— серому
авгъ	— дядя	авгъд	— дяде
кӧвӑ	— берег	кӧвӑд	— на берегу
хад	— скала	хадд	— в скале
анъ	— зверь	анъд	— зверю.

Вторая группа имен принимает окончание *т* (в произношении *тӑ* или *тӗ*):

гер	— юрта	герт	— в юрте
ӳкрмӳд	— быки	ӳкрмӳдт	— быкам
цаг	— время	цагт	— во вре́мя
зург	— рисунок	зургт	— на рисунке
улс	— люди	улст	— людям.

Если мы сравним имена «бор» — серый и «гер» — юрта, то увидим, что первое слово принимает окончание *д*, тогда как второе слово принимает окончание *т*, хотя и в том и в другом случае имена оканчиваются на *р*, т. е. на один и тот же согласный. Дело, однако, в том, что в слове «бор» имеется конечный редуцированный гласный *ӑ*, в письме необозначаемый, вследствие чего слово «бор» попадает в первую группу. То же самое мы увидим, если сравним слова «хад» (произносится: «хадӑ») — скала

и «ӳкрмӳд» (произносится: «ӳкрмӯт»): «хадд», но «ӳкрмӳдт». Таким образом и здесь живой язык, приходя в некоторое противоречие с орфографией, обнаруживает скрытые (редуцированные) гласные, выдающие свое существование при словоизменениях.

Имя в дательно-местном падеже в предложении является дополнением, отвечающим на вопросы:

кенд? — кому? у кого? в ком?
юнд? — чему? у чего? в чем?
хама? — где?
хамаран? — куда?
кезӓ? — когда? (особенно при причастиях);

например: «йовхд» — когда шел, при ходьбе; «бичхд» — когда, писал при написании; «орхд» — когда вошел, при входе.

Как уже говорилось выше (стр. 34), от дательно-местного падежа возможно образование основы качественного имени, выражающего временно́е или пространственное отношение одного предмета к другому, например: «гартк» — находящийся в руке, «голдк» — расположенный у реки, «джилдк» — относящийся к году.

Так как окончание дательно-местного падежа имеет еще конечный редуцированный гласный, который в письме не обозначается, то в некоторых случаях имена с долгими конечными гласными основы в этом падеже оказываются *графическими* омонимами с глаголами, данными в форме разделительного деепричастия:

кӳрӓд — в монастыре (произносится как кӳра̂дӑ) и достигши (произносится как кӳра̄т)
ковӓд — на берегу (кова̂дӑ) и обвивая (кова̄т).

Это значит, что знак *д* в окончании дательно-местного падежа передает звонкий согласный *д*, сопровождаемый редуцированным гласным, качество которого определению не поддается; при этом предшествующий гласный *а* — *ӓ* является сверхдолгим (*â* — *ӑ̂*). Тот же орфографический знак *д*, если он сказывается в составе окончания разделительного деепричастия (ад — ӓд), передает глухой согласный *т*; при этом предшествующий гласный *а* — *ӓ*, который входит в состав окончания названного деепричастия, является не сверхдолгим, а нормально-долгим (см. главу о фонетике).

5) Орудный падеж

Окончаниями этого падежа являются: 1) после основ с конечными долгими гласными — *гъар* или *гъӓр* (по гармонии гласных) и 2) после основ с конечными согласными и редуцированными гласными (последние в письме не обозначаются) — *ар* или *ӓр* (по гармонии гласных):

сӓн	— хороший	сӓӓнӓр	— хорошо
мӧрн	— конь	мӧрӓр	— на коне
хаалгъ	— дорога	хаалгъар	— по дороге

бек	— чернила	бекäр	— чернилами
утх	— нож	утхар	— ножом
усн	— вода	усар	— водою
дöрä	— стремя	дöрäгъäр	— стременем
ноха	— собака	нохагъар	— собакою
дÿ	— брат	дÿÿгъäр	— братом.
карандаш	— карандаш	карандашар	— карандашом.

Примеры склонения имен «усн» — „вода“, «мöрн» — „конь“ показывают, что в орудном падеже имена теряют свой конечный согласный *н*. Имена с конечным заднеязычным *нъ* в орудном падеже принимают окончание *гар* или *гäр* (по гармонии гласных), например:

анъ	— зверь	анъгар	— зверем
савнъ	— мыло	савнъгар	— мылом
кöвнъ	— вата	кöвнъгäр	— ватою.

По своей синтаксической функции орудный падеж существенно отличается от русского творительного падежа. Так, например, качественное имя в этом падеже преимущественно отвечает на вопрос «яягъдж?» — как? и поэтому как бы соответствует русским наречиям образа действия и состояния:

сäн	— хороший	сääнар	— хорошо
хурдн	— быстрый	хурдар	— быстро.

Как уже говорилось выше (стр. 36), качественное имя в орудном падеже никогда не может соответствовать русскому прилагательному, данному в творительном падеже.

Прочие имена в этом падеже отвечают на вопросы «кенäр?» — кем? и «ююгъар?» — чем? и в этом только смысле орудный падеж соответствует русскому творительному падежу, например:

утхар — ножом
сÿкäр — топором
цергäр — при помощи армии (армией).

Необходимо, однако, отметить, что русский творительный падеж при страдательном залоге никогда не соответствует калмыцкому орудному падежу (в калмыцком языке при этом залоге вместо русского творительного падежа употребляется дательно-местный):

овца схвачена *волком* — «хöн чонд бäргдв» (буквально: овца волку поймана).

Далее, все имена в орудном падеже, обозначающие что-либо связанное с транспортом и топографией (или географией), на русский язык переводятся: 1) предложным падежом с предлогом „на“ или 2) дательным падежом с предлогом „по“:

Кавказар	— по Кавказу	тергäр	— на телеге
хаалгъар	— по дороге	онъгъцар	— на лодке
голар	— по реке	усар	— по воде (водою)
мöрäр	— на коне		

6) Соединительный падеж

Имена в этом падеже принимают окончание *ла* или *лä* (по гармонии гласных) независимо от того, на что оканчивается основа склоняемого имени, например:

кӱн	— человек	кӱнлä	— с человеком
мӧрн	— конь	мӧрнлä	— с конем
дӱ	— брат	дӱӱлä	— с братом
гер	— юрта	герлä	— с юртой
хурдн	— быстрый	хурднла	— с быстрым
джора	— иноходец	джорала	— с иноходцем
мал	— скот	малла	— со скотом.

В соответствии с тем значением, какое имеет этот падеж, его правильнее было бы назвать кооперативным или совместным падежом, ибо он отвечает на вопрос «кенлä?» — вместе с кем? и «юнла?» — с чем (вместе с чем)?

7) Совместный падеж

Имена в этом падеже имеют окончание *та* или *тä* (по гармонии гласных). Благодаря тому, что в калмыцком языке имеется соединительный (кооперативный) падеж, совместный падеж по существу сохранил только свои определительную и сказуемостную функции, как бы соответствуя русскому глаголу „иметь“, глагольный эквивалент которого в калмыцком языке отсутствует. Не то, как известно, в большинстве прочих монгольских языков и диалектов, в которых благодаря отсутствию соединительного падежа (в письменно-монгольском языке имеющего окончание luγa или lüge, разновидностью которого и является калмыцкое *ла* или *лä*) совместный падеж выполняет функцию и соединительного падежа.

Имена в совместном падеже в функции определения на русский язык переводятся либо как „имеющий то-то“, либо относительным прилагательным, например:

мӧртä кӱн — человек, имеющий коня (или: конный человек)
элстä газр — песчаное место (или: место, где есть песок)
уста нутг — водный район (или: район, где есть вода).

Имена в этом падеже в функции сказуемого на русский язык переводятся как „иметь то-то“ например:

эн газр уста — это место имеет воду (т. е.: здесь имеется вода или в этом месте имеется вода)
йовх кергтä — есть или имеется дело идти (= надо идти).

Как видно из этих примеров, имена с конечным согласным *н* в совместном падеже теряют его (согласный *н*), так же как и в орудном или винительном падеже, например:

усн	— вода	уста	— с водою
элсн	— песок	элстä	— с песком.

Когда имя в совместном падеже выступает в определительной функции, то очень часто из окончания данного падежа выпадает гласный

а или *ä*, например: «элст» вместо «элстä», иначе говоря, имя в этом падеже по существу становится качественным именем.

8) Исходный падеж

Имена в этом падеже имеют окончания: 1) *ас* или *äс* (по гармонии гласных), если их основы оканчиваются на согласный и редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, и 2) *гъас* или *гъäс*, если их основы оканчиваются на любой долгий гласный или заднеязычный согласный *нъ*:

мал	— скот	малас	— от скота
ах	— брат	ахас	— от брата
усн	— вода	уснас	— из воды
дӳ	— брат	дӳӳгъäс	— от брата
ноха	— собака	нохагъас	— от собаки
гер	— юрта	герäс	— из юрты
анъ	— зверь	анъгас	— от зверя
савнъ	— мыло	савнъгас	— из мыла.

Имена в этом падеже, являясь в предложении дополнениями, отвечают на вопросы «кенäс?» — от кого? «ююнас?» — от чего? из чего? «кезäгъäс?» — с каких пор? «хамагъас?» — откуда? Кроме того, имена в этом падеже, находясь перед качественными именами, служат предметом сравнения, например:

эн гер тер *герäс сäн* — эта юрта *лучше той юрты* (= лучше чем та...)
суухас йовсн *деер* — *чем сидеть, лучше* идти
хойрас гурвн *ик* — три *больше, чем* два.

Исходный падеж на ряду с родительным и основой отличается от всех прочих падежей тем, что он может употребляться с послелогами и наречиями места и времени, например:

тӳӳнäс хӧӧн — после того
ääлäс ӧмн — перед айлом.

Впрочем, в этих случаях чаще всего исходный падеж уступает место родительному падежу (тӳӳнä хӧӧн, ääлин ӧмн), имеющему то же самое значение.

9) Направительный падеж

Имена в направительном падеже имеют окончания: 1) *ур* или *ӳр* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой согласный, кроме *нъ*, или редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, и 2) *гъур* или *гъӳр* (по гармонии гласных), если они оканчиваются на любой долгий гласный и заднеязычный *нъ*:

гер	— юрта	герӳр	— к юрте
кен	— кто	кенӳр	— к кому
газр	— земля	газрур	— к земле
адучнр	— пастухи	адучнрур	— к пастухам
болд	— сталь	болдур	— к стали

тергн	— телега	тергнӱр	— к телеге
мӧрд	— лошади	мӧрдӱр	— к лошадям
анъ	— зверь	анъгур	— к зверю
кӧвнъ	— вата	кӧвнъгӱр	— к вате
школ	— школа	школур	— к школе
джора	— иноходец	джорагъур	— к иноходцу
кӧвӓ	— берег	кӧвӓгъӱр	— к берегу.

Как видно из приведенных примеров, направительный падеж, отвечая на вопрос „куда“, в предложении может быть только дополнением или обстоятельством места.

10) Предельный падеж

Имена в этом падеже, встречающемся весьма редко, имеют окончание *ца* или *цӓ* (по гармонии гласных) и отвечают на вопрос: до кого (кенцӓ), до чего (ююца) (в высоту), например:

гер	— юрта	герца	— до юрты	ноха	— собака	нохаца	— до собаки
ӱкр	— корова	ӱкрцӓ	— до коровы	кӧвӓ	— берег	кӧвӓцӓ	— до берега.
тергн	— телега	тергцӓ	— до телеги				

Имена в предельном падеже теряют согласный *н*, если имеют его в конце, например:

мӧрн — конь мӧрцӓ — до коня.

Об основе

Как уже говорилось выше (на стр. 40), с основой совпадает по своей форме именительный падеж, и, тем не менее, основа и именительный падеж по своему значению не одно и то же. Сущность склонения, как мы видели, заключается в том, что окончание того или иного падежа механически приклеивается к основе. Например:

мал: мал + д = малд
гер: гер + иг = гериг
кен: кен + äс = кенäс и т. д.

В этом только смысле, т. е. только по своей внешней форме, основа и именительный падеж суть одно и то же. Однако различие между ними заключается в том, что некоторые послелоги употребительны с основами. Это различие вскрывается при склонении местоимений, о чем речь будет идти в дальнейшем. Например:

мӧрн деер — на коне газр дор — под землею дала дотр — в океан.

Что в этих примерах имена «мӧрн», «газр» и «дала» (конь, земля и море) даны не в форме именительного падежа, а в форме основы, явствует, не только из содержания, но и из того факта, что местоимения (личные и указательные), поставленные вместо этих предметных имен, будут даны не в именительном падеже, а в форме основ, которые не имеют самостоятельного бытия (без послелогов):

нан деер (а не би деер) — на мне
тўн дор (а не тер дор) — под ним
тўн дотр (а не тер дотр) — в нем.

И лишь по закону аналогии возможно (послелоги обычно употребляются с родительным падежом), что вместо основы местоимения с этими послелогами употребляются в родительном падеже сами местоимения, — стало быть, опять-таки не в именительном падеже. Например,

мини дор — подо мною тана дотр — среди вас.

3. Личное и безличное склонения

До сих пор мы говорили исключительно о простом склонении. Однако помимо него в калмыцком языке имеются личное склонение и безличное склонение. Различие между простым и личным склонением заключается в том, что при первом объекты речи берутся, так сказать, сами по себе — независимо от того, принадлежат они кому-нибудь или нет. Например, в предложении «та малд ӧвс гаргъв» — „вы скоту задали сено" мы имеем дательно-местный падеж «малд» (скоту) и винительный «ӧвс» (сено), при этом остается неизвестным, кому принадлежат этот скот и это сено, ибо нет особых частиц, определяющих принадлежность одних предметов другим. Если склонение не сопровождается личными или безличными (возвратными) частицами, то оно называется простым склонением.

Личное склонение

Личным или притяжательным склонением называется такое склонение, которое сопровождается личными или притяжательными частицами. Эти частицы представляют собою усеченные формы личных местоимений в родительном падеже:

	Единственное число		*Множественное число*
1 лицо:	м	— мини	мдн — мадна
2 лицо:	чн(чнь)	— чини	тн — тана
3 лицо:	нь	— **inй.*	нь — **anи.*

Частица 3 лица обоих чисел, как показано в схеме, восходит к формам родительного падежа местоимений *i (он) и *а (они), которые утеряны всеми монгольскими языками, повидимому, еще до XIII века и ныне заменяются указательными местоимениями «эн» — этот и «эд» — эти, а также «тер» — тот и «тедн» — те. Как видно из схемы, личные частицы представляют собою консонантный скелет соответствующих личных местоимений в форме родительного падежа.

Суть личного склонения заключается в том, что к окончанию того или иного падежа прибавляется еще одна из перечисленных только что частиц, причем в окончаниях некоторых падежей происходит небольшое изменение, вызванное фонетическими обстоятельствами.

1. Именительный падеж личного склонения представляет собою простое наращение к основе одной из личных частиц, причем имена с конечным *н* теряют его в первом и третьем лице (при стыке с *н* и *м*), например:

ахм	— мой брат	ахмдн	— наш брат
ахчнь	— твой брат	ахтн	— ваш брат
ахнь	— его, ее, их брат		
мӧрм	— мой конь	мӧрмдн	— наш конь.
мӧрнчн	— твой конь	мӧрнтн	— ваш конь.
мӧрнь	— его, ее, их конь		

В тех же случаях, когда имя в 1-м лице сохраняет свой конечный *н*, то личные частицы пишутся отдельно в виде *мнь* или *минь*, например:

мӧрн мнь — мой конь мӧрн минь — мой конь.

2. Родительный падеж личного склонения представляет собою механическое наращение к форме простого родительного падежа одной из личных частиц:

ахинм	— моего брата	мӧрнӓнм	— моего коня
ахинмдн	— нашего брата	мӧрнӓнмдн	— нашего коня
ахинчн	— твоего брата	мӧрнӓнчн	— твоего коня
ахинтн	— вашего брата	мӧрнӓнтн	— вашего коня
ахиннь	— его, ее, их брата	мӧрнӓннь	— его, ее, их коня.

Примеры: мӧрнӓнм хазар — узда моего коня
мӧрнӓннь хӧӧн — по следам его (ее, их) коня.

3. Винительный падеж личного склонения образуется путем наращения к форме простого склонения одной из личных частиц, причем в окончаниях простого склонения происходят следующие изменения: а) окончание *иг*, которое употребляется при основах с конечными согласными, теряет свой конечный согласный *г*, т. е. превращается в *и*; б) окончание *г*, которое употребляется при основах с конечными долгими гласными, принимает еще гласный *и*, т. е. превращается в *гъи*.

Примеры: ахиг — брата: ахим — моего брата
ахимдн — нашего брата
ахичн — твоего брата
ахитн — вашего брата
ахинь — его, ее, их брата.

кӧвӓг — берег: кӧвӓгъим — мой берег
кӧвӓгъимдн — наш берег
кӧвӓгъичн — твой берег
кӧвӓгъитн — ваш берег
кӧвӓгъинь — его, ее, их берег.

4. Дательно-местный падеж личного склонения образуется путем присоединения к форме простого склонения одной из личных частиц, например:

малдм	— моему скоту	малдчнь	— твоему скоту
малдмдн	— нашему скоту	малдтн	— вашему скоту
		малднь	— его, ее, их скоту.

Очень часто конечный палатализованный *нь* в частицах единственного числа второго лица и обоих чисел третьего лица теряет во всех падежах свой палатализованный характер, т. е. „превращается“ в *н*, что и узаконяется в орфографии, например:

гертчн вместо гертчнь — в твоей юрте
хөөнүрн вместо хөөнүрнь — к его овцам.

5. Все прочие падежи (соединительный, совместный, орудный, исходный, направительный и предельный) личного склонения образуются по образцу дательно-местного падежа, т. е. путем механического наращения к форме простого склонения одного из личных окончаний, например:

түлägъärм — моими дровами
адунламдн — с нашими табунами
темäдтäчн — с твоими верблюдáми
мөрнäстн — от ваших лошадей
хөөнүрнь — к его (ее, их) овцам
ээмцäм — до моего плеча и т. д.

Необходимо отметить, что в калмыцком языке употребление личного склонения — весьма распространенное явление. Оно настолько обычно, что даже наличие притяжательных определений не является для него помехой, например: «мини мөрм» — мой конь (буквально: мой конь + мой), «чини гертчн» — в твоей юрте (буквально: в твоей юрте + твоей), и т. д.

Безличное или возвратное склонение

Безличное или возвратное склонение в основном образуется путем наращения к формам простого склонения частицы *ан* или *äн* (по гармонии гласных) и *гъан* или *гъäн* (после долгих гласных окончания падежей). Имена в форме безличного склонения по своему значению на русский язык переводятся возвратным местоимением „свой“ (в форме того или иного падежа), например: «гаран» — свою руку, «гертäн» — в своей юрте, дóма, «малан» — свой скот, «бийдäн» — себе (буквально: своей особе, своему телу) и т. д.

1. Возвратное склонение не имеет именительного падежа (точно так же, как по-русски нельзя сказать: *свой дом стоит* без оборота, как, например, *у него*, *у Ивана*, *у сестры* и т. д.).

2. Родительный падеж возвратного склонения образуется так же, как и в личном склонении III лица, например:

«*Совхозиннь* дöрвн кӳнд бичг заав» — Четырем людям своего совхоза (буквально: его совхоза) он преподавал грамоту.

«*Голиннь* нерäр нер огв» — Дал имя (своему сыну) по имени своей реки (т. е. дал такое же имя, какое носила его река).

Как мы видим, возвратный родительный падеж в калмыцком языке по своей форме напоминает употребление в немецком или французском языке притяжательного местоимения вместо русского „свой“ (например: Je rencontre souvent mon ami... — Я часто встречаю своего друга).

3. Винительный падеж возвратного склонения образуется путем присоединения к форме простого склонения частицы *ан* или *äн*, причем конечный взрывной г окончания простого склонения становится спирантным гъ, например:

ахиг	— брата	ахигъäн	— своего брата
хаалгъиг	— дорогу	хаалгъигъäн	— свою дорогу
тагак	— курицу	такагъан	— свою курицу
нохаг	— пса	нохагъан	— своего пса.

Чаще же всего имена, в основе не оканчивающиеся на долгий гласный, образуют винительный падеж возвратного склонения непосредственно от своей основы:

ахан	— своего брата	хаалгъан	— свою дорогу
умшсан	— свое чтение.		

4. Дательно-местный падеж возвратного склонения образуется путем присоединения к форме простого склонения частицы *ан* или *äн* (по гармонии гласных), например:

малд	— скоту	малдан	— своему скоту
герт	— в юрте	гертäн	— в своей юрте
мöрнд	— коню	мöрндäн	— своему коню.

5. Орудный, исходный и направительный падежи возвратного склонения образуются путем механического присоединения (к окончаниям простого склонения соответствующего падежа) частицы *н*, например:

мöрäр	— на коне	мöрäрн	— на своем коне
малас	— от скота	маласн	— от своего скота
герӱр	— к юрте	герӱрн	— к своей юрте.

6. Соединительный, совместный и предельный падежи возвратного склонения образуются путем присоединения частицы *гъан* или *гъäн* (по гармонии гласных) к соответствующим формам простого склонения, например:

герлä	— с юртой	герлäгъäн	— со своей юртой
тергтä	— с телегой	тергтäгъäн	— со своей телегой
ээмцä	— до плеча	ээмцäгъäн	— до своего плеча
адунла	— с табуном	адунлагъан	— со своим табуном.

4. Двойное склонение

Так называемое двойное склонение заключается в том, что образование некоторых падежных форм происходит не от первичной основы имен, а от какой-нибудь иной падежной формы простого склонения. Иначе говоря, некоторые падежи (родительный, дательно-местный и совместный) как бы сами оказываются основами для последующего склонения.

От родительного падежа возможно образование дательно-местного падежа путем присоединения окончания последнего к окончанию родительного падежа, например:

манад = мана + д — у нас, к нам ахинд = ахин + д — у брата, к брату.

Получается, так сказать, родительно-дательно-местный (точнее — по значению: родительно-местный) падеж, при помощи которого обозначается местообитание того или иного лица (но не предмета), куда что-либо направляется или где что-либо происходит.

От дательно-местного падежа возможно образование исходного падежа, но только от трех слов, а именно:

гертäс = герт + äс — из дома
тендäс = тенд + äс — оттуда
эндäс = энд + äс — отсюда.

Правда, в одном из номеров журнала „Улан туг“ мы нашли форму газртас (sic!) — из-под земли (?), которое состоит из «газрт + ас».

От совместного падежа чаще всего образуются винительный и орудный падежи, например:

ахтаг — вместе с братом (его вместе с его же братом)
намтаг — (его) вместе со мною
темдгтäгъäр — с отметкой
ўзмджтäгъäр — образцово (буквально: с видом).

Совместно-орудный падеж чаще всего отвечает на вопрос «яягъдж?» — как? каким образом?

ТАБЛИЦЫ ПО СКЛОНЕНИЮ

а) Таблица падежных окончаний

Падежи	Основа оканчивается на				
	долгий гласный в односложных словах	долгий гласный в неодносложных словах	нъ	н	любой согласный, кроме н и нъ, или редуцированный гласный
Именительный .	—	—	—	—	—
Родительный . .	гъин	н	гин	а, ä	ин
Винительный . .	г	г	гиг	иг	иг
Дательно-местный	д	д	д	д	т
Орудный	гъар, гъäр	гъар, гъäр	гар, гäр	ар, äр	ар, äр
Соединительный	ла, лä	ла, лä	ла, лä	ла, лä	ла, лä
Совместный . .	та, тä	та, тä	та, тä	та, тä	та, тä
Исходный . . .	гъас, гъäс	гъас, гъäс	гас, гäс	ас, äс	ас, äс
Направительный	гъур, гъўр	гъур, гъўр	гур, гўр	ур, ўр	ур, ур
Предельный . .	ца, цä	ца, цä	ца, цä	ца, цä	ца, цä

Примечание: 1) редуцированный гласный в письме не обозначается; 2) чередование *а — ä, у — ў* происходит по гармонии гласных; 3) в дательно-местном падеже основа с конечным *л* и *м* принимает окончание *д*.

б) Таблицы склонения имен

1) Оканчивающихся на долгий гласный в неодносложном слове:

Именительный:	така	— курица
Родительный:	такан	— курицы
Винительный:	такаг	— курицу
Дательно-местный:	такад	— курице
Орудный:	такагъар	— курицей
Соединительный:	такала	— с курицей
Совместный:	таката	— имеет курицу
Исходный:	такагъас	— от курицы
Направительный:	такагъур	— к курице
Предельный:	такаца	— до курицы.

2) Оканчивающихся на долгий гласный в односложном слове:

Именительный:	то	— счет
Родительный:	тоогъин	— счета
Дательно-местный:	тоод	— счету
Орудный:	тоогъар	— счетом
Исходный:	тоогъас	— от счета
Направительный:	тоогъур	— к счету

3) Оканчивающихся на *н*:

Именительный:	кен	— кто
Родительный:	кенӓ	— кого, чей
Винительный:	кениг	— кого
Дательно-местный:	кенд	— кому
Орудный:	кенӓр	— кем
Соединительный:	кенлӓ	— с кем
Совместный:	кентӓ	— с кем
Исходный:	кенӓс	— от кого
Направительный:	кенӱр	— к кому
Предельный:	кенцӓ	— до кого.

4) Оканчивающихся на любой согласный, кроме *н* и *нъ*, и редуцированный гласный, в письме необозначаемый:

Именительный:	ах	— брат (старший)
Родительный:	ахин	— брата
Винительный:	ахиг	— брата
Дательно-местный:	ахд	— брату
Орудный:	ахар	— братом
Соединительный:	ахла	— с братом
Совместный:	ахта	— имеет брата
Исходный:	ахас	— от брата
Направительный:	ахур	— к брату
Предельный:	ахца	— до брата.

5) Оканчивающихся на согласный *нъ*:

Именительный:	анъ	— зверь
Родительный:	анъгин	— зверя
Винительный:	анъ, анъгиг	— зверя
Дательно-местный:	анъд	— зверю
Орудный:	анъгар	— зверем
Соединительный:	анъла	— со зверем
Совместный:	анъта	— имеет зверя
Исходный:	анъгас	— от зверя
Направительный:	анъгур	— к зверю
Предельный:	анъца	— до зверя.

Чтобы не увеличивать количество таблиц, напомним, что дательно-местный падеж имеет два окончания: *д* (после любого гласного и согласных *э*, *л*, *м*, *н*, *нъ*) и *т* (после всех остальных согласных).

МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения в калмыцком языке могут быть подразделены на следующие:

1. Личные: би — я, бидн (иногда бид) — мы, чи — ты, та — вы.
2. Указательные: эн — этот, эдн — эти, терн (тер) — тот, тедн — те, иим — эдакий, тиим — такой, зӓрм — некоторый.
3. Вопросительные: кен — кто, юн — что, ямр, ямаран — какой, кедӱ — сколько, кезӓ — когда, ӓл — какой, хама — где, хамаран — куда и т. д.
4. Служебные или наречные: энд — здесь, тенд — там, цуг — всё и т. д.
5. Глагольные: иих — эдак сделать, тиих — так сделать, ягъх — как быть?
6. Возвратные: эврӓн — сам.

Так как функции местоимений совершенно отчетливы, ниже мы ограничимся по поводу них лишь беглыми замечаниями и парадигмами склонения личных и указательных местоимений, поскольку склонение указанных местоимений несколько отлично от склонения имен вообще. Выражается это, впрочем, только в том, что основа склонения личных и указательных местоимений не совпадает с формой именительного падежа, в противоположность тому, что обычно бывает при склонении имен вообще (имеются в виду лишь следующие местоимения: «би» — я, «бидн» — мы, «чи» — ты, «та» — вы, «эн» — этот, «тер» — тот, что же касается остальных местоимений, то изменения их ничем не отличаются от изменения имен вообще). Рассмотрим эти случаи.

Местоимение первого лица единственного числа «би» — „я“ склоняется двумя способами или, точнее, от двух основ, а именно: во всех падежах, кроме родительного, винительного и именительного, основами являются *нам* (в горах) и *нан*, например:

1. Именительный:	би	— я
2. Родительный:	мини	— меня, мой
3. Винительный:	намаг	— меня
4. Дательно-местный:	намд — нанд	— мне
5. Орудный:	намар — нанар	— мною
6. Соединительный:	намла — нанла	— со мною
7. Совместный:	намта — нанта	— со мною
8. Исходный:	намас — нанас	— от меня
9. Направительный:	намур — нанур	— ко мне
10. Предельный:	намца — нанца	— до меня.

Совместный и, особенно, предельный падежи от всех местоимений в живой речи употребительны чрезвычайно редко.

Местоимение первого лица множественного числа «бидн» — „мы“ склоняется от основы *ман*, начиная с родительного падежа, иначе говоря, основа склонения этого местоимения не совпадает с формой именительного падежа (лишь изредка встречается основа *бидн* для всех падежей) например:

1. бидн — (нет)	— мы
2. биднä — мана	— нас, наш
3. бидниг — маниг	— нас
4. биднд — манд	— нам
5. биднäр — манар	— нами
6. биднлä — манла	— с нами
7. бидntä — манта	— с нами
8. биднäс — манас	— от нас
9. биднӱр — манур	— к нам
10. биднцä — манца	— до нас.

(Нумерация падежей соответствует нумерации, проведенной при склонении местоимения *би*; эта же нумерация применяется до конца главы о местоимениях).

В говоре бузава (иногда и в печати) местоимение «бидн» склоняется от основы *мадн*, например: мадна — наш, нас (родительный падеж, во всех местоимениях „заменяющий“ то, что в русском языке называется притяжательными местоимениями — твой, мой, наш, ваш, его, их, каковых в калмыцком языке нет), «маднла» — с нами, «маднд» — нам и т. д. Очевидно, говор бузава сохраняет в себе то, что некогда было распространено во всех калмыцких говорах, а именно основу *мадн*, ныне наличествующую во всех калмыцких говорах в виде частицы личного склонения *мдн*, например: «гертмдн» — в нашей юрте, «ахдмдн» — нашему брату, «газримдн» — нашу землю и т. д. (см. выше в главе о личном склонении).

То обстоятельство, что основы склонения местоимений в родительном и винительном падежах отличны от основ других падежей, и послужило для нас основанием при определении порядка падежей поставить винительный падеж раньше дательно-местного.

Склонение местоимения единственного числа второго лица «чи» — „ты“ характерно лишь тем, что основой склонения 3—10 падежей является *чам*, например:

1. чи — ты
2. чини — тебя, твой
3. чамаг — тебя
4. чамд — тебе
5. чамар — тобою
6. чамла — с тобою
7. чамта — с тобою
8. чамас — от тебя
9. чамур — к тебе
10. чамца — до тебя.

Зато склонение местоимения второго лица множественного числа «та» — „вы“ ничем не отличается от склонения имен вообще, с той, однако, разницей, что в именительном падеже это местоимение не имеет конечного согласного *н*, „восстанавливаемого“ при всех прочих падежах, например:

1. та — вы
2. тана — вас, ваш
3. таниг — вас
4. танд — вам
5. танар — вами
6. танла — с вами
7. танта — с вами
8. танас — от вас
9. танур — к вам
10. танца — до вас.

Как известно, в калмыцком языке ныне отсутствуют личные местоимения третьего лица обоих чисел, которые были в этом языке, повидимому, до начала XIII века и имели следующий вид: *и* — он, *а* — они, а в форме родительного падежа: *ину* — его, него, *ану* — их, них. В современном калмыцком языке рудиментом (остатком) форм родительного падежа этих местоимений является притяжательная частица третьего лица обоих чисел — *нь*, например: «малднь» — его, их скоту, «кергинь» — его, их дело (см. выше на стр. 50). Вместо личных местоимений третьего лица в калмыцком языке употребляются указательные местоимения того же третьего лица: «эн» — этот, «терн» («тер») — тот, «эдн» — эти, «тедн» — те.

Местоимение «эн» — „это“ имеет две основы, одинаково отличающиеся от формы именительного падежа: энӱн и ӱӱн, например:

1. эн — он (это)
2. энӱнä — ӱӱнä — этого (него, его)
3. энӱниг — ӱӱниг — этого (его)
   энӱг — ӱӱг — „
4. энӱнд — ӱӱнд — этому (ему)
5. энӱгъäр — ӱӱгъäр — этим (им)
6. энӱнлä — ӱӱнлä — с этим (с ним)
7. энӱнтä — ӱӱнтä — с этим (с ним)
   энӱтä — „ — „
8. энӱнäс — ӱӱнäс — от этого (от него)
9. энӱнӱр — ӱӱнӱр — к этому (к нему)
10. энӱнцä — ӱӱнцä — до этого (до него).

Местоимение «терн» — „тот“ склоняется так же, как «эн» — „этот“, с той только разницей, что основа его имеет вид «тӱӱн», например: «тӱӱнä» — того (него, его), «тӱӱнд» — тому (ему), «тӱӱг» — того (его),

«тӱӱгъӓр» — тем, «тӱӱнӓс» — от того (от него) и т. д. Что же касается склонения указательных местоимений третьего лица множественного числа «эдн» — „эти“ и «тедн» — „те“, то оно ничем не отличается от склонения имен, вообще оканчивающихся на согласный *н*, например:

1. эдн — тедн — они
2. эднӓ — теднӓ — их, них
3. эдниг — тедниг — их
4. эднд — теднд — им
5. эднӓр — теднӓр — ими
6. эднлӓ — теднлӓ — с ними
7. эдntӓ — теднtӓ — с ними
8. эднӓс — теднӓс — от них
9. эднӱр — теднӱр — к ним
10. эднцӓ — теднцӓ — до них

Из остальных местоимений склоняемыми являются: «ииим» — эдакий, «тиим» — такой, «зӓрм» — некоторый, «кен» — кто, «кед» — кто (такие), «юн» — что, «эврӓн» — сам, «ӓл» — какой, «ямр» — какой, «кедн» — сколько, «цуг» — все. Но так как склонение этих местоимений абсолютно ничем не отличается от склонения имен вообще (см. стр. 54 — таблицу падежных окончаний), то мы и не приводим здесь парадигм из изменения по падежам.

В заключение следует указать на то, что в калмыцком языке к местоимениям относятся и глаголы «иих» — „сделать эдак“, «тиих» — „сделать так“, «яягъх» — „как быть“ (вопросительный глагол), которые спрягаются так же, как и все прочие глаголы. Поэтому, быть может, следовало бы в применении к калмыцкому языку термин „местоимение“ заменить другим — например, термином „местоименное слово“. Тем не менее, термин „местоимение“ мы сохраняем и впредь в силу сложившейся традиции. Упомянем попутно, что в калмыцком языке местоимение «кен» — „кто“ утратило свою форму множественного числа: «кед» — кто (такие).

Наконец, отметим, что в говоре бузава вместо «мини» — „мой, меня“ встречается форма «минян» («мін'ӑн»), а также такие местоимения, как «маанс» — „мы“, «таанс» — „вы“.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные в калмыцком языке распадаются на количественные, порядковые, собирательные и разделительные, причем последние три являются производными от количественных, являющихся для них основой образования.

Количественные числительные суть:

Единицы: негн — один
хойр — два
гурвн — три
дӧрвн — четыре
тавн — пять
зургъан — шесть
долан — семь
нӓӓмн — восемь
йисн — девять.

Десятки: арвн — десять
хӧрн — двадцать
гучн — тридцать
дӧчн — сорок
тӓвн — пятьдесят
джирн — шестьдесят
далн — семьдесят
найн — восемьдесят
йирн — девяносто.

Выше: зун — сто
минъгън — тысяча
тӳмн — десять тысяч
бум — сто тысяч
сай — миллион.

Количественные «бум» и «сай» ныне выходят из употребления (они заимствованы из тибетского языка) и заменяются «зун минъгън» — сто тысяч и интернациональным „миллион“, а также „миллиард“. Двухзначные числительные представляют собою соответствующую десятку плюс соответствующая единица, например: «арвн хойр» — двенадцать, «хӧрн гурвн» — двадцать три, «гучн дӧрвн» — тридцать четыре, «йирн йисн» — девяносто девять, «дални долан» — семьдесят семь и т. д. Трехзначные и большие числительные состоят из сочетаний: единицы + сотня или единица + тысяча и т. д., например: «хойр зун» — двести, «гурвн минъгън» — три тысячи, «долан миллион» — семь миллионов, «йисн миллиард» — девять миллиардов и т. д. Многозначные числительные без нулей состоят из сочетания, образуемого начиная с самой крупной величины и кончая единицами, например: «хойр миллиард гурвн зун миллион дални негн минъгън долан зун джирн хойр» — два миллиарда триста миллионов семьдесят одна тысяча семьсот шестьдесят два (2 300 071 762).

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *дгч*, наращиваемого к основе количественного числительного, например:

негдгч — первый
хойрдгч — второй
тавдгч — пятый
зургъадгч — шестой,

и т. д.

Этот суффикс представляет собою окончание однократного причастия (*гч*) от глагольной основы, образованной от числительных (*д*).

Кроме того, имеется еще окончание «двар» или «двӓр», например:

негдвӓр — первый, во-первых
хойрдвар — второй, во-вторых.

Собирательные числительные суть:

хоюрн — вдвоем
гурвулн — втроем
дӧрвӳлн — вчетвером
тавулн — впятером.

От прочих числительных собирательная форма не образуется, и лишь иногда возможно образование её от «йисн» — девять («йисӳлн» — вдевятером).

Разделительные числительные образуются от основы количественных при помощи суффикса *ад* или *ӓд* (по гармонии гласных), кроме «неджӓд» — по одному и «хошад» — по два, например:

дӧрвӓд — по четыре
гурвад — по три
йисӓд — по девять
зуугъад — по сто
тавад — по пять
долагъад — по семь
арвад — по десять
минъгъад — по тысяче.

Все числительные склоняются на общих основаниях, например: «негнд» — одному, «хойрт» — двоим (а не двум), «тавулниг» — всех пятерых, «неджӓдӓр» — по одному, «хошадас» — от каждой двойки и т. д.

НАРЕЧИЯ И ПОСЛЕЛОГИ

Наречия — это самостоятельные слова, которые в предложении обозначают способ, качество, место и время действия или состояния. В соответствии с изложенным следует говорить о наречиях образа действия и состояния и о наречиях обстоятельства времени и места.

Наречия образа действия тем отличаются от качественных имен, что они не могут обозначать качество предмета, передавая лишь качество действия или состояния. Сказанное находит свое формальное выражение в том, что эти наречия могут быть определениями только по отношению к глаголам или качественным именам. Так, например, если можно сказать и «сăн кӳн» — хороший человек и «сăн бäänä» — хорошо живет, то никоим образом нельзя сказать «сугъ кӳн», но можно сказать «сугъ татх» — вытащить совсем, выдернуть. От послелогов наречия отличаются тем, что они в предложении являются или могут быть самостоятельными членами, чего нельзя сказать относительно послелогов. К наречиям образа действия относятся следующие слова:

сугъ	— совсем,	сугъ татх	— вытянуть
улм	— еще больше,	улм сăн болджана	— делается еще более лучшим
огт	— совсем,	огт уга	— совсем нет
ара	— едва,	ара ирв	— еле-еле пришел
		ара гидж	— кое-как
мӧлт	— совсем,	мӧлт татх	— выдернуть
хагъ	— вдребезги,	хагъ унв	— вдребезги упал
тас	— пополам,	тас цавчв	— разрубил пополам
бас	— снова,	бас ирв	— еще пришел.

Список наречий образа действия и состояния этими словами далеко не исчерпывается. Все эти наречия в основном показывают усиление того или иного действия и не всегда могут быть удачно переведены на русский язык вне контекста.

Наречия места и времени действия или состояния, так или иначе восходящие в своем прошлом к предметным именам, отличаются от последних тем, что они не являются обозначениями предметов. К числу таких наречий относятся:

ӧмн	— перед	ӧӧр	— близко
хӧӧн	— после	деер	— наверху
энд	— здесь	дор	— внизу
тенд	— там	генткн	— вдруг
гедргäн	— назад	ӱрглдж	— постоянно
шинкн	— недавно	делгӱдäн	— везде, всегда.

Необходимо иметь в виду, что эти наречия, список которых также не полон, иногда выступают в качестве послелогов так же, как и некоторые русские наречия — в качестве предлогов. Например: «мана ӧӧр» — вблизи нас, «чини хӧӧн» — позади тебя, «ăн цагин ӧмн» — перед этим временем, «гер деер» — на доме, «газр дор» — под землею.

Послелоги, количество которых весьма ограничено, отличаются от наречий места и времени (а равно и образа действия) тем, что они в предложении, следуя лишь за каким-нибудь именем, не могут быть самостоятельными членами. Послелоги показывают различные взаимоотношения предметов и действий, например:

тӧлӓ — за, ради,	мини тӧлӓ ирв — прибыл из-за меня
мет — подобно,	сур мет сунв — растянулся точно ремень
туск — о, насчет,	чини туск келв — сказал о тебе.

Изложенным можно закончить все то, что могло быть объединено в общую группу служебных имен вообще, некоторые из коих имеют частичное склонение.

ГЛАГОЛ

1. Общие сведения

Глагол есть часть речи, обозначающая действие или состояние и отвечающая на вопросы: что делает предмет или что делается с предметом — «ю кеджӓнӓ» или «яягъджана?»

Хур орджана	— Дождь идет
Кӳн йовна	— Человек идет
Бадм мӧрӓн услв	— Бадма напоил своего коня
Пионер дегтр авв	— Пионер взял книгу.

В этих примерах одни глаголы («орджана», «йовна») отвечают на вопросы «ягъджана», другие («услв», «авв») — на вопрос «ю кеджӓнӓ»: первые суть глаголы состояния, вторые — действия.

Глаголы выражают действие или состояние, относящееся к тому или иному времени. Поэтому они изменяются по формам, показывающим, что действие или состояние относятся к тому или иному времени.

Времен глаголов три: прошедшее, будущее и настоящее. Настоящее время относится к моменту речи. Глаголы прошедшего времени выражают действие или состояние, имевшие место до момента речи. Глаголы будущего времени выражают действие, которое должно иметь место после момента речи.

Действия, обозначаемые глаголами, могут быть законченными или мгновенными и незаконченными или длительными. Мгновенные действия обозначаются простой формой глагола, длительные — сложной глагольной формой. Простая глагольная форма представляет собою первичную или производную (от имени или другого глагола) основу, например: *йовн* — идет. Сложная глагольная форма исторически представляет собою сращение формы соединительного деепричастия и вспомогательного глагола «бӓ» — „быть“, например: «йовджана» — „похаживает“ происходит от «йовдж» — „идя“ (форма соединительного деепричастия от глагола «йов» — „иди“) плюс «бӓӓнӓ» — „есть“.

Глаголы, выражающие действие, требуют, чтобы был указан предмет, на который направлено действие. Предмет же, на который направлено действие, выражается именем в винительном падеже. Стало быть, глаголы действия требуют винительного падежа. Такие глаголы называются пере-

ходными (потому что действие переходит с одного предмета на другой) и отвечают на вопрос «ю кеджäнä?» — что делает? Например: «мöриг услджана» — поит коня: «ю услджана?» — что поит? «Мöриг» — коня. (Заметим тут же, что в калмыцком языке вопросительное местоимение «кен» — „кто" во всех своих падежах может быть поставлено только в отношении людей. Вопрос же «ю» — „что" относится не только к неодушевленным предметам, но и ко всем одушевленным, кроме людей.)

Что же касается глаголов состояния, то они не требуют винительного падежа и не вызывают вопроса «ю кеджäнä?» — „что делает?" Например: «хур орв» — дождь пошел. Иначе говоря, глаголы состояния, в калмыцком языке отвечающие на вопрос «ягъджана?» — „что делается?", — являются непереходными.

Из морфологических и синтаксических особенностей непереходных глаголов отметим, стало быть, что: 1) они не требуют винительного падежа, т. е. прямого дополнения, и 2) от них не образуются формы страдательного залога.

Деление непроизводных глаголов на переходные и непереходные есть деление глаголов только по их значениям. Непроизводные глаголы, различаясь по своим значениям, по форме друг от друга не отличаются. Что же касается производных глаголов (как отыменных, так и отглагольных), то различие их по формам на переходные и непереходные может быть установлено легко. Отсюда и не трудно умозаключить, что такие грамматические явления, как суффиксация и деление глаголов на переходные и непереходные, исторически тесно связаны друг с другом.

В заключение этого раздела укажем, что русские глаголы проникают в калмыцкий язык в форме неопределенного наклонения и всегда сопровождаются коренным калмыцким глаголом *кех* — делать, причем при спряжении они (русские глаголы) неизменно остаются в той же форме неопределенного наклонения, но зато по всем формам спрягается глагол *кех*, в данном случае составляющий как бы вторую часть составного глагола, первая часть которого состоит из русского глагола в указанной форме, например:

командировать кех — командировать
„ кедж — командируя
„ кесн — командировал
„ кехлä — если командировать, и т. д.

2. О залогах

Действие (или состояние), выражаемое глаголом, выполняется предметом или относится к предмету. Но характер отношения действия (или состояния) к предмету бывает различным. Например:

1. Ӱр йовлцв
2. Ӱр йовв
3. Ӱр йовулв.

В этих примерах говорится об одном и том же действии одного и того же прошедшего времени. При помощи глаголов «йовлцв», «йовв» и «йовулв» по существу выражено одно и то же действие: «йовдл», отнесенное к прошедшему времени. Но отношение этого действия к подлежащему «ӱр» — „товарищ“ различно в зависимости от имеющихся в глаголах залоговых суффиксов: в предложении «ӱр йовлцв» сказано не только то, что „товарищ отправился“, но и еще то, что „товарищ отправился с кем-то“. В предложении «ӱр йовв» сказано, что „товарищ отправился“, но не уточнено, как и с кем отправился товарищ. В третьем примере «ӱр йовулв» мы видим, что „товарищ отправил“ кого-то, а сам в данном действии, так сказать, никакого участия не принял.

Выражение в глаголе того, как предмет-подлежащее относится к данному действию или состоянию, достигается залоговой формой.

Залог есть форма глагола, при помощи которой выясняется отношение предмета к действию.

Еще примеры:

1. Бадм хайв — Бадма бросил
2. Бадм хайлцв — Бадма принял участие в бросании
3. Бадм хаюлв — Бадма поручил бросить
4. Бадм хайгдв — Бадма брошен
5. Бадм хайлдв — Бадма (с кем) бросается.

В первом примере Бадма что-то бросил, а во втором — он лишь принял участие в действии, выполняемом кем-то. В третьем примере Бадма сам остается безучастным, а лишь поручает это сделать другому. В четвертом примере Бадма сам оказался брошенным кем-то, а в пятом — подразумевается, что Бадма в кого-то бросает, а тот — в него. Все эти оттенки и находят свое выражение в залоговых формах, коих в калмыцком языке пять, а именно: 1) действительный, 2) совместный, 3) взаимный, 4) побудительный и 5) страдательный залоги.

а) Действительный залог

Основой образования всех глаголов, т. е. первичной глагольной основой является основа действительного залога; все же прочие залоги образуются лишь от основы действительного залога.

Действительный залог глагола обозначает, что данное действие выполняется самим предметом без чьего бы то ни было участия или давления. Это значит, что подлежащее в предложении, сказуемым которого является глагол в форме действительного залога, является логическим или реальным субъектом (выполнителем) действия. Этот залог не имеет особых залоговых суффиксов, ибо его основа есть первичная глагольная основа. Первичная основа глагола или основа действительного залога (что одно и то же) это форма единственного числа второго лица повелительного наклонения. Первичная основа глагола бывает либо производной, либо непроизводной (корневой). Производные глаголы действительного залога образуются от различных имен при помощи различных суффиксов.

1. При помощи суффикса *чл* образуются глаголы, выражающие приобретение нового качества или свойства, обозначенного в имени, от которого они (глаголы) образуются, например:

идäн — пища идäчл — кваситься
шин — новый шинчл — обновить.

Все калмыцкие примеры ради наглядности суффиксов мы даем в форме основы, а их русские переводы — в неопределенном наклонении, хотя это и не совсем точно, например: «шинчл» — (вместо «шинчлх») — обновить.

2. При помощи суффикса *л* образуются глаголы чаще всего переходные и лишь иногда — непереходные, например:

алтн — золото алтл — позолотить
хар — черный харл — чернеть.

3. При помощи суффикса *р* образуются всегда непереходные глаголы, например:

джööлн — мягкий джööлр — смягчиться
киитн — холод киитр — холодеть
дулан — тепло дулар — согреваться.

4. При помощи суффикса *д* образуются от качественных имен и числительных непереходные глаголы, и от предметных имен — переходные, например:

негн — один негд — объединиться
багъ — мало багъд — уменьшиться
ик — много икд — увеличиться
тосн — масло тосд — намазать маслом
дун — голос дууд — звать

Этот суффикс в сущности представляет собою орфографически передачу двух суффиксов, а именно: в тех случаях, когда он наращивается к качественным именам и числительным, он в произношении оказывается глухим *т*; в тех же случаях, когда он наращивается к предметным именам и тем самым образует переходные глаголы, он произносится звонко как *д*. Знак *д* произносится звонко в том лишь случае, когда он стоит перед гласным, в данном случае — перед редуцированным гласным, в письме необозначаемым. Как известно, в зая-пандитовской письменности этот суффикс передавался в виде *da* или *de*, тогда как от качественных имен и числительных глаголы образовывались в этой же письменности при помощи суффикса *d*. Фонетическое различие этих двух суффиксов сразу обнаруживается при образовании побудительного залога («тосдул» — заставить намазать; «багъдх» — уменьшить), о чем речь будет ниже.

5. При помощи суффикса *т* образуются непереходные глаголы от различных имен, например:

гем — недуг гемт — заболеть кир — грязь кирт — загрязниться.

6. При помощи суффикса *н* образуются переходные глаголы от различных имен, например:

эм — лекарство эмн — лечить гам — жалость гамн — жалеть.

7. При помощи суффиксов *дж* и *ш* образуются непереходные глаголы от различных имен, например:

байн — богатый	байдж — богатеть
элвг — изобилие	элвгдж — быть в изобилии
амтн — вкус	амтш — пристраститься
алдр — слава	алдрш — прославиться
джиг — мерзость	джигш — чувствовать омерзение, испугаться.

8. При помощи суффиксов *ша, шä* образуются от качественных имен переходные глаголы, выражающие не столько действия, сколько чувства и отношения кого-либо к какому-либо предмету, например:

багъ — мало	багъша — считать для себя малым
хату — твердый	хатуша — считать для себя твердым
сäн — хороший	сääшä — одобрить.

Вот основные и наиболее употребительные суффиксы, при помощи которых от различных имен образуются глаголы действительного залога. Если имя, от которого образуется глагол, имеет конечный *н*, то оно теряет его во всех случаях, например:

киитн — холод	киитр — холодеть
алтн — золото	алтл — позолотить
байн — богатый	байдж — богатеть.

б) Совместный залог

Совместный залог показывает, что предмет принимает участие в действии, осуществляемом другим предметом, причем этот предмет в осуществлении действия играет второстепенную роль. Поэтому совместный залог на русский язык переводится чаще всего при помощи выражения — „помогать делать то-то“ или „принять участие в том-то“. Совместный залог образуется при помощи суффикса *лц*, наращиваемого к основе действительного залога, например:

су — сидеть	суулц — сидеть с кем-либо
бу — слезть	буулц — слезть с кем-либо присоединиться к лагерю
бич — писать	бичлц — писать с кем-либо помогать в написании
гар — выйти	гарлц — выйти с кем-либо.

в) Взаимный залог

Взаимный залог показывает, что два предмета (один из коих обозначен в подлежащем, а другой — в дополнении, выраженном именем в соединительном или совместном падеже; иногда оба предмета выражаются слитными подлежащими) направляют свои действия друг на друга, например: «Бадм Церн хойр бäрлдв» — Бадма и Церен борются (буквально: держатся,

держат друг друга — по способу борьбы в обхват); «Бадм Цернла бäрлдв» — Бадма борется с Цереном. Образуется взаимный залог при помощи суффикса *лд*, наращиваемого к основе действительного залога, например:

бäр — держать	бäрлд — бороться
дуул — петь	дууллд — петь друг другу.

Иногда взаимный залог (в особенности от непереходных глаголов) имеет значение совместного залога, например:

ор — войти	орлд — войти с кем
кӱӱнд — говорить	кӱӱндлд — говорить с кем.

Это, однако, не исключает образования совместного залога от данных глаголов («орлц» — войти с кем, «кӱӱндлц» — говорить с кем, вмешиваться в разговор). Различие все же остается в том смысле, что при взаимном залоге (со значением совместного залога) предмет-подлежащее мыслится как сторона равноправная с предметом-дополнением.

г) Страдательный залог

Страдательный залог обозначает, что предмет-подлежащее подвергается действию другого предмета. Иначе говоря, при страдательном залоге подлежащее оказывается, с логической стороны, объектом, а дополнение — логическим субъектом, например: «Бадм Цернд диилдв» — Бадма побежден (в борьбе) Цереном. Как известно, в русском языке логический субъект при страдательном залоге выражается именем в творительном падеже, например: Бадма побежден *Цереном*. Ягненок схвачен *коршуном*. Степь выжжена *солнцем*. В калмыцком языке логический субъект при страдательном залоге выражается именем в *дательно-местном* падеже, например:

Хургън чонд бäргдв — Ягненок схвачен *волком* (буквально: ... схвачен волку).

Мӧрн голд хаагдв — Лошадь задержана *рекою* (буквально: Лошадь закрыта реке).

Страдательный залог образуется посредством наращения к основе действительного залога переходного глагола суффиксов *гд, д*, а именно:

1. После основ, оканчивающихся на любой гласный, редуцированный и необозначаемый в письме, наращивается суффикс *гд*, например:

өрг — поднять	өрггд — быть поднятым
хай — бросить	хайгд — быть брошенным
бäр — держать	бäргд — быть схваченным.

2. После основ с конечным согласным *л* наращивается суффикс *д*, например:

ол — найти	олд — быть найденным
диил — победить	диилд — быть побежденным.

Впрочем, последний глагол очень часто выступает в форме диилгд в том же значении „быть побежденным“.

д) Побудительный залог

Этот залог имеет три основных значения.

Во-первых, при помощи побудительного залога *непереходный* глагол становится переходным. В этом случае действительным выполнителем действия является предмет, выраженный в подлежащем. Вновь образованный таким образом переходный глагол для обозначения действительного выполнителя действия не вызывает вопроса «кенд» — кому? или «ююнд» — чему? Например:

Эк галан шатав — Мать зажгла огонь.

В этом примере глагол «шата» — „зажечь“ образован от действительного залога «шат» — „гореть“. Таким образом, собственно говоря, глагол «шата» значит „заставить гореть“ или, применительно к данному примеру — „мать заставила огонь гореть“.

Во-вторых, при побудительном залоге от переходного глагола предмет-подлежащее не сам выполняет данное действие, а лишь дает другому предмету повеление или разрешение совершить это действие. В этом случае побудительный залог вызывает вопросы «кенд» — кому? и «ююнд» — чему? Например:

Эк галан шаталгъв — Мать заставила (или попросила) кого-то зажечь огонь.

Ответ на вопрос «кенд» — кому? следует обычно в дательно-местном падеже, например: Эк нанд галан шаталгъв — Мать заставила (или попросила) меня зажечь огонь.

В данном случае глагол «шаталгъ» есть побудительный залог от побудительного же залога, образованного от непереходного глагола: шат — гореть, шата — зажечь, шаталгъ — заставить зажечь; иными словами, в последнем случае мы имеем как бы двойной побудительный глагол (залог).

В-третьих, побудительный залог от переходного глагола очень часто по своему значению выступает вместо страдательного залога, и в этом случае реальным выполнителем оказывается одно из дополнений, данное в дательно-местном падеже, например:

Хӧн чонд идӱлв — Овца съедена волком.

Побудительный залог образуется от основы любого глагола посредством наращения следующих суффиксов:

1. *ул, ӱл.* Эти суффиксы наращиваются, если основа переходного или иногда и непереходного глагола оканчивается на редуцированный гласный, в письме не обозначаемый, например:

йов — идти	йовул — отправить (заставить идти)
ӱз — видеть	ӱзӱл — показать (разрешить видеть).

2. *а, ӓ.* Эти суффиксы наращиваются, если основа непереходного глагола оканчивается на редуцированный гласный, в письме необозначаемый, например:

унтар — гаснуть	унтара — гасить
зогс — остановиться	зогса — остановить
ӱрг — испугаться	ӱргӓ — испугать.

3. *х*. Этот суффикс наращивается, если основа непереходного глагола оканчивается на согласные *д* и *с* (без редуцированного гласного), например:

сонъс — слушать	сонъсх — объявить
негд — объединиться	негдх — объединить.

4. *гъ*. Этот суффикс наращивается, если основа непереходного глагола оканчивается на согласные *р* и *л*, например:

кӱр — дойти	кӱргъ — доводить
бол — быть	болгъ — сделать, превратить.

5. *лгъ*. Этот суффикс наращивается, если основа оканчивается на долгий гласный, например:

су — сидеть	суулгъ — посадить
нӱ — кочевать	нӱӱлгъ — переселить
бӓ — быть	бӓӓлгъ — оставить
ӱлӓ — дуть	ӱлӓлгъ — заставить дуть.

Итак, действительный, совместный и взаимный залоги от всех глаголов и побудительный залог от непереходных глаголов показывают, что действие совершается самим предметом. При страдательном и побудительном (от переходных глаголов) залогах действие выполняется предметом, выраженным именем в дательно-местном падеже.

Как мы видели выше, при определении того, какой из суффиксов страдательного и побудительного залогов должен быть взят для образования этих залогов, нужно знать (для чего необходимо практически владеть калмыцким языком), является ли конечный согласный глагола действительно конечным или же он предшествует редуцированному гласному, который в письме не обозначается. В самом деле, как быть, если необходимо образовать побудительный залог от глаголов, которые в письме имеют следующее орфографическое оформление: «ор»— войти, «гар» — выходить? Очевидно, необходимо знать, что в основе первого глагола «ор» имеется в конце еще редуцированный гласный, качество которого лежит между *а* и *о* и который в письме не обозначается. Только если мы это знаем, мы уверенно можем утверждать, что побудительный залог от глагола *ор* образуется посредством суффикса *ул* («орул» — пустить, заставить войти). То же в отношении глагола «гар». Поскольку мы знаем, что в нем нет конечного редуцированного гласного, мы можем уверенно утверждать, что побудительный залог от глагола «гар» образуется при помощи суффикса *гъ* («гаргъ» — выпустить, заставить кого выйти). Иначе говоря, исходя в литературном языке только из орфографического оформления отдельных глаголов, без учета реального произношения в современном калмыцком разговорном языке, невозможно установить, какой из суффиксов того или иного залога необходимо

употребить для образования данного залога. Такую же картину мы видели при рассмотрении суффиксов дательно-местного падежа («герт» — в юрте, но «борд» — серому). В связи с этим (не говоря уже о других относящихся сюда обстоятельствах), мы полагаем, что в орфографию современного письменного калмыцкого языка необходимо ввести обозначение конечного редуцированного гласного, поскольку это соответствует реальному произношению в современном живом калмыцком языке.

Таблица залоговых суффиксов.

Залоги и основа изменяемого глагола	*Суффиксы*
1. Действительный:	Нет
2. Страдательный:	
а) основа кончается на *л*	*д*
б) основа кончается на все прочие	*гд*
3. Совместный: во всех случаях	*лц*
4. Взаимный: во всех случаях	*лд*
5. Побудительный: основа кончается	
а) на *л*, *р*	*гъ*
б) на *д*, *с*	*х*
в) на долгий гласный	*лгъ*
г) на редуцированный гласный (непереходные)	*а*, *ä*
д) на все прочие звуки	*ул*, *ӱл*

3. Изменение глаголов

Образование от основы одного глагола того или иного залога есть по сути дела образование нового глагола, в свою очередь являющееся образованием новой глагольной основы. Основа глагола, как уже говорилось, является повелительной формой единственного числа второго лица. Глагольная основа служит для образования не только новых глаголов, но и имен (см. выше разделы об образовании имен от глаголов). Вместе с тем повелительная форма второго лица единственного числа является основой еще и потому, что она служит исходной формой, от которой получаются и различным образом спрягаемые формы, отличающиеся друг от друга своими синтаксическими функциями и морфологическими особенностями. Эти формы можно разбить на четыре группы или наклонения, а именно:

1. Формы обращения.
2. Изъявительные формы.
3. Причастия.
4. Деепричастия.

Причастия и деепричастия мы отдельно рассмотрим несколько ниже.

Образование от глагольной основы различных форм, представленных в этих четырех группах, не есть образование новой глагольной основы, т. е. нового глагола. Это лишь изменение глаголов по их формам в зависимости от их синтаксической функции, и оно называется спряжением глаголов (как изменение имен по падежам и числам называется склонением). Часть морфологии, трактующая об образовании глаголов (и имен), относится в основном к лексикологии. Та же ее часть, которая трактует о спряжении глаголов (и склонении имен), относится в основном к синтаксису.

а) Формы обращения

Формы обращения, иначе называемые повелительными формами, служат для выражения приказания, просьбы, пожелания, совета и приглашения. В предложении эти формы могут быть только сказуемыми и не изменяются по временам, но зато спрягаются по лицам и числам.

Обращение к первому лицу

Форма с окончаниями *ий* или *я* (в говорах) выражает собою призыв к совершению того или иного действия. Например:

дуус	— кончать	дуусъя	— кончите!
кӱцӓ	— выполнить	кӱцӓй	— выполните!
сур	— учиться	сурий	— будем учиться!
чимгл	— украсить	чимглий	— украсимте!

Обращение ко второму лицу

Обращение ко второму лицу единственного числа, представляя собою глагольную основу, не имеет никаких окончаний и выражает, в зависимости от интонаций, просьбу, приказание, пожелание, приглашение. Например:

йов	— иди!	йр	— приходи!	гар	— выйди!
су	— сиди!	ор	— входи!	бич	— напиши!

Эта форма иногда имеет эмфатическое окончание *ич*, которое по значению совпадает с русской частицей „же“, например:

йович	— иди же!	ирич	— приходи же!	гарич	— выйди же!
суугъйч	— сиди же!	орич	— входи же!	бичич	— пиши же!

Как видно из формы «суугъич» (сиди же), между основой с конечным долгим гласным и окончанием вставляется согласный гъ, например: «бу» — слезай, «буугъйч» — слезай же! «нӱ» — кочуй, «нӱӱгъйч» — кочуй же!

Обращение ко второму лицу множественного числа имеет окончание *тн* и (как и все формы обращения) выражает собою, в зависимости от интонации, различные виды обращения, например:

йовтн	— йдите!	бичтн	— пишите!
гартн	— выходите!	ортн	— входите!
иртн	— приходите!	кӱцӓтн	— выполняйте!

Обращение к третьему лицу

Форм обращения к третьему лицу имеется две, а именно: 1) с окончанием *г* и 2) с окончанием *тхä* или *тха* (по гармонии гласных). Обе эти формы соответствуют русскому обороту „пусть делает то-то!“ или „да будет то-то!“ Например:

йовг — пусть идет!
гарг — пусть выйдет!
орг — пусть войдет!
менд болтха — да будет здоров (да здравствует)!
иртхä — пусть придет!

Формы обращения к третьему лицу отличны принципиально от прочих форм обращения. В прочих формах обращения нет подлежащих, ибо адресаты обращения не могут считаться подлежащими. Наоборот в форме обращения к третьему лицу, адресаты обращения безусловно оказываются подлежащими. Это находит отражение и в пунктуации: адресаты обращения первого и второго лиц, являясь синтаксическими обращениями, выделяются запятыми, а адресаты третьего лица, поскольку они являются подлежащими, по этой причине не выделяются, например:

Ӱр, йов — Товарищ, иди!
Бадм, гартн — Бадма, выходите!
Церн йовг — Пусть Церен идет!

Улан церг менд болтха! — Да здравствует Красная Армия!

По существу говоря, формы обращения третьего лица представляют собою не столько „непосредственное“ обращение (что и логически невозможно) к третьему лицу, сколько обращение ко второму лицу относительно третьего лица.

Форма пожелания

Эта форма, имеющая окончание *са* или *сä* (по гармонии гласных), выражает пожелание говорящего, чтобы состоялось то или иное действие, например:

ирсä — пришел бы!
йовса — хорошо бы, если бы пришел.
гарса — выйти бы!
орса — вошел бы!

б) Изъявительные или временные формы

Эти формы, употребляющиеся в предложении только в качестве сказуемых, спрягаются по временам и, кроме того, принимают еще личные частицы сказуемости, которые некоторыми авторами ошибочно считаются окончаниями личного спряжения (см. дальше раздел о частицах). Изъявительных форм в калмыцком языке четыре, а именно:

1. Окончания *на* и *нä* (по гармонии гласных) образуют настоящее время; при этом, если речь идет о действии, происходящем в момент речи, с этими окончаниями употребляется сложный глагол, представляю-

щий собою сращение основного глагола в форме соединительного деепричастия и основы вспомогательного глагола «бä» — „быть“, например:

бичджäнä — пишет йовджана — идет орджана — входит.

Если же речь о действии вообще, точнее — о действии расширенного настоящего времени, то эта форма образуется от простого глагола, например:

бичнä — пишет (вообще)
гарна — выходит (вообще)
орна — входит (вообще).

2. Окончание *в* образует форму настояще-прошедшего или недавно-прошедшего времени, которая показывает, что действие закончилось в момент речи или совсем недавно, например:

бичв — написал (только что)
орв — вошел (только что)
гарв — вышел (только что).

3. Окончание *ла* или *лä* (по гармонии гласных) образует форму прошедшего времени, которая показывает, что действие закончилось до момента речи, например:

бичлä — написал орла — вошел
кӱцäлä — выполнил гарла — вышел.

Необходимо иметь в виду, что если две последние формы образованы от основы сложного глагола, то тогда передается то, что в русском языке выражается прошедшим временем несовершенного вида, например:

бичджäлä — писал (а не „написал“)
орджала — входил (а не „вошел“)
олджав — находил (а не „нашел“)
кӱцäджäв — выполнял (а не „выполнил“).

Термин „момент речи“ следует понимать расширительно и в том смысле, что этим самым имеется в виду не только непосредственный момент речи, но и время или эпоха в целом, к которой относится собственно момент речи. С другой стороны, термин „давнопрошедшее время“ по своему значению вовсе не совпадает с этим же термином применительно к западноевропейскому грамматическому употреблению. Давнопрошедшее время в калмыцком языке не есть прошедшее по отношению ко времени другого действия, как это мы имеем во французском и английском языках (tense), а лишь давнопрошедшее по отношению к моменту речи (time).

4. Окончание *дж* (совпадающее с окончанием соединительного деепричастия) или эмфатически *джа* или *джä* (по гармонии гласных) образуют третью форму прошедшего времени. Эта форма выражает такое

действие прошедшего времени, которое по своим результатам представляется общеизвестным или само собою подразумевающимся. Например:

йовджа — шел суудж — сидел
ирджä — пришел ордж — вошел.

Необходимо, впрочем, отметить, что эта форма употребляется лишь в повествовательной речи и почти не употребляется в диалогах.

Для выражения действия будущего времени употребляется будущее причастие (см. об этом ниже).

4. Причастия и деепричастия

В калмыцком языке имеется четыре причастные формы, а именно: 1) будущего времени, 2) прошедшего времени, 3) настояще-прошедшего времени и 4) многократное причастие (или причастие обычного действия или состояния, свойственного предмету).

1. Будущее причастие имеет окончание *х* и выражает действие будущего времени (в качестве сказуемого), например:

йовх — пойдет кӱцäх — выполнит
орх — войдет хäлäх — посмотрит.

2. Прошедшее причастие имеет окончание *сн* и обозначает действие прошедшего времени, например:

кӱцäсн — выполнил бичсн — написал
хäлäсн — посмотрел орсн — вошел.

3. Настояще-прошедшее причастие выражает законченное действие настоящего времени (по-русски переводится, следовательно, прошедшим временем) и имеет окончание *а* (после согласных) или *гъа* и *гъä* (после долгих гласных), например:

кӱндлä — уважил суугъа — сел
кӧкä — сосал буугъа — слез
ора — вошел нӱӱгъä — скочевал.

4. Многократное причастие имеет окончание *дг* и выражает действие или состояние, которое столь часто повторяется, что является свойством того или иного предмета. Многократное причастие на русский язык переводится оборотом „имеет обыкновение делать то-то“ или так называемым расширенным настоящим временем. Например:

йовдг — ходит, обычно ходит
ирдг — приходит, имеет обыкновение приходить
суудг — обычно сидит (здесь).

Причастия имеют определенную категорию времени лишь в позиции сказуемого и подлежащего; находясь же в позиции определения и дополнения, они очень часто в отношении своего времени бывают зависимы от времени сказуемого; все это будет рассмотрено при изложении синтаксиса.

Отличительные черты калмыцких причастий, выделяющие их из общей группы глагольных форм, могут быть сведены к следующему:

1. Причастия в именительном падеже, сопровождаясь притяжательными частицами, в предложении выступают в качестве подлежащего:

захд *йовхнь* мана ӱр — с края идущий (есть) наш товарищ
эндӓс *гарснь* шинкн медгдв — то, что он ушел отсюда, стало известно недавно.

2. Причастия в косвенных падежах в предложении являются дополнениями, например:

мӧнъгъӓн ундж *одсиг* медсн уга — не узнала, что деньги *выпали*.

«Козет кӱн *болсара* йосн наадгъагъар наач ӱзӓд уга билӓ» — Козета *с самого рождения* не видала таких игрушек.

3) Причастия, находясь перед именем, являются определениями, например:

йовсн кӱн — *ушедший* человек
гарсн мӧрн — лошадь, *которая вышла*.

4. Причастия в конце предложения оказываются сказуемыми и с точки зрения перевода на русский язык ничем не отличаются от изъявительных форм, например:

эндӓс нег кӱн *гарсн* билӓ — отсюда *вышел* один человек
тӱӱниг *медӓ* уга — этого не *знал*.

Все прочие глагольные формы (повелительные, изъявительные и деепричастные) не могут быть в предложениях ни подлежащими, ни определениями, ни дополнениями. С морфологической точки зрения причастия отличаются от всех прочих глагольных форм тем, что они склоняемы, а это значит, что причастия представляют собою отглагольные имена. Но причастия в калмыцком языке отличаются от прочих отглагольных имен не только тем, что они имеют в себе категорию времени, но и тем, что они обладают способностью управлять всеми падежами, чего нельзя сказать относительно отглагольных имен вообще.

Возьмем для примера такое отглагольное имя, как «даалгъвр» — поручение (от глагола «даалгъ» — поручать). Это имя не может управлять ни одним косвенным падежом, например нельзя сказать «кӧдлмшиг даалгъвр» в смысле „поручение работы“ или как-нибудь иначе. Если перед отглагольным именем находится другое имя в родительном или совместном падежах, то тогда это имя является лишь определением, например:

мини даалгъвр — мое поручение
кӱндтӓ даалгъвр — почетное поручение.

Мы уже не говорим о том, что отглагольные имена вообще не имеют в себе категории времени. Так, относительно «даалгъвр» нельзя сказать, что это отглагольное имя выражает действие или предмет действия, относящегося к прошедшему или будущему времени.

Необходимо остановиться еще на одной особенности причастий в калмыцком языке, резко отличающей их от причастий в русском языке.

Русские причастия: идущий, пишущий, написавший, написанный, просмотренный и т. д. в предложении обозначают лишь аттрибутивность. Иначе говоря, русские причастия (мы не говорим о причастиях, которые в русском языке приобрели значение существительных, например управляющий, заведывающий, командующий, учащийся и т. п.) в предложении лишь отвечают на вопрос „какой“ и никогда не обозначают *действие*, в каком бы падеже они ни находились. Например, „я увидел написавшего“, означает, что я увидел (человека), который написал. Кроме того, русские причастия (за исключением разве страдательных типа „выдоенное, съеденное, написанное“) никогда не обозначают объект или предмет действия. Стало быть, русские причастия суть отглагольные прилагательные, отличающиеся от обычных прилагательных тем, что они имеют в себе категорию времени и обладают способностью управлять именами (увидевший коня, севший на дерево, уехавший из города, съеденный волком и т. д.). Не то с причастиями в калмыцком языке.

Прежде всего, калмыцкие причастия в косвенных падежах за весьма редкими исключениями почти всегда обозначают действие, а не тот предмет, который совершил данное действие, как то мы имеем в русском языке. Например:

«Лавкас эд-тавр *авсиг* би меднä» — Я знаю, что из лавки взяли (купили) товар. (Это предложение не может быть переведено: Я знаю взявшего товар из лавки, т. е. того, кто из лавки купил товар).

«Чамаг балгъснд *йовхд* би гертäн суулав» — Когда ты был в городе, я сидел дома. (Конечно и логически невозможно перевести эту фразу следующим образом: Твоему в город уехавшему я сидел в юрте.)

Для того чтобы причастие в винительном падеже означало, например, то же самое, что и русское причастие в том же падеже (*написавшего*), необходимо особое стечение контекста речи и обстановки речи, например:

«Тер улсин дотрас би болхла эн дегтриг *бичснинь* таньнав»— Из среды этих лиц я знаю (лишь) того, кто написал эту книгу (*написавшего* эту книгу).

В этом предложении причастие в винительном падеже «бичснинь» потому лишь не выражает действие, а обозначает лицо, написавшее книгу, что оно (причастие) имеет притяжательную частицу *нь*, которая относит его (причастие же) к «тер улсин дотрас» — из среды этих лиц.

Далее: в калмыцком языке причастия со страдательным значением в позиции определения очень часто употребляются в форме действительного залога, что невозможно в русском языке, например:

идсн махн — съеденное мясо.

Здесь причастие «идсн», переведенное как „съеденное“, образовано от основы действительного залога, то есть должно было бы быть переведено „съевшее мясо“, что оказывается логически невозможным. Употре-

бление определительного по функции причастия со страдательным значением, но от основы действительного залога, возможно лишь тогда, когда сочетание данного причастия в действительном залоге с определенным именем — определяемым, в силу природы и свойства последнего, неизбежно исключает возможность иного толкования, выражаемого в русском языке действительным залогом. В самом деле сочетание «идсн махн» логически не может быть понято как „съевшее мясо“, т. е. „мясо, которое что-то съело!“ Но лишь только предмет-определяемое окажется таким, которое само способно произвести данное действие (например, собака может сама съесть, но не может же мясо что-либо поедать: оно само поедаемо!), как причастие от основы действительного залога со значением страдательного залога сразу же переделывается, а именно оно должно быть образовано от основы страдательного или побудительного залогов, например:

идӱлсн ноха — съеденная собака
идгдсн ноха — съеденная собака.

Следовательно, страдательный залог (или побудительный залог со значением — страдательного) при причастном определении употребляется лишь тогда, когда предмет логически (а логические законы суть отражение законов объективной реальности) может мыслиться не только подвергающимся определенному действию другого предмета, но и направляющим свое действие на другой предмет. Мясо не может направлять свое действие (съедение) на другой предмет, не может съесть кого-то. Наоборот, собака не только может быть съедена, но и сама может съесть что-либо. Вот почему почти нельзя сказать «идгдсн мах» или «идӱлсн мах» в смысле „съеденное мясо“. Но в отношении собаки это необходимо: «идгдсн ноха» или «идӱлсн ноха» — съеденная собака, ибо если сказать «идсн ноха», то это будет означать „съевшая собака“.

Так как подробное изложение значений причастий в предложении должно составлять предмет синтаксиса, мы сказанным ограничиваем наше рассмотрение причастий. Однако, прежде чем перейти к изложению деепричастий, необходимо рассмотреть особые отглагольные имена, которые занимают среднее место между причастиями, с одной стороны, и отглагольными именами вообще — с другой. Мы имеем в виду отглагольные имена, образуемые при помощи суффиксов *ач* или *ӓч*, *гч*, т. е. отглагольные имена, которые Рамстедт справедливо называет nomen actoris (действующие имена). Например:

кӱцӓгч — исполнительный, исполнитель
бичӓч — пишущий, писарь
медгч — знающий, знаток
ахлач — возглавляющий, председатель.

От причастий эти имена отличаются тем, что они, во-первых, не обладают категорией времени и, во-вторых, не могут выражать собою действие, что является, как мы видели, отличительной особенностью причастий в калмыцком языке. От обычных отглагольных имен типа

«тогтавр» — „постановление“ или «зурмл» — „исписанный“ эти действующие имена (nomen actoris) отличаются тем, что они могут управлять косвенными падежами. Иначе говоря, эти имена сохраняют некоторые категории (способности) „чистых“ глаголов. Употребляются же они в двояком значении, точнее — в двух функциях:

Во-первых, они являются как бы отглагольными предметными именами деятелей, например:

бичäч — писарь ахлач — председатель.

Во-вторых, они являются как бы отглагольными качественными именами, обозначающими род занятий того или иного лица или органа, например:

кӱцäгч — исполнительный медгч — знающий.

Как уже сказано, эти действующие имена отличаются от обычных отглагольных имен тем, что они могут управлять косвенными падежами. Это значит, что если нельзя сказать «ӱӱлиг даавр» в смысле „исполнение обязанностей“, то можно, например, сказать «ӱӱлиг» или «ӱӱл даагъач» — „исполняющий обязанности“, в котором «ӱӱлиг» есть форма винительного падежа. От причастий, как уже говорилось, они отличаются тем, что не выражают действия. Это значит, что если «медсигъäн мартв» — „забыл то, что знал“, то «медгчиг мартв» значит „забыл знатока, знающего, того, кто знает“.

Переходим к деепричастиям.

В калмыцком языке мы имеем следующие деепричастия:

1. *Соединительное* деепричастие; оно имеет окончания — *дж* после конечных гласных и *ч* после конечных согласных (кроме *л*) основы спрягаемого глагола, например:

су	— сидеть	суудж	— сидя
гар	— выйти	гарч	— выходя
хäлä	— смотреть	хäлäдж	— смотря
бос	— вставать	босч	— вставая
наад	— играть	наач	— играя.

Последний пример показывает, что конечный согласный *д* перед окончанием *ч* исчезает (точнее — сливается с ним в произношении). Когда мы говорим „после конечных согласных основы“, то имеем в виду лишь те согласные, после которых не следуют редуцированные гласные, в письме не обозначаемые. Поэтому мы имеем:

ор — ордж — входя
бич — бичдж — пиша,

ибо в глаголах «ор» — „входить“ и «бич» — „писать“ имеются конечные редуцированные гласные: поэтому-то нельзя образовать деепричастия: «орч» и «бичч».

Соединительное деепричастие выражает действие, которое в отношении своего времени тесно соединено с действием последующего

глагола, например: «газа гарч», «мӧрӓн уйв» — вышел на двор и привязал коня (или: выйдя на улицу, привязал коня).

2. *Слитное* деепричастие; оно имеет окончание *н*, например:

су	— сидеть	суун	—сидя
гар	— выйти	гарн	— выходя
хӓлӓ	— смотреть	хӓлӓн	— смотря.

По своему значению слитное деепричастие почти ничем не отличается от соединительного деепричастия; однако по своему синтаксическому употреблению оно имеет некоторые особенности, отличные от особенностей соединительного деепричастия. Например, если можно сказать «бичдж сурв» — научился писать, то *в том же значении* нельзя сказать «бичн сурв», ибо это будет означать не „научился писать“, а „научился пиша“ (т. е. посредством писания).

В отрицательных конструкциях вместо формы с окончанием *н* употребляется форма с окончанием *л*, например:

йовл уга — не ходя бичл уга — не пиша ирл уга — не приходя.

3. *Разделительное* деепричастие; оно имеет окончания *ад* или *ӓд* (после согласных и гласных редуцированного характера — по гармонии гласных) и *гъад* или *гъӓд* (после долгих гласных), например:

ир	— приходить	ирӓд	— приходивши
гар	— выходить	гарад	— вышедши
хӓлӓ	— смотреть	хӓлӓгъӓд	— просмотрев
кӱцӓ	— исполнить	кӱцӓгъӓд	— исполнив
су	— сидеть	суугъад	— севши.

Это деепричастие выражает действие, которое в отношении своего времени предшествует действию последующего глагола, например:

цӓ уугъад, бичг бичв — выпил (сначала) чаю и написал (потом) письмо
или выпивши чаю, написал письмо.

Следует все же указать, что различия между тремя описанными деепричастиями в повседневной речи игнорируются. Сплошь и рядом одно из этих деепричастий произвольно употребляется вместо другого.

Соединительное, слитное и разделительное деепричастия, в отличие от описываемых ниже и являющихся обстоятельственными, могут быть названы сопутствующими, так как они обозначают действия, не связанные между собою с обстоятельственной точки зрения. Морфологически же они (сопутствующие деепричастия) отличаются от обстоятельственных деепричастий тем, что последние могут сопровождаться притяжательными частицами, что выдает их именное происхождение. Например, нельзя сказать:

йовджчн — ты пойдя
йовнмдн — мы пойдя
йовадтн — вы пошедши.

Но можно сказать следующее:

йртлм — до моего прихода
ирхлäрäн — как только сам пришел.

4. *Условное* деепричастие; оно имеет окончания *хла* или *хлä* (по гармонии гласных), например:

хäлä	— смотреть	хäлäхлä	— если или когда посмотрит
кӱцä	— исполнить	кӱцäхлä	— если исполнит
йов	— идти	йовхла	— если пойдет
ор	— войти	орхла	— если войдет.

Это деепричастие выражает действие или состояние, являющееся условием или временем для наступления другого действия или состояния.

5. *Предельное* деепричастие; оно имеет окончание *тл*, например:

ир	— приходить	иртл	— до прихода
йов	— идти	йовтл	— до отхода
гар	— выйти	гартл	— до выхода
су	— сидеть	суутл	— пока будет сидеть
ӱз	— смотреть	ӱзтл	— пока не посмотрит.

Это деепричастие выражает действие или состояние, до наступления которого должно произойти другое действие.

6. *Предварительное* деепричастие; оно имеет окончания *хларн* или *хлäрн*, например:

йов	— идти	йовхларн	— как только или когда пошел
гӱ	— бежать	гӱӱхлäрн	— как только побежал
ӱз	— смотреть	ӱзхлäрн	— как только посмотрел.

Это деепричастие выражает действие, после наступления которого немедленно совершается другое действие.

Последние три деепричастия в предложении всегда выражают обстоятельственные действия и не могут быть сказуемыми. Поэтому они и называются обстоятельственными деепричастиями. Синтаксическая функция этих обстоятельственных деепричастий столь же строго и как бы раз навсегда (на данном этапе развития калмыцкого языка) определена, как и сказуемостная функция изъявительных и повелительных форм. Наоборот, синтаксическая функция сопутствующих деепричастий (соединительного, разделительного и слитного) чрезвычайно разнообразна и (на это необходимо обратить особое внимание) существенно отличается от синтаксической функции русских деепричастий. Последние, как известно, являются отглагольными наречиями, т. е. в основном отвечают на вопрос *как* или *каким образом*, например: Метелица, *миновав* два переулка, свернул в третий (как свернул?). Старик, *расстелив* халат, мирно спал под деревом на опушке, *подложив* под голову мягкую шапчонку (как спал?) (Примеры из „Разгрома“ А. Фадеева).

Сопутствующие деепричастия в калмыцком языке в предложении могут быть по своим значениям и функциям: 1) дополнением, 2) опреде-

лением или обстоятельством образа действия, 3) слитным сказуемым и 4) сказуемым в сочиненном предложении. Поясним это на нижеследующих примерах:

1. Мана ковүн дегтр *умшдж* сурла — Наш мальчик научился *читать*.

Эн күн мөр *ундж* чадхго — Этот человек не умеет *садиться* на коня.

В этих предложениях глаголы «умш»—„читать“ и «ун»—„садиться (на коня)“, данные в форме соединительного деепричастия, являются дополнениями и поэтому на русский язык необходимо переводятся неопределенным наклонением (читать и садиться). В данном случае русский перевод не являясь критерием для определения синтаксической функции калмыцких деепричастий, помогает нам, однако, иллюстрировать значение последних в функции дополнения. Мы видим, что приведенный оборот по-калмыцки иначе не выражается, поскольку глаголы типа «сурх» — „учиться“, «чадх» — „уметь“ требуют соединительного деепричастия аналогично тому, как соответствующие им по значению русские глаголы требуют глагола в неопределенной форме. Стало быть сопутствующие деепричастия в калмыцком языке в функции дополнения отвечают по своему смыслу на вопросы „чему“ (научиться), „чего“ (не умеет) или „что“ (умеет), но никоим образом не отвечают на вопрос „как“ и „каким образом“.

2. Калмыцкие сопутствующие деепричастия являются в предложении обстоятельствами образа действия, отвечая на вопрос „как“ или „каким образом“, например:

Школд *йовдж* дегтр умшдж сурла — Научился читать, посещая школу

Негн ац таслдж авла — Взял один сучок, *отрезав* (его).

В этих примерах глаголы «йов» — „идти“ и «тасл» — „отрезать“, данные в форме того же соединительного деепричастия, по смыслу отвечают на вопрос как (научился читать)? и каким образом (взял сучок)? Очевидно, что в данных случаях сопутствующие деепричастия в качестве обстоятельств образа действия вполне совпадают по своему значению с деепричастиями в русском языке. В этой же функции они (сопутствующие деепричастия) *не могут быть* заменены другими глагольными формами.

3. Калмыцкие сопутствующие деепричастия по своему значению в предложении должны быть признаны *слитными сказуемыми* в том случае, если они выражают лишь действия, сопутствующие другим действиям, но не являются обстоятельствами последних. В этих случаях они напоминают то употребление русских деепричастий, при котором последние без ущерба могут быть заменены изъявительными формами, что в этом случае происходит и в калмыцком языке. Например:

Негн сө нег ямагъин хулха *авад* одна — Однажды ночью вор *забрал* у него козу и ушел = Однажды ночью вор, *забравши* его козу, ушел.

Би цәәгъән уудж, школдан йовхв — Я выпью чаю и пойду в школу = Я, выпив чаю, пойду в школу.

В этих примерах деепричастия «авад» и «уудж» никоим образом не характеризуют и не определяют способ и образ совершения действий, выраженных последующими глаголами. Таким образом различие между обстоятельственной (точнее — определительной) и слитно-сказуемостной функциями сопутствующих деепричастий легко может быть уловлено путем логического анализа. *А это чрезвычайно важно при определении правил пунктуации,* состояние которой в калмыцком литературном языке (как и в других младописьменных языках) оставляет желать лучшего. Наше предложение относительно пунктуации, точнее — насчет употребления запятых после деепричастий (а в этом только и скрыт камень преткновения калмыцкой пунктуации), сводится к следующему:

а) После деепричастия запятая не ставится, если оно оказывается дополнением или определением (обстоятельством образа действия) последующего глагола, например:

Дегтр умшдж сурла — научился читать книгу.

Школд йовдж дегтр умшдж сурла — Научился читать, посещая школу.

б) После деепричастия запятая ставится, если оно оказывается слитным сказуемым, например:

Би цаагъан уудж, школдан йовхв — Я выпью чаю и пойду в школу.

Само собой разумеется, что запятая после деепричастия непременно ставится, если оно оказывается сказуемым в сочиненном предложении, к рассмотрению которого мы и переходим.

4. Сопутствующие деепричастия являются сказуемыми в сочиненном предложении в том случае, если имеют свои собственные подлежащие, отличные от того подлежащего, которое относится к заключительному глаголу предложения, например:

Цасн хаалдж, хаалгъ гарв — Снег растаял, и дорога открылась.

Ногъан ургъдж, мал идштä болв — Трава выросла, и скот стал иметь корм.

Нарн гарч, газа дулан болв — Солнце поднялось, и на дворе стало тепло.

Стало быть, характерной особенностью калмыцкого языка является то обстоятельство, что в нем, как во французском языке, сказуемыми в сочиненном предложении могут быть и деепричастия (а именно сопутствующие), чего никоим образом нельзя сказать относительно русских деепричастий в литературном языке.

ЧАСТИЦЫ

Частицы — это несамостоятельные „слова“, которые придают словам или сочетаниям слов различные оттенки (усиление, вопрос, отрицание, лицо и т. *д.*). Они отличаются от послелогов тем, что не соединяют одно слово с другим, т. е. не выражают отношение предметов к действиям, отношение предметов и действий между собою. По своему значению частицы делятся на несколько групп, а именно на следующие:

а) Частицы логического ударения

Для того чтобы в предложении логически подчеркнуть какое-нибудь слово, после него ставится частица *л*, которая пишется слитно с тем же словом, например:

Сорокинчнь келджänäл — Сорокин *говорит* же.
Мöрнмдн эндл бääнä — Наша лошадь находится (ведь) *тут*.
Тӱӱнäл тускар бичджänä — Пишет *о том же* самом.

б) Вопросительная частица

1. Если в предложениии отсутствует какое-нибудь вопросительное слово, то при вопросительном сказуемом употребляется частица вопроса *ий* или *у* (*ӱ* — по гармонии гласных), например:

Чи коммунистийч? — Ты коммунист?
Келх ӱг бääнӱ? — Есть ли что сказать?
Мана ӱӱрмӱд одву? — Отправились ли наши товарищи?
Хäрхдäн ääджäхшийч? — Не будешь боятся при своем возвращении?

2. Если в предложении имеется какое-нибудь вопросительное слово, то частица *ий* или *у* не употребляется, например:

Мана джиргълиг кен иим байрта болгъв? — Кто создал наше счастье?
Аю чамд ю келв? — Что тебе сказал медведь?

Иногда при наличии вопросительного слова сказуемое приобретает частицу *б*, например:

Юн кӱӱкмб? — Что за девочка?
Мана мöрн хама йовсмб? — Куда ушла наша лошадь?

Отметим, что конечный *н* сказуемостного слова при слиянии с частицей *б* переходит в *м* (кӱӱкн + б = кӱӱкмб йовсн + б = йовсмб).

в) Личные частицы или показатели сказуемости

Сказуемые первого и второго лиц обоих чисел независимо от того, выражаются они именем или глаголом, сопровождаются личными частицами, которые по своему происхождению являются личными местоимениями (первого и второго лиц обоих чисел) с утраченными гласными а именно:

	Множ. число:	*Единств. число:*
1 лицо:	вдн ← бидн — мы	в ← би — я
2 лицо:	тн ← та — вы	ч ← чи — ты.

Примеры:

би йовнав	— я иду	би коммуниств	— я коммунист
чи йовнач	— ты идешь	чи коммунистч	— ты коммунист
бидн йовнавдн	— мы идем	бидн коммунисвдн	— мы коммунисты
та йовнат	— вы идете	та коммунист	— вы коммунисты
эн йовна	— он идет	эн коммунист	— он коммунист
эдн йовна	— они идут	эдн коммунист	— они коммунисты.

Эти личные частицы сказуемости некоторые авторы считали окончаниями личного глагольного спряжения. Это основано на явном недоразумении, ибо, как видно из примеров, эти частицы принимаются только теми словами (как глаголами, так и именами), которые в предложении оказываются сказуемыми (например: «эн бив» — это я, «чи пионерч» — ты пионер и т. д.).

г) Подтвердительная частица

Эта частица в виде *мн* (← «мӧн» — „именно, действительно“, не смешивать с «юмн» — „вещь“) употребляется главным образом при именных причастных сказуемых, а по значению усиливает и подтверждает то, что выражено в сказуемом, благодаря чему последнее, если оно представляет собою причастие в будущем времени, как бы приобретает характер обращения, например:

Бадмиг колхозин членд орулдж авхмн — Бадму принять в члены колхоза.

Кӧдлмшиг большевик мет кӱцӓхмн — Работу выполнить по-большевистски.

Председатель секретарь хойр протоколд гаран тӓвдмн — Протокол подписывают председатель и секретарь.

Как видно из последнего примера, при наличии этой частицы многократное причастие теряет свой конечный согласный г, например:

тӓвдг + мн-тӓвдмн — ставит
авдг + мн-авдмн — берет
бичдг + мн-бичдмн — пишет.

Очень часто эта частица употребляется перед отрицанием «биш» — „не“, например:

Энд тамк татхмн биш — Здесь не курят (т. е. курить запрещено).

д) Усилительно-уступительная частица

Эта частица — *чигн* — пишется отдельно и служит для усиления значения данного слова; наряду с этим в уступительных оборотах частица *чигн* имеет значение „хотя“. Например:

би чигн йовна	— и я пойду
кезӓ чигн ирх уга	— никогда не придет
кезӓ чигн ирх	— всегда придет
кен чигн медх уга	— никто не знает
кен чигн меднӓ	— все знают, любой знает
хол йовсн чигн болхла ирнӓ	— придет, хоть и ушел далеко.

е) Частицы отрицания

Точнее было бы сказать „слова отрицания“, ибо так называемые частицы отрицания («биш» — „не“, «уга» — „нет, не, без“) имеют склонение и даже самостоятельные лексические значения («биш» — „иной“, «уга» — „отсутствие“). В калмыцком языке имеются следующие отрицательные частицы или слова:

1. *ш* — наращивается к отрицательному будущему причастию и представляет собою усеченную форму от слова-отрицания «биш» — „иной, не . . .“ Например: Би ӱӱниг медхшв — Я его не знаю.
Энд мӧрн ӱэгдхш — Здесь конь не показывается.

2. *биш* — „не“ — ставится преимущественно после отрицаемого именного сказуемого и употребляется, когда отрицание сопровождается обратным утверждением или когда последнее подразумевается (соответствует русскому обороту „не . . . , а . . .“). Например:
Эн чадлта биш — Он не силен, а (подразумевается) слаб.
Энд биш, тенд — Не здесь, а там.
Би эндк бишв — Я не здешний, а (подразумевается) приезжий.

3. *эс* — „не“ — ставится перед отрицаемыми деепричастными (кроме разделительного и слитного), изъявительными и изредка причастными формами. Например:
Эс болхла яхв? — Как быть, если иначе нельзя?
Би эс келвӱв? — Разве я не сказал?
Эс болсн хӧӧн сән — Хорошо, что не случилось!

4. *уга* — „не, нет, без“ — употребляется после имен и причастий: после имен соответствует русскому „нет“ (в позиции сказуемого) и „без“ (в позиции дополнения), а после причастий — „не“. Например:
Энд мӧрн уга — Здесь коня нет.
Намаг эн кӱн таньсн уга — Меня этот человек не узнал.
Мана газрт усн угагъар йовдж болх уга — У нас без воды нельзя ездить.

В калмыцком языке отрицание *уга* употребляется и после слитного и разделительного деепричастия. Например:
Би тӱӱндчнь иджлдӓд угав — Я с ним не сошелся.

Отрицание *уга* в калмыцком языке склоняется, например:
Ноха угад гаха хуцдг — Когда нет собаки, лает и свинья.
Нарн гарад угад йовий — Пока нет солнца — поедем.
Тосн угагъар машин йовх уга — Без масла машина не идет.

В торгоутском диалекте вместо *уга* произносится *ухо*, что находит свое отражение и в литературе. При этом очень часто в отрицании *ухо* выпадает начальный гласный *у* (при слиянии с отрицаемым словом). Например:
болшго — невозможно тогтшго — не останавливается.

5. *бичкӓ* или *бичӓ* — „не“ — употребляется лишь перед повелительными формами. Например:
бичкӓ су — не сиди! бичӓ авий — не будем брать!
бичӓ гар — не выходи! бичкӓ орг — пусть не входит!
бичӓ йовтн — не ходите!

О частицах личного и безличного (возвратного) притяжаний уже говорилось выше (см. стр. 50—53); поэтому изложенным заканчиваем обзор частиц в калмыцком языке.

III. СИНТАКСИС

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В состав предложения в калмыцком языке входят сказуемое, подлежащее, дополнение и определение. Из этих четырех членов предложения фундаментом или минимумом последнего (предложения) является сказуемое, тогда как и подлежащее и дополнение суть не что иное, как то, что образует надстройку сказуемого.

Рассматривая отношения между членами предложения, не трудно заметить, что и подлежащее и различные виды дополнения с самых разнообразных сторон лишь уточняют то, что выражено в сказуемом: от них, т. е. от подлежащего и различных видов дополнения, как бы идут нити, соединяющие их со сказуемым. Подлежащее и различные виды дополнения как бы „служат“ для того, чтобы „отвечать“ на вопросы, исходящие от сказуемого. Вот почему отсутствие в предложении именно сказуемого ощущается с большей остротой, нежели отсутствие какого-либо другого члена. Сказуемое, таким образом, представляет минимум того, что достаточно для образования логически полного предложения. Неполным предложением в калмыцком языке мы будем называть такое, в котором нет сказуемого.

Строго говоря, предметом синтаксиса должно быть только полное предложение, однако и неполное предложение нельзя оставлять без синтаксического рассмотрения. Но к последнему в ходе изучения должно приступить не раньше того, как будет покончено с рассмотрением полного предложения. При изучении же неполного предложения необходимо иметь в виду два условия, в которых оно возникает и бытует. Во-первых, неполное предложение возникает тогда, когда мы нашу звуковую речь сопровождаем мимикой, движениями рук и т. д. Например, мы показываем рукою на выпавший снег и говорим:

Икāр унла — Выпало много.

Это должно означать:

Цасн икāр унла — Снéгу выпало много.

Во-вторых, неполное предложение имеет место в диалоге, в котором члены одного и того жé предложения произносятся двумя говорящими лицами и, взятые в отдельности, составляют ряд неполных предложений, например:

Нернчн кемб? — Как твое имя?
Козет — Козета.

Во втором — неполном — предложении дано лишь одно сказуемое, в полном же виде предложение должно было бы иметь следующий вид:

Нерм Козет — Мое имя — Козета.

Еще пример:

Ӱр өрлä... — Товарищ утром...
Балгъснас ирлä — Из города приехал,

т. е.: „Товарищ утром приехал из города". В этом примере показано, как одно полное и распространенное предложение может в диалоге как бы образовать два неполных предложения. Следовательно, строго говоря, неполное предложение должно быть рассматриваемо иногда как составная часть одного полного предложения, причем такого, которое произносится разными лицами, каждое из которых как бы принимает на себя „обязанность" восполнить один из членов данного, своеобразного полного предложения.

Если подлежащее и дополнения являются в предложении элементами в надстройке сказуемого (глагольного), то такой член предложения, как определение, ни в какой зависимости от глагольного сказуемого не находится (мы опускаем деепричастное определение вообще). Например:

Элстд *өндр* гермӱд дала — В Элисте много *высоких* зданий.
Улан тугмуд делсдж йовна — Развеваются *красные* знамена.

В живой речи простейшим видом предложения надо признать такое, которое состоит из одного сказуемого с личным показателем сказуемостности. Сказанное означает, что в таком предложении, состоящем только из одного сказуемого, минимально выражены как предикат, так и субъект действия или состояния. А это в свою очередь означает, что простейшее предложение из одного лишь сказуемого только тогда выражает „законченную" мысль, когда речь идет о предметах первого и второго лиц обоих чисел. Например:

бичджänäв — пишу	бичджänäвдн — пишем	багшв — я учитель
бичджänäч — пишешь	бичджänät — пишут	багшч — ты учитель.

Если речь идет о предметах третьего лица, то тогда простейшим видом предложения явится такое, в котором имеются и подлежащее и сказуемое. Например:

Аюр умшна — Аюр читает.	Хавр ирлä — Весна пришла.
Аю серлä — Медведь проснулся.	Нарн гарв — Солнце взошло.

В равной мере простейший вид предложения будет иметь некоторую законченность, если в нем при переходном глаголе (сказуемом) наличествует так называемое прямое дополнение. Например:

Зан юм зӧӧнä — Слон таскает вещи.
Арат шову хулхална — Лисица ворует птицу.
Чон хӧ авч йовна — Волк уносит овцу.

Формально предложение в лингвистике считается законченным или полным, если в нем и при переходном глаголе наличествуют только подлежащее и сказуемое.

В калмыцком языке, как известно, сказуемое всегда находится в конце предложения. В приведенных выше примерах сказуемыми являются «зөөнä» — „таскает“, «хулхална» — „ворует“, «авч йовна» — „уносит“, а остальные слова — подлежащими («зан» — „слон“, «арат» — „лисица“, «чон» — „волк“) и дополнениями («юм» — „вещи“, «шову» — „птицу“, «хö» — „овцу“). Порядок членов предложения в калмыцком языке находится в прямой зависимости от логического ударения: то слово, на которое падает логическое ударение, ставится ближе всего к сказуемому, если, конечно, в живой речи оно не выделяется еще интонацией. Например:

1. Арат *шову* хулхална — Лисица ворует *птицу*.
2. Шову *арат* хулхална — Птицу ворует *лисица*.

В первом случае логическое ударение падает на дополнение «шову» — „птицу“, и потому оно (дополнение) поставлено непосредственно перед сказуемым; в этом случае меня интересовало — *что* ворует лисица?

Во втором же случае, наоборот, логическое ударение падает на подлежащее «арат» — „лисица“, ибо меня здесь интересовало — *кто* ворует птицу? И соответственно изложенному это подлежащее (арат) оказалось поставленным непосредственно перед сказуемым.

Дополнение в простом предложении всегда относится к глагольному сказуемому и соответствует русским дополнениям и обстоятельствам. Дополнение, так же как и подлежащее, всегда ставится перед сказуемым или перед подлежащим, что зависит от места логического ударения, о чем уже шла речь выше. Например:

Удлго цасн орла — Вскоре выпал снег.
Хоюрн *уснд* унла — Вдвоем упали в воду.
Урокан ода белд — Свои уроки приготовь теперь же.
Эн усар газр услна — Этой водою орошают поля.

В калмыцком языке по формальным признакам трудно различать особо от дополнений так называемые обстоятельства, тем более, что так называемые обстоятельства образа действия русского языка на калмыцкий язык иногда переводятся определениями.

Определение относится или может относиться к любому из членов предложения: к подлежащему, дополнению и сказуемому. Если члены предложения имеют определения, то по отношению к ним (определениям) эти члены предложения являются определяемыми. Как правило, которое не знает никаких исключений, определение именного типа всегда ставится непосредственно перед определяемым. Более того, только непосредственная препозиция какого-нибудь имени по отношению к другому имени делает его определением. Например:

Дорджин *öгсн* дегтр йир сäн — Книга, которую подал Дорджи, очень хороша.

Улан тугмуд делсв — Развевались красные знамена.

Бадм *көк* бекäр бичнä — Бадма пишет синими чернилами.
Бор мöриг услв — Напоили серого коня.
Мöрнä хазар — Узда лошади.

В этих предложениях определениями являются подчеркнутые слова:

öгсн — которую подал...
улан — красные...
көк — синяя...
бор — серый...
мöрнä — лошади...

Определяемыми соответственно являются слова:

дегтр — книга...
тугмуд — знамена...
бекäр — чернилами...
мöриг — коня...
хазар — узда.

Определения в свою очередь могут быть одновремено определяемыми, т. е. иметь свои определения, например:

Бор мöрнä хазар — Узда серой лошади.
Мана Дорджин гер — Дом нашего Доржия.

В этих примерах «бор» — „серой“ является определением к слову «мöрнä» — „лошади“, которое в свою очередь оказывается определением к слову «хазар» — „узда“, а слово «мана» — нашего“ является определением к слову «Доржин» — „Доржия“, в свою очередь являющегося определением к слову «гер» — „дом“.

В дальнейшем изложении характеризуются особенности каждого из членов предложения в более подробном освещении.

СКАЗУЕМОЕ

Разбору сказуемого в калмыцком языке необходимо предпослать рассмотрение так называемых составных глаголов и связок, дабы составные глаголы не смешивались с составными сказуемыми. Дело в том, что все сказуемые, как именные, так и глагольные, бывают либо составными, либо простыми. Составными сказуемыми называются такие сказуемые, которые состоят из глагола или имени плюс связка, простыми же те, которые образуются только из одного глагола или имени без связки. Так как связки служат для определения времени действия или состояния, а также различных оттенков последних, то, конечно, именные сказуемые преимущественно являются составными, поскольку имена, включая сюда и некоторые причастия, не содержат в себе указания на то или иное время.

В слитном, а также в сочиненном предложениях сказуемые оформляются, как это будет показано в ходе дальнейшего изложения, несколько иначе, нежели в простом неслитном предложении. Поэтому для

лучшего усвоения предмета читателями, мы излагаем сначала особенности сказуемых неслитного предложения, после чего мы переходим к изложению особенностей образования сказуемых как в слитном (точнее — многосказуемостном), так и в сочиненном (речь идет о глагольных сказуемых) предложениях.

1. Составные глаголы

Речь идет, во-первых, об особой группе служебных глаголов, в сочетании с которыми ординарные („знаменательные“) глаголы приобретают особое значение, и, во-вторых, о парных глаголах, которые во взаимном сочетании выражают уже новые понятия или приобретают различные усилительные и тому подобные оттенки в значениях. Парные глаголы, как и парные имена, употребляются в калмыцком языке давно. Поскольку, однако, парные глаголы должны быть рассмотрены в разделах лексикологии и идиоматики, а равно и потому, что образование их потенционально возможно от любых глаголов, мы не рассматриваем их в синтаксисе. Приступим поэтому непосредственно к рассмотрению перечня тех служебных глаголов, далеко, однако, не всех, в сочетании с которыми ординарные глаголы образуют составные глаголы, Составные глаголы — если не сопровождаются той или иной связкой — не всегда должны рассматриваться в предложении как составные сказуемые.

Составные глаголы образуются следующим образом: глаголы, выражающие действия или состояния, о которых идет речь в данном предложении, даются в форме одного из сопутствующих деепричастий (соединительного или слитного) и сопровождаются одним из служебных глаголов, даваемым в любой спрягаемой или склоняемой (т. е. причастной) форме. Стало быть, составной глагол распадается на основной и служебный глаголы. Основным глаголом мы называем „знаменательную“ часть составного глагола, т. е. именно тот глагол, который, выражая данное действие или состояние и сопровождаясь служебным глаголом. дается в одной из деепричастных форм. Изложенное частично может быть показано в следующей таблице:

Основной глагол	*Служебный глагол*	*Значение*
хулддж	авх	купить
нисдж (нисч)	ирх	прилететь
нисдж (нисч)	одх	улететь
авч	ирх	принести

Служебный глагол «авх» (брать) показывает, что действие основного глагола совершается кем-либо в свою пользу; поэтому очень часто составной глагол с этим служебным глаголом соответствует русскому возвратному глаголу, например:

хулхалдж авх — украсть
ўмсдж авх — одеваться
эмäллдж авх — оседлать (для себя).

Служебный глагол «ирх» (приходить, прибывать) показывает, что действие основного глагола совершается в состоянии приближения в сторону говорящего или близится к концу. В этом смысле составной глагол с этим служебным глаголом часто соответствует русскому глаголу с приставкой *при*, например:

нисдж ирх — прилететь
гўўдж ирх — прибежать
авч ирх — приносить
дахулдж ирх — привести.

Служебный глагол «одх» (уходить, отбывать) показывает, что действие основного глагола совершается в состоянии отбытия или удаления от говорящего. Поэтому составной глагол с этим служебным глаголом как бы соответствует русскому глаголу с приставкой *у*, например:

авч одх — уносить, нисч одх — улетать, гўўдж одх — убежать.

Служебный глагол «öгх» (дать) показывает, что действие основного глагола совершается кем-либо в пользу другого, либо для себя по просьбе другого, например:

эмäллдж öгх — оседлать для кого
уудж öгх — выпить ради...
иддж öгх — съесть ради...
бичдж öгх — написать для кого
умшдж öгх — читать кому.

Служебный глагол «оркх» (оставить, бросать), показывает, что действие основного глагола совершается полностью, до конца, например:

бичдж оркх — написать (всё)
иддж оркх — съесть (всё).

Само собою разумеется, что изложенными глаголами не исчерпывается перечень всех служебных глаголов; имеются и другие глаголы, в сочетании с которыми „ординарные“ или „знаменательные“ глаголы, становясь составными, приобретают новые значения, как об этом уже говорилось выше. Необходимо при этом отметить, что глаголы типа «авх, оркх, öгх, одх» и т. д., рассмотренные только что в качестве служебных глаголов, в иных сочетаниях являются ординарными же глаголами и даже сами могут быть основными глаголами в составном глаголе. Например, «авч ирх» (приносить); здесь глагол «авх» в сочетании с глаголом «ирх» является основным глаголом в составном глаголе.

Об этих служебных (и, следовательно, составных) глаголах мы говорим в синтаксисе для того, чтобы провести различие между ними и связками. В нашем дальнейшем изложении термин „составной глагол“ употребляется лишь для обозначения сочетания „ординарного“ глагола с служебным глаголом «бääх» (быть), поскольку остальные служебные глаголы должны быть предметом рассмотрения лексикологии.

В калмыцком языке нет особых категорий совершенного и несовершенного видов. Глаголы, взятые сами по себе, выражают действие совершенного вида, например:

бичх — написать умшх — прочитать
одх — идти гарх — выйти.

Действие несовершенного вида передается составным глаголом, а именно: основной глагол в форме соединительного деепричастия сопровождается служебным глаголом «бääх» (быть, находиться, иметься), и полученный таким образом составной глагол выражает действие, протекающее длительно. Если же имеется в виду действие, протекающее в состоянии движения, а не покоя, то вместо «бääх» употребляется в качестве служебного глагола «йовх» (идти, двигаться). Нижеприведенные примеры наглядно показывают, как по-калмыцки должны передаваться действия совершенного и несовершенного видов:

бичх — написать, бичдж бääх — писать
кӱрх — достичь, кӱрч йовх — достигать
орх — войти, ордж бääх — входить
хулдх — продать, хулддж бääх — продавать.

Суть образования составных глаголов, стало быть, заключается не только в том, что „ординарные“ глаголы в сочетании с служебными глаголами приобретают новые значения, но и в том, что некоторые глаголы в качестве служебных как бы „теряют“ свое самостоятельное значение.

2. Связки

Если служебные глаголы служат лишь для образования составных глаголов, то так называемые связки употребляются либо для определения времени действия или состояния, выраженного в сказуемом, либо для выражения определенного характера состояния (бытия или становления). В качестве связок употребляются главным образом следующие глаголы: «би» (есть), «болх» (стать), «бääх» (быть), и т. д.

Недостаточный глагол «би» имеет лишь следующие формы:

би — есть, имеется
билä — связка прошедшего времени
биз — вероятно, наверное!

Эти формы в качестве связок встречаются главным образом при именных сказуемых. Форма *би* в калмыцком языке употребляется сравнительно очень редко, чаще всего — в качестве самостоятельного сказуемого. В качестве же связки форма *би* (сокращенно *в*) показывает, что данное действие или состояние имеет место в настоящее время. Особенно же эта форма употребительна в вопросительных предложениях, имеющих в себе вопросительные слова. Например:

Эн юн би? — Это что такое?
Нернчн кен би? — Как твое имя, как тебя зовут?

Форма *билә* употребляется особенно часто и имеет несколько значений, которые иллюстрйрованы в следующих примерах:

Икм ämшгтä хаалгъар нисхäсн урд урдаснь сäänäр белдлгъ кех кергтä билä — До совершения полета по такой опасной трассе необходимо было предварительно произвести хорошую подготовку.

Туулан цус долаъад оркхнь сäн болх билä — Хорошо бы попробовать заячьей крови.

Ноха кöögъäд мöргäд бääдг билä — Имел обыкновение бросаться на собак (о быке).

Вообще форма *билä* показывает, что действие или состояние, выраженное в сказуемом, имело или должно было иметь место в прошлом.

1. Если сказуемое выражено каким-нибудь именем, то эта связка регистрирует лишь прошедшее время, например:

Кергтä билä — Нужно было.
Би багш билäв — Я был учителем.

2. Если сказуемое выражено многократным причастием, то связка *билä* показывает, что данное постоянное действие или обычное состояние имело место в прошлом (а для настоящего момента является уже минувшим):

Помещикт ю кедг бйлät? — Что вы делали у помещика?

Урд эн хаалгъар улс йовдг уга билä — Раньше по этой дороге никто не ездил.

3. Если сказуемое выражено прошедшим причастием, то связка *билä* как бы передает давнопрошедшее время (аналогично русской связке *был* при страдательном залоге), например:

Депутатнр цуглрсн билä — Депутаты (уже) были в сборе.
Энд кўн суусн уга билä — Здесь (ведь никогда) люди не жили.

4. Если сказуемое выражено будущим причастием, то эта связка выражает сослагательность и как бы соответствует русской частице *бы*, например:

Туулан цус долагъад оркхнь сäн болх билä — Хорошо бы попробовать заячьей крови.

В вопросительных предложениях связка *билä* при будущем причастии выражает усиление вопросительной (логически) интонации, например:

Тиихлä та намаг ягъчх бйлät? — Что же вы тогда будете делать со мною?

Юн гидг герой болх билäв! — Ну, что я за герой! Какой из меня будет герой?

5. Если сказуемое выражено будущим причастием плюс «бääх» в форме одного из остальных причастий, то связка «билä» показывает, что действие или состояние должно было иметь место или ожидалось в прошлом;

иными словами, подобное сочетание выражает долженствование в прошлом, причем речь может идти и о действии будущего времени по отношению к настоящему времени, но известном уже до момента речи, например:

Эчг йовх бääсн билä — Отец должен был ехать.

Ӱр манъгъдур ирх бääсн билä — Товарищ должен был приехать завтра. (подразумевается: но неизвестно — приедет ли?)

Форма *биз* показывает вероятность или возможность того или иного действия и употребляется в тех случаях, когда высказывается предположение, например:

Мӧрн тенд бäänä биз — Лошадь, наверное, находится там.

Хäрӱ ӧгсн биз — Наверное, ответ дан.

Цасн зогсв биз — Снег, наверное, перестал.

Связка «болх» (стать, становиться) во всех своих спрягаемых и склоняемых формах употребляется лишь при именных сказуемых. Эта связка показывает становление состояния или наступление действия, выраженного в именном сказуемом, а также переход предмета из одного состояния в другое или его (предмета) видоизменение, превращение и т. д. Например:

Бичдг, умшдг болвч — Ты стал теперь писать и читать (буквально: пишущий и читающий стал).

Социализмин тосхач болчх — Ты будешь строителем социализма.

Тӧрскн орн-нутган харсгч — Улан цергмендболтха! — Да здравствует Красная Армия — страж нашей родины!

Белн бол! — Будь готов!

Тернь алтн загъсн болна — Та (рыбка) оказалась рыбкой золотой.

Эмгнчн хатн болх — Жена твоя царицей будет.

Негнтн эд некдг некäч болг, негтн хот кедг хääсч болг! — Пусть одна из вас ткачихой будет, другая пусть будет поварихой!

Как видно из этих примеров, связка *болх* в основном соответствует русскому глаголу *становиться* (или *быть, стать, оказаться*), употребляемому в качестве связки же.

3. Глагольные сказуемые

В качестве окончательных глагольных сказуемых выступают лишь императивные (повелительные) и изъявительные (временные) формы глаголов. Так как в разделе морфологии нашей книги значение каждой из императивных и изъявительных форм уже разъяснено, мы не будем здесь описывать синтаксические функции каждой из них. Необходимо лишь указать на некоторые общие синтаксические особенности названных форм. Мы уже упоминали выше, что императивные и изъявительные формы глаголов в предложении могут быть *только сказуемыми:* они никогда не могут быть ни определениями, ни дополнениями, ни подлежащими. Эта особенность названных форм приобретает особое значение в связи с тем, что, как известно, в калмыцком языке сказуемое всегда находится на последнем месте. Это правило неукоснительно соблюдается

и соблюдалось в прошлом, особенно тогда, когда сказуемым оказывалось какое-нибудь имя (причастие в том числе). Почему? Да потому, что синтаксическая функция имени вообще не является постоянной: очень часто таковая обусловливается лишь местом, которое занято именем в предложении, например:

1. Унтсн кӱн серв — Уснувший человек проснулся.
2. Унтсн серв — Уснувший проснулся.
3. Унтсиг серӱлв — Уснувшего разбудили.
4. Кӱн хама унтсн билә? — Где уснул человек?

В этих примерах причастие прошедшего времени от глагола *унтх* (*спать, уснуть*) выявляет свою синтаксическую функцию исключительно в связи с тем местом, которое занято им в предложении (лишь в третьем примере его объектная функция выражена морфологически): в первом примере оно является определением к слову «кӱн» (человек), во втором — подлежащим, в третьем — дополнением, а в четвертом — сказуемым со связкой *билә*.

А так как именная форма от любого слова (т. е. будет ли идти речь об имени вообще или причастии) выявляет свою синтаксическую функцию лишь благодаря своей позиции в предложении, то не безразлично, на каком месте предложения „поставить“ то или иное имя, что и показано в только что приведенных примерах.

Но поскольку изъявительные и повелительные формы глаголов в предложении могут быть только сказуемыми, то уже не обязательно ставить эти формы в конце предложения. Вот почему бывают случаи, когда изъявительная или повелительная форма в предложении иногда занимает не последнее по порядку место, например:

Ой, хәләтн цугъар, — ямаран бичкн көвӱн ганцарн уульнцар йовдж йовхинь! — Ой, смотрите все, как сам по улице идет маленький мальчик!

Экнь малд илгәв Бадмиг — Мать отправила Бадму за скотом.

В обоих этих примерах сказуемые (хәләтн — смотрите, илгәв — отправила) стоят не на последнем месте предложения, и тем не менее с смысловой точки зрения фразы от этого не пострадали.

Не следует думать, что подобного рода отступления от обычного порядка сказуемого („всегда на последнем месте предложения“) в калмыцком языке стали уже распространенными. Поскольку это касается литературного языка, эти отступления чрезвычайно редки, наоборот, в нем заметна тенденция всячески избегать „неправильной“ или, точнее, необычной расстановки сказуемого. Что же касается разговорной речи, то в ней, конечно, эти отступления чрезвычайно часты по той простой причине, что устная речь располагает (в отличие от письма) таким могучим средством, как интонационное членение фразы. Сказанное означает, что литературный язык или, точнее, письмо не может во всем следовать тому, что имеется в устной речи.

Изъявительные и императивные формы тем еще отличаются от

прочих глагольных форм (причастий и деепричастий) и имен, что они в качестве сказуемого никогда не сопровождаются связками. Так, например, *нельзя* сказать «йовна бäänä» в значении „идет“, «йовв бäänä» — „шел“, и т. д. С другой стороны, изъявительные формы, как и всякое сказуемое, выраженное любым словом, в первом и втором лицах сопровождаются лично-сказуемостными частицами, например:

1-е лицо:

Би зург зурджанав — Я рисую.
Би öцклдӱр асхн гертäн суувв — Я вчера вечером сидел дома.
Школдан öрӱгъäр очнавдн — В школу ходим утром.
Асхар арвн цасла тарввдн — Вечером разошлись в десять часов.

2-е лицо:

Чи эндр ирвч — Ты пришел сегодня.
Чи тиигхд бичг бичлäч — Ты тогда написал письмо.
Та дегтр умшджанат — Вы читаете книгу.
Мини келсäр болджанат — Вы поступаете так, как я говорю.

Сказуемые 3-го лица, как известно, личного показателя не имеют, например:

Тракторар комбайниг чирнä — Трактором приводят в движение комбайн.

Комбайн зогсл уга кödлмшäн кенä — Комбайн работает безостановочно.

Балгъснд одсн даругъан нислгънä школд орв — По прибытии в город поступил (или поступили) в летную школу.

Из изложенного видно, что при первом и втором лицах подлежащее, выраженное местоимениями указанных лиц, без ущерба для смысловой стороны может быть опущено, поскольку показатель лица выражен в самом сказуемом. Не то со сказуемым третьего лица. Если в послед нем случае подлежащее опущено, то обычно это бывает в связи с тем, что субъект действия или состояния указан в соседнем предложении например:

Мана ах балгъс орв. — Кенлä орв? — Наш брат поехал в город. — С кем поехал?

Во втором из этих предложений подлежащее опущено, так как оно уже показано в первом предложении («ах» — брат).

Независимо от этого, отсутствие подлежащего при третьем лице сказуемого, выраженного изъявительной формой настоящего времени, показывает, что под субъектами действия разумеются люди вообще, например:

Тракторар комбайниг чирнä — Трактором приводят в движение комбайн (подразумевается: люди).

Бöс фабрикт некнä — Бязь ткут на фабрике (подразумевается: люди).

Перейдем к изложению деепричастных сказуемых. Из деепричастий в качестве сказуемых могут употребляться соединительное и раздели-

тельное, а иногда и слитное. Особенность этих деепричастий состоит, однако, в том, что они могут быть сказуемыми лишь в сочетании со связками, а вне такого сочетания они могут быть лишь первыми сказуемыми в слитном предложении.

Соединительное деепричастие, употребляемое преимущественно со связкой «бä» (быть), в современном калмыцком языке окончательно срослось с ней, как и в западных говорах бурят-монгольского языка или в дархатском говоре. Сращение соединительного деепричастия с глаголом *бä* выразилось в том, что из последнего выпал согласный *б*, а гласная *ä* оказалась просто-напросто присоединенной к названной деепричастной форме:

«суудж бääнä» (сидит, буквально — сидя есть) дало «сууджана», причем это не образовало нового понятия или даже оттенка. И в современном калмыцком языке формы «суудж бääнä» и «сууджана» представляют собою совершенно параллельные в смысловом отношении формы, из коих первая является не то, что более архаичной, но как бы становящейся таковой (архаичной).

Первоначально, конечно, деепричастие по отношению к „нынешней“ связке играло роль глагольного определения (обстоятельства образа действия). Например: «суудж бääнä» — „сидит или садится“ значило „сидя или садясь есть“, т. е. значило, что некто находится в сидячем положении. Деепричастие перед глаголом *бääнä* перестало быть глагольным определением, когда глагол *бääнä* потерял свое основное значение, превратившись в определенных синтаксических положениях в простую связку бытия вообще. Заметим кстати, что глагол *бääх* собственно значит столько же „стоять“, сколько и „быть“ или „находиться“. Вот почему этот глагол сращивается как бы с самим собою: форма соединительного деепричастия этого глагола (бääдж) соединяется с его (глагола) основой, а именно: «бääдж» + «бääх» = «бääджäх» — „находиться“ или „стоять“.

Примеры:

Бат газет умшдж бääнä (= умшджана) — Бата читает газету.
Церн бичдж бääнä (= бичджänä) — Церен пишет письмо.
Сандж гертän бääдж бääлä (= бääджälä) — Санджи находился дома.

Во всех этих примерах мы имеем (умшдж бääнä, бичдж бääнä и бäдж бääлä) деепричастные сказуемые, сопровождаемые связкой от основы «бä»; поскольку последняя выступает в качестве связки, то мы здесь имеем дело с составным сказуемым, а не с составным глаголом (что дано в скобках). Здесь, однако, мы встречаемся с весьма сложным явлением, которое лучше рассмотреть при помощи следующего примера:

Кермн медджäх бääнä — Кермен будет знать (или: является знающей, знатоком).

В этом примере глагол *медджäх* является составным, состоящим из *меддж* (соединительное деепричастие от глагола «мед» — знать) + *äх* (усеченная форма от будущего причастия глагола «бääх»). Этот глагол

вместе со связкой *бäänä* и является составным сказуемым. Из изложенного видно, что в современном калмыцком языке соединительное деепричастие при служебном глаголе «бä» (точнее говоря — вместе с ним) как бы образует новую глагольную форму или, точнее, категорию, а именно — несовершенный вид. Таким образом, соединительное деепричастие уже *на совершенно другой основе* как бы возвращается к своему исходному положению, когда оно в предложении не являлось сказуемым, а было лишь глагольным определением (обстоятельством образа действия) к другому глаголу.

Разделительное деепричастие с синтаксической точки зрения от соединительного деепричастия отличается двумя признаками, а именно: а) оно никогда не сращивается со служебным глаголом или со связкой *бä*, так, например, если сочетание «суудж бäänä» может образовать «сууджана», то «суугъад бäänä» никоим образом не дает что-нибудь вроде «суугъадäнä»; б) оно (разделительное деепричастие) может употребляться с отрицанием *уга* — не, которое абсолютно недопустимо при соединительном деепричастии. Повидимому, последнее обстоятельство объясняется тем, что отрицание *уга* стало употребляться без связки *бäänä* — есть, а также тем, что, во-первых, разделительное деепричастие выражает действие или состояние, являющееся по отношению к данному времени уже минувшим, а во-вторых, это „данное время“ выражено в самом отрицании *уга*, при котором опущена связка настоящего времени *бäänä*. В самом деле, выражение «йовад уга» — „не ушел“ несомненно означает „ушедши не есть“ — «йовад уга бäänä», но не „ушел, а (теперь) его (здесь) нет“.

Примеры:

Дордж Элстäс ирäд уга — Дорджи из Элисты еще не приехал.
Бат доклад кегъäд уга — Бата доклада не сделал.
Мöриг сарад орулад уга — Лошадь в сарай не загнали.
Ухан медрлм кӱрч öгл уга кӱчрдäд бäänäв — Нахожусь в затруднении, так как этого понять не могу.
Äмтнä дун сонъсгдад бääв — Слышались голоса людей.
Хäлäтн! гилдäд шууглдат бäänä — Шумно кричат: Смотрите!
Газа кӱн ирäд бäänä — Во двор кто-то пришел.

Все приведенные примеры показывают, что разделительное деепричастие может быть сказуемым лишь со связкой *бäänä* (*бääв* и т. д.) или с отрицанием *уга*, вместе с которыми оно и образует составное сказуемое. Переходя же к значению этого деепричастия (со стороны времени), мы замечаем, что оно (деепричастие) с отрицанием *уга* или со связкой *бääв* всегда соответствует в переводе на русский язык изъявительному наклонению прошедшего времени, а со связкой *бäänä* — изъявительному наклонению то прошедшего времени, то — настоящего. Следовательно, время разделительного деепричастия при связке настоящего времени *бäänä*, оказываясь иногда прошедшим, зависит очень часто от контекста речи.

То обстоятельство, что в калмыцком языке разделительное деепричастие употребляется со связкой *юга*, привело к тому, что в этом языке так называемое несовершенное причастие со связкой *юга* имеет безусловно значение прошедшего времени, тогда как в халха-монгольском языке это причастие передает настоящее время. Характерно, между прочим, и то, что в калмыцком языке разделительное деепричастие с отрицанием *юга* может выступать в качестве определения к имени аналогично причастию, например:

Малдан хот белдäд уга колхоз уга — Нет колхоза, который не приготовил бы для своего скота корм.

4. Именные сказуемые

В качестве сказуемых могут выступать как собственно имена, так и причастия. Как правило, все именные сказуемые чаще всего сопровождаются связками или лично-сказуемостными частицами. Роль связок «бääх» — „быть“ и «болх» — „стать“ такова же, как роль связок „быть“ и „стать“ в русском языке (см. выше).

Именные сказуемые в калмыцком языке не всегда обязательно даются в форме именительного падежа. Имена почти во всех падежах могут рассматриваться как сказуемые лишь в определенных положениях. Для определения того случая, когда имя (или то или иное слово вообще) является сказуемым, необходимо произвести как бы эксперимент, а именно: предложение построить так, чтобы его подлежащее оказалось местоимением 1-го или 2-го лица обоих чисел; тогда искомое сказуемое, чем бы оно ни было выражено, окажется сопровождаемым лично-сказуемостным показателем (частицей *в, ч, тн, вдн*). Например:

Би эндв — Я здесь. Бидн школдвдн — Мы в школе.
Чи гертч — Ты дома. Та мана зерглäндтн — Вы в наших рядах.

Иными словами, в калмыцком языке сказуемым того или иного предложения должен быть признан тот из членов последнего, который может быть сопровождаем лично-сказуемостной частицей, будучи отнесен к подлежащему 1-го или 2-го лица.

Изучая предложения, в которых сказуемым оказывается какое-нибудь имя и не в именительном падеже, мы устанавливаем, что лично-сказуемостные частицы *в* (для первого лица единственного числа), *вдн* (то же для множественного числа), *ч* (для второго лица единственного числа), *тн* или *т* (то же для множественного числа) абсолютно эквивалентны по своему значению только связке — глаголу «бäänä» — „есть или суть“. Иными словами, местоимения 1-го и 2-го лица обоих чисел чем в сущности и являются лично-сказуемостные частицы, в предложении как бы заменяют глагол *бäänä*. Следовательно, лично-сказуемостные частицы при именном сказуемом употребляются только тогда, когда как бы опущен глагол-связка *бäänä*. Эти частицы другие глаголы заменить не могут, хотя и употребляются при них (глаголах). В самом деле, на вопрос «хамагьас йовдж йовнач?» — „откуда идешь?“ нельзя отве-

чать «школасв» — „из школы (+я)," а нужно ответить просто «школас» (только в некоторых говорах бурят-монгольского языка иногда можно сказать «школаһааб»).

Именное сказуемое в косвенном падеже с опущенным *бäänä* употребляется преимущественно, конечно, в диалоге. В связи с этим возникает весьма любопытный вопрос: не является ли лично-сказуемостная частица в таких случаях как бы заместителем сказуемого, выраженного глаголом *бäänä*, а вещественная часть того, что нами названо именным сказуемым в косвенном падеже, просто-напросто дополнением (или обстоятельством)? Для ответа на этот вопрос рассмотрим примеры:

Би эндв — Би энд бäänäв — Я здесь.
Чи гертч — Чи герт бäänäч — Ты в юрте.

Сопоставление этих примеров убеждает нас в том, что на поставленный выше вопрос необходимо ответить утвердительно: в приведенных примерах слова «энд» — „здесь" и «герт» — „в юрте" не являются конечно, именными сказуемыми, они суть дополнения (или, по русской грамматике, обстоятельства места), сказуемыми же являются глаголы «бäänäв» — „я нахожусь или есть (здесь)" и «бäänäч» — „ты находишься (в юрте)". Отвечая на поставленный выше вопрос утвердительно, мы тем не менее вынуждены отметить, что наш утвердительный ответ лишь иллюстрирует историю того, как и каким образом в современном калмыцком языке слова и формы типа *эндв*, *гертч* и т. д. стали сказуемыми, хотя со смысловой стороны разница между «эндв» и «энд бäänäв» отсутствует.

5. Причастные сказуемые

Как уже говорилось, причастия, в отличие от всех остальных глагольных форм, могут выступать в качестве любого члена предложения, так как они являются отглагольными именами, несущими функции выразителей действия того или иного времени. Здесь мы рассмотрим лишь сказуемостную функцию калмыцкого причастия, служащего в данном случае средством перевода с русского языка глагольных сказуемых, другими словами, мы рассмотрим здесь калмыцкое причастие в функции сказуемого, соответствующего русскому изъявительному наклонению.

Благодаря тому, что в калмыцком языке особенно часто используются изъявительные формы (типа *суула*, *суув* и *суудж*, т. е. трех форм для прошедшего времени — см. подробно в разделе морфологии), несовершенное (типа *суугъа*) и прошедшее (типа *суусн*) причастия в качестве сказуемого употребляются сравнительно очень редко, причем прошедшее причастие сравнительно чаще, но преимущественно с отрицанием *уга*, например:

Эн дегтриг Мацг умшсн уга — Эту книгу Мацаг не прочитал.
Долан ирсиг Бодня медсн уга — О прибытии Долана Бодня не знал.
Эрднь балгъс орсн уга — Эрдени в город не поехал.

Естественно напрашивается вопрос, чем же отличается прошедшее причастие в качестве сказуемого от изъявительных форм прошедшего времени типа *суула* или *суудж*? Различие между ними очевидно заключается в том, что при помощи прошедшего причастия (как и при помощи прочих причастий, кроме будущего) говорящий обращает внимание слушающего не столько на то, что то или иное лицо не совершило данное конкретное действие, сколько на характеристику данного лица. Этот незначительный оттенок прошедшего причастия, употребляемого в качестве сказуемого, в переводе на русский язык может быть частично передан в несколько тяжелом виде и при этом не совсем точно, например (приводим те же примеры):

Эн дегтриг Мацг умшсн уга — Мацаг есть такой (человек), который не прочитал данную книгу.

Долан ирсиг Бодня медсн уга — Бодня есть такой (человек), который не узнал о прибытии Долана.

Эрднь балгъс орсн уга — Эрдени есть такой (человек), который не поехал в город.

Но фактически в живой речи и этот незначительный оттенок уловить чрезвычайно трудно.

Так называемое многократное причастие выражает не какое-нибудь единичное или конкретное действие, а такое, которое присуще или свойственно тому или иному предмету в силу природы последнего или вследствие каких-либо условий и обстоятельств. С этой точки зрения многократное причастие частично совпадает по своему употреблению с изъявительной формой расширенного настоящего времени, но отличается от последней тем, что его действие или состояние (т. е. признак, выражаемый им) может быть локализовано как в прошлом, так и в будущем, что указывается связкой. В русском языке этому причастию соответствуют:

1. так называемое расширенное настоящее время,
2. многократные глаголы в любой форме,
3. все глаголы в сочетании с учащательными словами типа „обычно часто, обыкновенно“ и
4. причастие настоящего времени, выражающее обычное или постоянное действие (в определительной функции).

Разумеется, русские глаголы, соответствуя калмыцкому многократному причастию, во всех формах должны быть несовершенного вида.

Примеры:

Сочинень бичхдән йир сәәәнәр бичдг — (Он обычно) очень хорошо пишет сочинение.

Туудж, географд дурлдж дасдг билә — С любовью занимался историей и географией.

Ноха угад, гаха хуцдг — Когда нет собаки, залает и свинья.

Арв дакдж арвн зун болдг — Десять раз десять — сто.

Как видно из приведенных примеров, многократное причастие — форма вневременная; его время определяется связкой *бәәнә* (почти

всегда опускается) — для настоящего времени, *билä* — для прошедшего времени, *болх* — для будущего времени.

Многократное причастие в сочетании с глаголом «болх» (стать) соответствует русскому неопределенному наклонению, сопровождаемому или, точнее, управляемому глаголами „стать, начать“, например:

Нарт эрт гардг болв — Солнце начало восходить рано.
Мана көвүн умшдг болв — Наш мальчик научился читать.

Так называемое будущее причастие выражает, во-первых, действие или состояние будущего времени и, во-вторых, процесс или действие вообще, не локализованное во времени, соответствуя в этом случае русским отглагольным именам существительным. Значение этого причастия сильно меняется в зависимости от связок, управляющих глаголов и т. д. Ниже мы указываем лишь главные случаи употребления будущего причастия.

В сочетании со связкой *билä* это причастие выражает условную возможность или, точнее, сослагательность, которая в русском языке передается сочетанием глаголов с частицей „бы“. Например:

Би поэт болхнь бичх билäв — Я бы написал, если бы стал поэтом.
Ээджäн үзсн болхнь эркләд суух билäв — Если бы бабушку свою увидел, то я бы к ней приласкался.

В сочетании с глаголом *болх* будущее причастие выражает действие, совершение которого до некоего момента представлялось неизвестным или даже невозможным; иначе говоря, это причастие выражает становление или возникновение условий (новых обстоятельств, повелений, возможностей и т. д.) будущего действия. Иногда же данное сочетание передает наступление или приближение момента какого-либо действия. Например:

Нарн гарх болв — Скоро взойдет солнце.
Энд тäрäн ургъх болв — Здесь (отныне) будет расти хлеб (буквально: здесь стало таково, что может расти хлеб).

Это же причастие со связкой *бäänä*, опускаемой почти всегда, выражает действие, будущее совершение которого представлялось или представляется более или менее определенным и, отчасти, как бы заранее известным. Иными словами, данное сочетание представляет собою форму простого констатирования того действия, которое должно было или должно совершиться, что определяется временной формой самой связки. Например:

Би өрүгъäр босхв — Я встану утром.
Школдан нääмн часла одхв — В школу пойду в восемь часов.
Урдж өдр ирх бääсн билä — Должен был приехать позавчера.

Будущее причастие в сочетании с глаголом «гих» (говорить) показывает, что предмет предполагал или предполагает совершить какое-либо действие, а когда речь идет о „неодушевленном“ предмете — показывает признаки будущего действия. Например:

Мана багъчуд школдан йовх гиджäнä — Наши дети собираются идти в школу.

Хур орх гиджана — Будет дождь (при наличии признаков наступающего дождя).

6. Собственноименные сказуемые

Собственноименные или, как мы их кратко будем называть, именные сказуемые выражают тот класс предметов, качеств и т. п., т. е. то общее, к которому предмет, выраженный в подлежащем, относится как единичное. Как уже говорилось выше, в калмыцком языке именные сказуемые не обязательно должны представлять собою имена только в именительном падеже: по форме именное сказуемое может представлять собою имя в *любом* падеже, способное в данном предложении и данной позиции воспринимать лично-сказуемостные показатели (частицы), при условии, конечно, когда подлежащим является местоимение первого или второго лица обоих чисел. В русском языке калмыцким именным сказуемым соответствуют все имена в именительном или творительном падежах, наречия, причастия и т. д., выступающие в качестве сказуемых же. Говоря о русско-калмыцких сказуемостно-именных соответствиях, следует особо отметить то обстоятельство, что в калмыцком предложении-суждении именное сказуемое никогда не встречается в орудном (творительном) падеже, что мы имеем в русском языке при связках „быть“ „являться“, „становиться“, например:

Мана көвүн багш болв — Наш сын стал (сделался) учителем.

Тенд би бригадир бääсн билäв — Там я был бригадиром.

Сургъулян сäänäр сурч, социализмин тосхач болхч — Хорошо окончив учебу, будешь строителем социализма.

Связка настоящего времени *бäänä* — „есть, является“ опускается почти всегда, например:

Сталинск Конституций — советин орна гол закан — Сталинская Конституция — основной закон Страны советов.

Үр Ворошилов — Улан Цергин вождь! — Товарищ Ворошилов — вождь Красной Армии.

Сталин — мана байр! — Сталин — наша радость!

Знак тире (—) в калмыцком письме после подлежащего вовсе не является графическим „заместителем“ опускаемой связки *бäänä* — „есть“, как это мы имеем в русском письме: тире после подлежащего в калмыцком письме обозначает лишь паузу (опускаемая связка *бäänä* должна, вообще говоря, находиться всегда после сказуемого).

Равным образом связка *бäänä* опускается и тогда, когда сказуемым оказывается какое-либо качественное имя или предметное имя в совместном падеже, например:

Эн мөрн хурдн — Эта лошадь быстра.

Эндр йир халун — Сегодня очень жарко.

Ик бичкн уга цугъар сургъульта болх зöвтä — Все, млад и стар, должны быть грамотны.

Долан цанта — Долан имеет сани.

Ферм хол биш — Ферма недалека.

Дöрвн кўн нег махлата — Четверо имеют одну шапку (загадка о столе).

Некоторые из приведенных примеров позволяют установить, что иногда калмыцкие именные сказуемые соответствуют глагольным сказуемым русского языка с их дополнениями, а именно: именное сказуемое в совместном падеже соответствует русскому обороту, состоящему из глагола „иметь“ с дополнением в винительном падеже, например:

Эн кўн сäн мöртä — Этот человек имеет хорошую лошадь (или у этого человека хорошая лошадь).

Мана колхоз гурвн трактортa — Наш колхоз имеет три трактора (или: В нашем колхозе три трактора).

В калмыцком языке отсутствует глагольный же эквивалент глагола „иметь“. Поэтому русский глагол „иметь“ со своим дополнением переводится на калмыцкий язык соответствующим именем в совместном падеже, чем последний и отличается от так называемого соединительного падежа (с окончанием *ла — лä*), например:

Я имею шапку — Би махлатав.

Ты имел шапку — Чи махлата билäч.

Как видно из последнего примера, русский глагол „иметь“ в форме прошедшего времени требует, при переводе его на калмыцкий язык, связки прошедшего времени *билä* — „был“: «чи махлата билäч» — буквально, „ты был с шапкой“.

Выше мы приводили лишь такие примеры, в которых сказуемыми являются имена в именительном или совместном падежах.

Рассмотрим теперь случаи, когда сказуемыми являются имена в других падежах. Наиболее распространенным „сказуемостным“ падежом является также дательно-местный падеж. Как выше уже говорилось неоднократно, имя в этом падеже может „считаться“ сказуемым в том лишь случае, когда оно „способно“ воспринимать лично-сказуемостные частицы местоименного происхождения. Для этого необходимо, чтобы подлежащим могло оказаться местоимение первого или второго лица обоих чисел. Это вовсе не означает, что имена в дательно-местном или другом падеже только тогда являются сказуемыми, когда подлежащим оказывается личное местоимение; речь идет о том, что для определения сказуемостного положения того или иного имени необходимо подлежащее как бы заменить местоимением первого или второго лица, в связи с чем соответствующее имя, если оно является сказуемым, принимает какую-нибудь лично-сказуемостную частицу.

К именам в дательно-местном падеже должны быть отнесены и те наречия, которые представляют собою имена, „законсервировавшиеся“ (т. е. преимущественно употребляющиеся) в дательно-местном падеже:

Мана гер энд — Наш дом здесь. Би гертв — Я в юрте.
Тана дӳ тенд — Ваш брат там. Бидн газавдн — Мы во дворе.

Эти сказуемостные имена не перестают быть таковыми (сказуемыми) тогда, когда наличествуют связки *бäänä* — „есть", „находиться", например, в предложении —

Мана гер энд бäänä — Наша юрта находится здесь

— мы не находим составное сказуемое *энд бäänä*, в котором *энд* не есть дополнение, а *бäänä* — сказуемое.

Из изложенного выше совершенно не вытекает, что в калмыцком языке сказуемым является любое последнее слово в предложении, — имя или наречие, — при отсутствии глагола. *Сказуемым*, повторяем, *является* в этих случаях то имя или то наречие, которое ***способно воспринять лично-сказуемостную частицу***. Поэтому, например, оказывается, что имя в винительном падеже никогда не может быть сказуемым, поскольку оно, во-первых, никогда не воспринимает лично-сказуемостную частицу, и, во-вторых, требует после себя переходного глагола, отсутствие которого „образует" неполное предложение. Например, в неполном предложении — «би малиг...» — я скотину... — слово «малиг» (скотину) никоим образом нельзя считать сказуемым, ибо оно не может воспринимать частицу *в* (т. е. нельзя сказать: малигв).

Мы видели, что сказуемые, оформленные в калмыцком языке качественными именами (к которым мы относим и предметные имена в совместном падеже, а также и количественные), служат для сообщения о том, что предмет, выраженный в подлежащем, чем-либо обладает. Качество данного предмета в том и состоит, что он чем-то обладает, например, определенным цветом, весом, тем или иным нравом, настроением, материальными вещами и т. д. Качество данного предмета может заключаться и в том, что он состоит из какого-нибудь другого предмета, что он обладает той или иной величиною или расположен в определенном месте. Из изложенного становится ясным, что если объектом обладания является какой-нибудь конкретный предмет, то данное сказуемое выражается предметным именем в совместном падеже, например:

Мана колхоз гурвн трактортa — Наш колхоз имеет три трактора.
Би сäн дегтртäв — У меня хорошая книга.

Совершенно очевидно также и то, что если тем же объектом обладания является какое-нибудь качество, то данное сказуемое должно быть выражено качественным именем в именительном падеже, например:

Тер газр эндäс хол — До того места отсюда далеко (буквально: То место отсюда далекое есть).
Эн хад öндр — Эта скала высока.

Но так как обладание чем-либо уже есть качество (состояние), то предметные имена в совместном падеже мы относим к качественным именам, а это в свою очередь означает, что нет ничего неправильного в изъятии из системы склонения так называемого совместного падежа.

Стало быть, окончание *та, тä* является, по сути дела, не только падежным окончанием, но и словообразовательным суффиксом. В отношении калмыцкого языка это окончание продолжает называться только окончанием падежа исключительно по традиции, а также по соображениям сравнительно-исторического характера (в бурят-монгольском и халха-монгольском языках это окончание действительно является падежным окончанием, соответствующим калмыцкому соединительному падежу с окончанием *ла, лä*). Сохранение этого окончания только в системе падежных окончаний целесообразно лишь с точки зрения методики; с точки же зрения лингвистики оно нецелесообразно, поскольку это окончание должно изучаться в школе также и в разделе лексикологии (словообразования).

В сказуемом может быть выражено не только то, чем обладает предмет (подлежащее), но и то, что этот предмет обладаем другим предметом. Следовательно, в предметном сказуемом выражается: 1) предмет, к которому другой предмет, выраженный в подлежащем, относится как единичное к общему, 2) обладаемый предмет и 3) обладающий предмет.

Сказуемое, выражающее обладающий предмет, называем *притяжательным*.

Притяжательное сказуемое выражается именем в родительном падеже, например:

Эн махла мини — Эта шапка моя.
Тер гер мана биш — Та юрта не наша.
Тер ферма мана колхозин — Та ферма принадлежит нашему колхозу.

7. Слитные сказуемые

В калмыцком языке слитное предложение (речь пока идет лишь о многосказуемостном предложении) имеет некоторые особенности, сводимые в основном к следующему:

1. Если несколько процессных сказуемых выражают действия одного и того же времени, то все они оформляются чаще всего соединительным или разделительным деепричастиями; что же касается выражения времени, то последнее указывается в соответствующей временно́й форме последнего из сказуемых или связки. Иногда же все эти сказуемые могут быть выражены глаголами в изъявительной форме.

2. Если несколько процессных сказуемых выражают действия разных времен, то они оформляются так же, как и предыдущие, а определенная последовательность действий во времени либо улавливается по логике вещей, либо выражается времяуказующими дополнениями (вроде: манъгъдур — завтра, öцглдӱр — вчера, öрӱнä — утром, хавртан — весною и т. д.) или разделительным деепричастием. Рассмотрим все эти случаи по отдельности.

Если в предложении несколько сказуемых оформлены деепричастиями первой группы (см. об этом в разделе „Морфология“) и если при этом

каждое из сказуемых не сопровождается временны́ми дополнениями, то все они выражают действия одного и того же времени. Что же касается времени, то оно должно быть указано либо в связке, либо последнее из сказуемых должно представлять собою глагол во временно́й форме (причастной или чаще всего изъявительной). Иначе говоря, время связки или последнего из сказуемых распространяется (при отсутствии времяуказующих дополнений) на все предыдущие „безвременные“ сказуемые, например:

Нег арслнъ көгшрәд, анъ бәрдж менъдг аргнь тасрад, ик нүкндән орад, худлар гемтсн болад кевтв — Один лев состарившись потерял способность ловить зверей и, забравшись в свою нору, притворился больным.

Намрар аю сад орад, модн дор нүк малтла — Медведь как-то осенью забрался в сад и под деревом выкопал себе яму.

Аю өөрддж ирәд, кевтсн күүг үнршләд бәәв — Медведь приблизился к лежавшему человеку и стал его обнюхивать.

В этих предложениях при глаголах-сказуемых нет времяуказующих дополнений, поэтому все первые сказуемые, выраженные деепричастиями, в отношении своего времени зависят от последнего в каждом предложении сказуемого или связки (бәәв).

В слитном предложении калмыцкого языка, сказуемые которого выражены деепричастиями, не трудно усмотреть резкое отличие по синтаксическим функциям калмыцких деепричастий от русских деепричастий, о чем речь шла в разделе „Морфология“ нашей книги. Как известно, в русском языке деепричастия выражают „побочные“ или обстоятельственные действия. А в калмыцком языке, как мы видим, побочные действия формально не отличаются от главных действий: различие между ними ощущается лишь логически, по смыслу. Так например, предложение: «Би герт орад цәәгъән уувв» — может быть переведено двояко: 1) Я, зайдя в дом, выпил чаю и 2) Я зашел в дом и выпил чаю.

В этом предложении оборот *герт орад* переведен двояко, и трудно сказать, какой из переводов более правилен. Очевидно, в некоторых случаях выбор того или иного перевода (или варианта перевода) определяется исключительно стилистическим (следовательно, субъективным) подходом отдельного переводчика. С другой стороны, перевод на калмыцкий язык с русского языка многосказуемостного предложения не будет ничем отличаться от перевода односказуемостного предложения, имеющего деепричастный оборот, например:

1) Я пришел домой и прочитал книгу.

2) Я прочитал книгу, придя домой.

По-калмыцки эти предложения будут иметь один вариант:

Би гертән ирәд дегтрән умшвв.

Однако при этом в калмыцком языке соблюдается следующее правило: деепричастие, выражающее „побочное“ действие и только в этой своей функции совпадающее с русским деепричастием, должно обяза-

тельно стоять впереди того глагола, действие которого оно определяет; наоборот, в русском языке деепричастный оборот может стоять (и чаще всего стоит) после определяемого глагола („я читаю книгу, *усевшись на диване*“ — «би *диван деер суугъад* дегтр умшджанав»).

Если, однако, деепричастные сказуемые слитного предложения имеют свои временны́е дополнения, то они в отношении своего времени совершенно независимы от последнего, заключительного сказуемого или связки, например:

Мана багш өцглдүр Сталинградас ирәд, ода энд хургт сууна — Наш учитель вчера приехал из Сталинграда, а теперь сидит здесь на собрании (буквально: Наш учитель, вчера приехавши из Сталинграда, теперь здесь на собрании сидит).

Эн көвүн хаврар Москвагъас ирәд, намртан дакад йовна — Этот мальчик приехал весною из Москвы, а осенью поедет опять (туда же).

При помощи разделительного деепричастия, как мы видим, выражается действие, которое в отношении своей последовательности во времени предшествует другому действию, выраженному в последующем глагольном сказуемом. Но оно (разделительное деепричастие) в отношении своего времени, при отсутствии времяуказывающего дополнения, все же зависит от последующего сказуемого. Иными словами, несколько разделительных деепричастий при одном подлежащем, относясь по отношению к моменту речи к одному и тому же времени, выражают действия, протекающие не одновременно, а в определенной последовательности, что определяется как логикой вещей, так и порядком, в каком глаголы в форме разделительного деепричастия употреблены в речи. Стало быть, разделительное деепричастие тем отличается от „изъявительной“ категории прошедшего времени, что оно выражает не время по отношению к моменту речи, а градацию во времени, последовательность ряда действий в пределах одного и того же времени. А это, как известно, в русском языке выражается либо путем таких слов, как „сначала“, „затем“, „потом“, либо определяется логикой вещей, например:

Отец *сначала* поймал коня, а *потом* отправился в деревню. Соответствующие калмыцкие слова («хөөннь»—„после“, «өмн» — „сначала, перед“) употребляются преимущественно в начале предложения, поскольку разделительное деепричастие само по себе выражает определенную последовательность действий во времени, например:

Эцг мөрән бәрәд, селәнд йовв — Отец поймал коня, (а потом) отправился в село.

Изредка встречаются такие слитные предложения, в которых все сказуемые выражаются изъявительными или причастными формами. В таких случаях лично-сказуемостные частицы воспринимаются каждым из сказуемых, например:

Бидн школдан умшнавдн, бичнәвдн, зург зурнавдн — Мы в школе читаем, пишем и рисуем.

Комбайн хадна, цокна, киискнә — Комбайн жнет, молотит и веет.

Бадм ирв, тегäд школур одцхав — Бадма пришел, а потом пошел в школу.

Би балгъснас хаврт ирдв, намрт дакад балгъс ордв — Я весною приезжаю из города, а осенью опять уезжаю туда же.

Если же в слитном предложении сказуемыми являются имена или наречия, то связка употребляется лишь при последнем из сказуемых, а лично-сказуемостная частица при отсутствии связки принимается чаще всего каждым из сказуемых, например:

Би эндв тендв — Я и тут и там!

Мана көвүн колхозин бригадир, парторг болн селäнä советин член болдж бäänä — Наш сын является бригадиром в колхозе, парторгом и членом сельского совета.

Мана колхоз долан фермтä, хойр трактортa — Наш колхоз имеет семь ферм и два трактора.

8. Сказуемые сочиненного предложения

В калмыцком языке сочиненное предложение по форме ничем не отличается от слитного предложения, если иметь в виду лишь оформление сказуемых: оно, сочиненное предложение, только тем и отличается от слитного предложения, что в нем каждое из сказуемых имеет свое особое подлежащее. При этом все же приходится отметить следующие правила и явления:

1. Если подлежащими сочиненного предложения являются разные местоимения второго лица обоих чисел, то лично-сказуемостная частица соответственно принимается каждым из сказуемых, например:

Чи эндч, би тендв — Ты здесь, а я там.

Бидн гархвдн, та суухтн — Мы выйдем, а вы останетесь.

В остальных случаях, как уже говорилось выше, лично-сказуемостные частицы не употребляются, например:

Дордж умшв, түүнä хөөн Долан бичв — Дорджи начал читать, а Долан за ним — писать.

Бийнь бичкн, дунь ик — Сам мал, а голос громкий.

2. Характерной особенностью калмыцкого языка является то, что в нем сказуемым сочиненного предложения чаще всего является разделительное (реже — соединительное) деепричастие, например:

Хавр болад, цасн хääлв — Весна настала, и снега растаяли (буквально: Весна наставши, снега растаяли)

Өдр ут болдж дуларад, хаврин хар салькн үвлин цасиг үлäдж хäälүлнä — Дни становятся длинными и теплыми, весенние ветры сдувают зимний снег (буквально: Дни ставши длинными и теплыми, весенние ветры...)

Ик көвүнь балгъс орад, багънь гертäн бääв — Старший сын уехал в город, а младший остался дома (буквально: Старший сын уехавши в город, младший...)

Хойр сар болад, би герӱрн хӓрнӓ — Через два месяца я поеду домой (буквально: Два месяца наставши, я поеду домой).

Из приведенных примеров легко видеть, что сочиненные предложения с разделительным деепричастием в качестве первого сказуемого образуются из двух или более предложений тогда, когда между последними существует определенная смысловая связь или логическое подчинение одного предложения другому. Так, например, предложение «хавр болад, цасн хӓӓлнӓ» — „весна наступает, и снега тают“ по смыслу переводимо и иначе: „когда наступает весна, тают снега“. И, действительно, очень часто в подобного рода предложениях вместо разделительного деепричастия употребляется условное деепричастие, например: «хавр болхла цасн хӓӓлнӓ» — „когда наступает весна, тают снега“. Иными словами, в подобного рода сочиненных предложениях калмыцкого языка имеет место „неоформленное“ подчинение одного предложения другому, т. е. паратаксическое подчинение, улавливаемое лишь логически.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее выражает предмет, о котором идет речь в данном предложении или, точнее, которому приписывается то, что выражено в сказуемом. Таким образом подлежащим может быть слово, выражающее любое явление или предмет: материальное (физическое) тело или его свойство и качество, процесс или действие, количество чего-либо и т. д. Следовательно, подлежащим может быть любое имя (предметное, качественное, числительное и местоимение) или причастие, даваемое в предложении в именительном падеже, а в определенных случаях (в составе развернутого члена предложения — причастного или деепричастного оборота) и в родительном или винительном падежах.

Мы видели выше, что некоторые имена (главным образом — качественные), а также причастия в определенных формах и позициях употребляются преимущественно в качестве определений и сказуемых. Мы видели далее, что дополнения очень часто оформляются любым именем в форме основы. Ясно поэтому, что имена, употребляясь в качестве подлежащего, должны иметь особый показатель, чтобы была устранена возможность смешения подлежащего с дополнением, определением или сказуемым. В качестве таких показателей подлежащего употребляются слово *болхла* (условное деепричастие от глагола «бол» — стать, быть), частицы (лично-притяжательные) *нь, мн, чн, тн, мдн* и пауза, отмечаемая в письме знаком тире, а также числительные «хойр» — два и «гурвн» — три, употребляемые при слитных подлежащих.

Слово *болхла* употребляется в качестве показателя подлежащего в тех случаях, когда предмет, выражаемый подлежащим, не представляется принадлежащим другому предмету и когда на подлежащем делается особое логическое ударение, например:

Би болхла болгъс орджанав — Я еду в город (буквально: Что касается меня, то я еду в город).

Кермн болхла манла йовна — Кермен идет вместе с нами.

Бидн болхла ахиндан орхвдн — Что касается нас, то мы зайдем к брату.

Нужно заметить, что слово *болхла* в определенных положениях может оказаться не показателем подлежащего, а выступать в качестве деепричастия, т. е. быть в предложении тем, чем оно является по своей морфологической природе. Это происходит в тех случаях, когда это слово употребляется в качестве связки к именному сказуемому, например:

Манъгъдур дулан болхла би балгъс орхв — Если завтра будет тепло, я поеду в город.

Хавр болхла би гертän ирхв. — Весною я вернусь домой.

Лично-притяжательные частицы употребляются в качестве показателя подлежащего в тех случаях, когда предмет, выраженный в подлежащем, представляется принадлежащим какому-нибудь другому предмету (в качестве его собственности, свойства, качества, действия, количества и т. д.). Эти частицы, в отличие от описанного *болхла*, на русский язык должны переводиться во всех случаях соответствующими притяжательными местоимениями, например:

Мörнчн йовв — Конь твой ушел. Ахнь келв — Брат его говорит.

Как видно из этих примеров, лично-притяжательные частицы могут быть названы показателями подлежащего весьма условно. Если подлежащим является предметное имя, а сказуемым — глагол в любой форме или качественное имя, то показатель подлежащего необязателен, например:

Мана колхоз тенд — Наш колхоз (находится) там.
Хаалгъар мал гарв — По дороге прошел скот.
Колхозин мör сän ўзмджтä — Колхозные лошади хороши.

Пауза (в письме знак тире) в качестве показателя подлежащего употребляется главным образом в тех случаях, когда непосредственно после подлежащего следует предметное имя в качестве дополнения или сказуемого, ибо в противном случае подлежащее, выраженное предметным именем, может быть иногда понято как определение следующего за ним предметного же имени. Например:

Тömр — хаалгъ деер кевтнä — Железо лежит на дороге.

Цасн — хад деер унв (точнее: Хад деер цасн унв) — Снег выпал на горах.

Хург — школд — Собрание (происходит) в школе.

Если, например, в первом предложении между тömр (подлежащим) и хаалгъ (дополнением) не делать хотя бы мгновенной паузы, т. е. произносить эти слова слитно (а в письме не поставить знака тире), то предметное имя «тömр» будет понято как предметное же определение дополнения «хаалгъ», и тогда вся фраза получит в русском переводе другой вид, а именно: „На железной дороге (что-то) лежит“ — «Тömр

хаалгъ деер кевтнä». Стало быть, наличие в таких случаях после предметного подлежащего паузы или иного показателя подлежащего (например, болхла) устраняет возможность превратного понимания речи и особо выделяет в ней подлежащее.

Как уже было сказано выше, лично-притяжательные частицы в качестве показателей подлежащего употребляются в тех случаях, когда предмет, выраженный в подлежащем, представляется кому-то или чему-то принадлежащим, т. е. представляется чьей-то „собственностью“. А так как различные качества и действия не существуют вне чего-либо, а в чем-либо заложены, то качественные имена и причастия, употребляясь в предложении в качестве подлежащего, обязательно сопровождаются лично-притяжательными частицами. Сказанное особенно касается частицы третьего лица — *нь*.

Что касается подлежащих, выраженных предметными именами, то они сопровождаются этими лично-притяжательными частицами (а не словом болхла) лишь в том случае, если ими обозначаются предметы, являющиеся чьей-либо принадлежностью. Это имеет место особенно в тех случаях, когда эти подлежащие не сопровождаются притяжательными определениями — именами в родительном падеже, выражающими „владельцев“ — предметов, обозначенных подлежащими. Эти подлежащие сопровождаются притяжательными частицами в тех случаях, когда „владельцы“ либо упомянуты в предыдущем предложении, либо подразумеваются по обстановке речи или контексту, именно поэтому в предложении опущены.

Все изложенное выше относительно употребления лично-притяжательных частиц в качестве показателей подлежащего находит объяснение в следующих явлениях:

1. В русском языке нет таких отглагольных имен существительных, которые выражали бы не процессы или опредмеченные действия вообще, а процессы определенной степени законченности, определенного времени. В калмыцком же языке мы имеем причастия, которые иногда служат как раз для обозначения процессов или опредмеченных действий определенного времени, определенной степени законченности вплоть до залоговых оттенков. Как известно, причастия в русском языке выражают не процессы вообще, а субъекты последних (в качестве существительных, например: командующий, управляющий и т. д.) или процессную аттрибутивность.

2. В русском языке невозможно употребление прилагательных в качестве имен, выражающих качество вне чего-либо: в подобных случаях употребляется соответствующее имя существительное (например, „красота пленительна“, а не „красивый пленителен“). Если в русском языке имена прилагательные употребляются в качестве подлежащего, то они обозначают лишь „обладателя“ данного качества, но никоим образом не самое качество (например: „красивый пленителен“ означает „пленителен тот, кто или который является красивым“, т. е. обладает красотой). Не то в калмыцком языке, в котором качественные имена могут

иногда обозначать самое качество, абстрагированное от его носителя (например: сӓӓхнь гӓӓхмджтӓ — красота его пленительна).

3. В некоторых случаях в калмыцком и русском языках нет однотипных или тождественных по значению и грамматической форме слов. Мы имеем в виду случаи, когда, например, русское имя существительное на калмыцкий язык может быть переведено не именем же существительным, а каким-нибудь оборотом (причастием и т. д.), и наоборот. Например: „В случае прихода“ — «ирхлӓ».

Рассмотрим последовательно все эти явления.

Когда в русском языке предметом речи является действие или состояние определенного времени, грамматическая связь между реальным подлежащим (выражающим субъект действия или состояния) и сказуемым устанавливается посредством сочетания „то, что“, причем указательное местоимение „то“ может быть в большинстве случаев опущено. Что касается самого предмета, т. е. действия определенного времени, то он выражается глаголом в одной из изъявительных форм. Иначе говоря, мы имеем здесь так называемое сложное предложение, в котором формальным подлежащим является указательное местоимение „то“, а реальное подлежащее выражено или, точнее, скрыто в придаточно-определительном предложении, начинающемся со слова „что“. Можно даже сказать, что в подобного рода предложениях подлежащее как бы само по себе составляет целое продложение (в особенности в тех случаях, когда опускается указательное местоимение „то“). Например:

Хорошо, что он пришел сюда.
Известно, что наши степи необозримы.
Объявлено, что завтра будет собрание.

Мы уже указывали, что фундаментом или центром предложения является сказуемое и что все остальные члены предложения суть надстройки над сказуемым. Если теперь мы устанавливаем, что в приведенных примерах сказуемыми являются слова „хорошо, известно, объявлено“, то очевидно, что реальными подлежащими являются глагол „пришел“, имя „необозримы“ и глагол „будет“. А эти слова в свою очередь, во-первых, обросли надстройками и, во-вторых, сами по себе являются сказуемыми в составе своих надстроек (придаточно-определительных предложений). Что же касается указательного местоимения „то“, то его синтаксическая функция носит лишь служебный характер: его можно назвать фиктивным подлежащим или заместителем подлежащего, как бы „скрытого“ в качестве придаточно-определительного предложения к своему заместителю. Подобный оборот в русском языке вызван тем, что в этом языке отглагольные или процессные имена выражают действия или процессы вообще, не приуроченные к определенному времени. Так, например, относительно имени „приход“ нельзя сказать, что оно выражает действие прошедшего или настоящего времени: оно выражает действие вообще, абстрагированное от времени. Далее, причастия, как уже говорилось, выражают в русском языке не действия, а субъекты

их или аттрибуты последних. Так, причастие „пришедший“ выражает лишь того, кто пришел, но не действие, хотя содержит в себе указание на прошедшее время.

Теперь о наших выводах.

В калмыцком языке причастия выражают не только аттрибут субъектов действия, но и самые действия определенного времени. Например, «ирсиг медв» обозначает „узнал, что пришел“, но не „узнал пришедшего“. Благодаря этому калмыцкие причастия в качестве именных форм глагола могут выражать действия, являющиеся предметом речи, и потому заменяют собою то, что в русском языке передается оборотом „что“ плюс глагол в одной из изъявительных форм.

Поскольку в калмыцком языке реальное подлежащее может быть выражено само по себе, не „скрываясь“ в качестве сказуемого придаточно-определительного предложения, то указательное местоимение „то“ или какое-нибудь другое слово в нем не употребляется, например:

Энд тер ирснь сăн болв — Хорошо, что он пришел сюда.

Эн кӱӱнä энд сууснь сăн — Хорошо, что этот человек сидит здесь.

В этих примерах подлежащими являются причастия «ирсн (ирснь)» — „(что) пришел“ и «сууснь» — „(что) сидит“.

Частица *нь* употребляется в тех лишь случаях, когда подлежащее, выраженное причастием, обозначает действие, которое совершено третьим лицом. Если же речь будет идти о действиях первого или второго лица, то в качестве показателя подлежащего будут употребляться частицы первого или второго лица. Например:

Энд ирснчнь сăн болв — Хорошо, что ты пришел сюда.

Тенд суудгмнь медгдджänä — Становится известным, что я сижу там.

Таким образом в калмыцком языке подлежащее, выраженное причастием, принимает частицу *нь* (третьего лица) или *чнь* и т. д. (второго и первого лиц).

Примеры:

Эврäннь миисăн тӱӱнäс ода *авчкснь* деер болх — Лучше от него взять теперь свою кошку.

Кӧвӱн юнъгъад киисäд бääдгнь ода манд медгдджänä — Теперь нам становится понятно, отчего падает мальчик.

Ӱлдснь лавта болдджана — Становится очевидным, что (он) остался.

Необходимо отметить, что иногда причастие с частицей *нь* по своему значению как бы заменяет собою условное деепричастие, например:

Би поэт болхнь бичх билäв — Кабы я был поэтом, то написал бы.

Таниг хäлäджäхнь эндӱрджäх бääдл гарнат — Как посмотришь на вас, так похоже на то, что вы ошибаетесь.

В калмыцком языке особенное значение имеют в качестве подлежащего качественные имена. В этой функции качественные имена соответствуют качественным именам существительным русского языка. Это означает, что если в русском языке подлежащим оказывается имя прила-

гательное, то оно должно переводиться на калмыцкий язык качественным именем лишь тогда, когда оно (прилагательное) дано во множественном числе с пропуском соответствующего имени существительного. Это происходит потому, что качественные имена в калмыцком языке во множественном числе как бы переходят в разряд предметных имен, так как в этой позиции они выражают не качество, а носителей данного качества, например:

Газа бормуд бäänä — Во дворе находятся серые (лошади).
Цагъачуд цокгдв — Белые (бандиты) побиты.

Однако этот путь перевода русского прилагательного со значением имени существительного надо считать почти исключительным. В большинстве случаев русские прилагательные со значением существительного переводятся на калмыцкий язык качественным именем плюс предметное имя. Последнее „отыскивается“ следующим образом: сначала устанавливается та категория или группа предметов, к которой относится предмет, выраженный данным русским прилагательным, и наименование этой категории или группы предметов употребляется в качестве определяемого, к которому затем присоединяется качественное имя в качестве определения. Например, допустим, что на калмыцкий язык нужно перевести фразу: „В этом доме находится больной“. Несомненно, что здесь идет речь о больном человеке. Следовательно слово „больной“ необходимо перевести в виде «öвчтä кўн», и тогда вся фраза принимает следующий вид: «Энг герт öвчтä кўн бäänä».

Если же в этой фразе не употребить слова «кўн» — „человек“, то фраза примет иной вид: «Эн герт öвчтä бäänä» — „В этом доме имеется болезнь“.

Это, однако, не значит, что в калмыцком языке качественные имена не могут употребляться в качестве подлежащего. Дело в том, что качественные имена в калмыцком языке без определяемого выражают в определенных позициях качество или свойство предмета в „опредмеченном“ виде, т. е. употребляются вместо русского качественного имени существительного (типа „красота“, „быстрота“ и т. д.).

Качественное имя в положении подлежащего всегда выражает либо одно из качеств данного предмета, либо один из предметов, который в отличие от других предметов данной группы обладает данным качеством.

В первом случае предмет, одно из качеств которого выражено в подлежащем, должен быть передан именем в единственном числе и в родительном падеже, а данное качественное имя должно быть передано с личным притяжанием:

Эн мöрнä хурднь гääхмджтä — Быстрота этой лошади изумительна.
Хööнä таргънь сäн хööчäс — Жирность овцы (зависит) от хорошего пастуха.

Во втором же случае предметное имя во множественном числе (выражающее предметы, один из которых с данным качеством выражен в подлежащем) передается в родительном или иногда исходном падеже,

а качественное имя, являющееся подлежащим, дается с тем же личным притяжением, например:

Мана мӧрдäс хурднь олимпиадд йовв — На олимпиаду отправлен наш (самый) быстрый конь (буквально: От наших коней на олимпиаду отправлен быстрейший).

Теднä багънь хамаран одв? — Куда ушел младший из них?

Таким образом только из контекста можно уловить подлинное и точное значение качественного имени, меняющееся в каждом отдельном случае. Именно поэтому относительно слов типа, например, „хурдн“ нельзя сказать, что они являются существительными, или прилагательными, ибо они оказываются просто качественными именами, которые на русский язык могут переводиться то именами существительными, то именами прилагательными, то наречиями образа действия. Например, «хурдн мӧрн» — „быстрая лошадь“, «мӧрнä хурдн» — „быстрота лошади“, «хурдн йовна» — „быстро идет“.

В качестве показателя подлежащего в калмыцком языке употребляются числительные «хойр» — „два“ и «гурвн» — „три“ (а также иногда «дӧрвн»— „четыре“). Однако в тех лишь случаях, когда в предложении количество подлежащих не превышает двух-трех. Эти числительные ставятся всегда после перечисления подлежащих, например:

Бадм Бат хойр йовв — Бадма и Бата пошли (вдвоем).

Чон, арат туула гурвн гарад хатрв — Однажды (втроем) поскакали волк, лисица и заяц.

Барс, чон, арат темäн дӧрвн бääдж — Жили-были (вчетвером) барс, волк, лиса и верблюд.

Вообще говоря, в подобного рода сочетаниях числительные «хойр» — „два“, «гурвн» — „три“ и «дӧрвн» — „четыре“ употреблены в качестве союзных слов, а потому заменимы иногда словом „болн“ (форма слитного деепричастия глагола «болх» — „быть“) и переводимы на русский язык союзами „и“, „да“, например:

Сандж Бадм хойр йовв — Пошли Санджи и Бадма (или: Пошли Санджи да Бадма): Сандж болн Бадм йовв.

Сами числительные употребляются в качестве подлежащего с теми же личными притяжениями, т. е. так же, как и причастия или качественные имена, например:

Теднä негнь йовв — Один из них ушел.
Эн хойрнь äлдäс ирв — Откуда пришли эти двое?

ДОПОЛНЕНИЯ

1. Общие замечания

Дополнение всегда относится к сказуемому как по своей смысловой функции, так и по месту своего расположения. Оно выражает отношение „объектов“ к процессу или предмету, выраженному в сказуемом. Оно выражает также признаки, различные обстоятельства (места, времени, цели, причины, следствия, условия и т. д.), при которых имеется данное

действие или предмет, обозначенный в сказуемом. Таким образом с внешней стороны к группе дополнений относятся все присказуемостные слова, кроме подлежащего и определения, относящегося к несказуемостным именам. Это, однако, имеет место лишь в том случае, когда в предложении имеются только неразвернутые члены. Дело в том, что если в предложении подлежащим, определением и дополнением являются, например, причастия, то дополнения могут оказаться при подлежащем, определении и дополнении, а не только при сказуемом. Например, в предложении «эдниг инъгäд йовджахинь öвгнä кӱӱкн медв» — „о том, что они таким образом ходят, узнала дочь старика“ мы имеем причастное дополнение «йовджахинь» — „о том, что ходят“, при котором имеется свое дополнение — «инъгäд» — „таким образом“ и подлежащее — «эдниг» — „они“.

Следовательно, говоря о дополнениях или присказуемостных словах, мы пока что должны для удобства изложения иметь дело только с такими предложениями, в которых нет причастных членов, о чем речь должна идти лишь в разделе о развернутом члене предложения.

Если в русской грамматике „присказуемостные“ слова делятся на дополнения и обстоятельства (у некоторых грамматистов исключительно по формальному признаку), то в калмыцкой грамматике подобное деление может быть допущено исключительно в методических целях, т. е. весьма условно и при этом произвольно. Нельзя не отметить здесь попутно того факта, что до сих пор даже в русской грамматике в определении дополнения и обстоятельства по сути дела царит неразбериха.

В этом отношении формальное затруднение для калмыцкой грамматики заключается в том, что многие обороты и выражения, требующие в русском языке предлогов, в калмыцком языке передаются падежными формами. Например, с точки зрения соответствия с русскими оборотами в калмыцком языке имя, скажем, в исходном падеже почти всегда окажется обстоятельством места, а в дательно-местном падеже окажется то дополнением, то обстоятельством. Например:

1) Элстäс ирв — Прибыл из Элисты.
2) Герт сууджана — Сидит в юрте.
3) Батд öгв — Дали Бате.

В первом примере имя в исходном падеже (Элстäс — из Элисты) оказывается обстоятельством; во втором примере имя в дательно-местном падеже (герт — в юрте) — обстоятельством места; в третьем примере имя в том же дательно-местном падеже (Батд — Бате) — оказывается дополнением.

Иначе говоря, в калмыцком языке и дополнение и обстоятельство одинаково отвечают на вопросы как косвенных падежей, так и винительного падежа. Например:

1) Бат балгъс орв — Бата поехал в город (имя в форме основы — балгъс — обстоятельство места),
2) Бат балгъс ӱзв — Бата увидел город (то же имя в форме основы — прямое дополнение).

В связи с изложенным мы считаем целесообразным в нашей книге не делить присказуемостные слова на дополнения и обстоятельства, объединив их под общим наименованием „дополнение“. Если же по соображениям методического характера будет признано целесообразным ввести такое подразделение, то это не вызовет особых затруднений: нужно лишь будет условиться о том, что считать дополнением и что — обстоятельством (в частности, по вопросам «ю?» — „что?“ и «хама?» — „где?“ и т. д.), поскольку выражение „дополнение места и цели“ применительно к калмыцкому языку в сущности характеризует то же явление, что и выражение „обстоятельство места или цели“. В русском языке выражение „дополнение места“ действительно представляется несколько неудобным в стилистическом отношении. В калмыцком же языке дополнение и обстоятельство могут быть успешно объединены под термином «немр», что буквально значит „дополнение“ или „прибавление“. Мы полагаем, что для школьников Калмыкии подразделение присказуемостных слов на „дополнения“ и „обстоятельства“ представит большую сложность, ибо они в отличие от русских школьников не владеют некоторым формальным критерием для определения того, что является дополнением, а что — обстоятельством. А между тем такой формальный критерий в методическом отношении представляет собою немаловажное орудие анализа. Ведь известно, что в русской школьной грамматике при определении этих членов предложения в основном даются и их формальные признаки, в чем легко убедиться, просмотрев хотя бы грамматику проф. С. Г. Бархударова.

Нельзя, кроме того, не обратить внимания и на то обстоятельство, что почти во всех грамматиках внутри дополнений нет подразделения по смысловым категориям, тогда как обстоятельственные слова делятся на обстоятельства цели, причины, места, времени и т. д. Очевидно, здесь русские грамматисты остановились перед трудностью, преодолеть которую во всяком случае в школьной грамматике не представилось возможным.

Таким образом, в нашем дальнейшем изложении все присказуемостные слова мы называем дополнениями.

В калмыцком языке дополнения, по своей форме, могут быть подразделены на именные и глагольные, а именные дополнения, в свою очередь, могут быть подразделены на оформленные и неоформленные. Далее, дополнения, по своему составу, могут быть подразделены на развернутые и неразвернутые или простые. Развернутые дополнения суть причастные и деепричастные дополнения, обросшие в свою очередь „собственными“ дополнениями и подлежащими. Развернутые дополнения лишь иногда соответствуют русским придаточно-подчиненным предложениям, и по своей внутренней конструкции образуются так же, как любой развернутый член предложения. Поэтому о развернутом дополнении нам придется говорить ниже, в разделе о развернутом члене предложения.

По характеру сказуемого дополнения могут быть подразделены на приглагольные и прииенные.

Приступая ниже к изложению особенностей дополнений в калмыцком языке, мы должны оговориться, что нами будет рассмотрено лишь главное из того, что относится к этой области. Вместе с тем мы сочли целесообразным предпослать нашему изложению особенностей дополнений несколько слов о слитных дополнениях.

2. Слитные дополнения

Именные дополнения, кроме наречий и некоторых других слов, в калмыцком языке представляют собою форму прямого и косвенных падежей, а также форму родительного падежа с послелогом. Но в определенных случаях именные дополнения могут и должны быть даны в форме основы. К рассмотрению этих случаев мы и переходим.

Если в русском языке при одном сказуемом имеется несколько дополнений с одинаковым значением, то все они оформляются одинаково, даются в одном и том же падеже, например: „Этот мальчик дал свою книгу отцу и ма́тери“. Здесь слова „о̀тец“ и „мать“ одинаково даны в форме дательного падежа. Не то в калмыцком языке. Дело заключается здесь в следующем:

1. В калмыцком языке имеются так называемые биномы — парные слова, составляющиеся из двух самостоятельных слов: а) более или менее смежных и тождественных по значению (синонимы) или б) контрастных или противоположных по значению. Соответственно этому мы имеем в калмыцком языке смежные и контрастные „пары“, например:

а) Смежные пары:

завод фабрик — завод и фабрика
мод чулун — дерево и камень.

б) Контрастные пары:

эк эцг — мать и отец (родители)
ах дӳ — старший и младший (братья)
энд тенд — здесь и там (везде)
му сӓн — плохой и хороший (качество)
ик багъ — большой и малый.

Если слитными дополнениями оказываются парные слова, то падежное оформление получает второе слово в паре, а первое формально остается в основе, например:

Мана эцг фабрик заводт кӧдлмш кеджӓнӓ — Наш отец работает на фабрике и заводе.

Энд тендӓс мал ирджӓнӓ — Отовсюду приходит скот.

Эк эцгдӓн дегтр умшв — Читал книгу своим родителям.

Если к одному и тому же сказуемому относится в качестве однородных членов несколько парных слов, то падежное окончание прини-

мается вторым словом в каждой паре, а первое слово в каждой паре формально остается в основе, например:

Ах дӱӱдән, эк эцгдән дурта — Любит своих братьев и родителей (буквально: Имеет любовь к своему старшему и младшему брату, матери и отцу).

2. В калмыцком языке, как уже говорилось выше, числительные как бы выполняют синтаксическую функцию союзов со значением „и", „да". Эти числительные ставятся после всех соединяемых ими слов и при склонении получают соответствующее падежное окончание, тогда как сами имена — дополнения во всех без исключения случаях формально остаются в основе, например:

Эк эцг хойртан дегтр умшв — Отцу и матери прочитал книгу.

Лера, Шура, Юра гурвнас бичг авв — От Леры, Шуры и Юры получил письмо.

Для перечисленных видов соединения однородных дополнений при одном сказуемом характерно, что во всех случаях падежное окончание получает лишь самое последнее по порядку дополнение, причем совершенно безразлично, является ли это последнее из дополнений собственно дополнением или „союзным" по функции словом. При этом значение падежного окончания последнего дополнения как бы распространяется на все предыдущие дополнения, если последние не оформлены другими падежами. В этом только смысле в калмыцком языке падежные окончания в известной мере напоминают нам русские предлоги, управляющие рядом дополнений.

Мы уже упомянули только что о том, что при нескольких дополнениях падежное окончание получает лишь последнее из них только в том случае, если все они относятся к сказуемому одинаковым образом, т. е. являются однородными. Мы должны теперь особо подчеркнуть тот факт, что если несколько дополнений, данных в одном и том же падеже, относятся к сказуемому различным образом, то падежное окончание получает каждое из дополнений. Это особенно касается имени в дательно-местном падеже. При этом различное отношение к сказуемому со стороны однопадежных, но неоднородных дополнений выражается в том, что они обозначают предметы, один из которых (если речь идет о дательно-местном падеже) являются адресатом, другой — временем, третий — местом и т. д. Например:

Тер герт Бадмд ю өгв? — Что дали Бадме в той юрте?

Однопадежные дополнения, как видно из этого примера, действительно не всегда однородны по значению.

3. Дополнения при именном сказуемом

Если сказуемым является предметное имя или местоимение, то дополнения образуются так же, как и при глагольном сказуемом. Поэтому здесь будет идти речь лишь о дополнениях при сказуемом, выраженном

качественным именем. При именном сказуемом дополнениями могут быть только имена, в том числе причастия, в каком-либо падеже и разные усилительные слова.

Орудный падеж, точнее — имя в орудном падеже при именном сказуемом выражает предмет, обладание которым как бы составляет качество или свойство другого предмета, выраженного в подлежащем, например:

Мана колхоз малар байн — Наш колхоз богат скотом.

Эндк газр усар сăн — Здешние места хороши (богаты) водами.

Имя в дательно-местном падеже при именном сказуемом выражает то, в чем проявляется качество или свойство предмета, выраженного в подлежащем, например:

Мана мӧрн урлдхдан хурдн — Наша лошадь быстро скачет (буквально: Быстра в своей скачке).

Мана ах кӧдлмш кехдăн шамдгъа — Наш брат проворен в работе (буквально: Когда наш брат работает, то проворен).

Эн хаалгъ йовхд сăн — По этой дороге хорошо идти (буквально: Эта дорога хороша, когда по ней идешь).

Имя в дательно-местном падеже, как иногда в орудном, выражает также время и место, при которых проявляется качество предмета, выраженного в подлежащем. Сюда же по значению примыкают и наречия времени и места, например:

Эн хаврар йир киитн болх — Этой весною будет очень холодно.

Эн кӧвӱн намртан хурдн болх—Этот мальчик осенью будет ходить быстрее (буквально: будет быстрый).

Ногъан ӧрӱгăр чиигтă — Трава утром (бывает) сырая.

Асхар (или асхнд) газа киитн болдг — По вечерам во дворе становится холодно.

Герт дулан — В доме тепло.

В качестве дополнения выступают также и усилительные слова, например:

Энд йир халун — Здесь очень жарко.

Ӱвл дегд киитн — Зимою чрезвычайно холодно.

4. Именные дополнения

Говорить об именных дополнениях значит говорить, во-первых, в синтаксисе падежей и, во-вторых, об употреблении различного рода наречий и послелогов. Поэтому ниже нам придется частично повторять то, что вкратце уже излагалось в разделе „Морфология“ нашей книги.

а) Винительный падеж

Имя в винительном падеже всегда является в предложении прямым дополнением, выражающим объект какого-либо действия, например:

Малч малан гаргъв — Пастух выгнал свой скот.

Эн дор барлата утхта ўгмўдиг бичдж автн — Перепишите напечатанные ниже слова.

Эн дегтриг ковўн умшла — Эту книгу прочитал мальчик.

В тех случаях, когда в данном предложении или контексте имя может обозначать только объект действия (что определяется логикой вещей), оно употребляется без окончания винительного падежа, причем некоторые имена с конечным согласным *н* опускают его (согласный *н*). Практически это означает, что если имя в качестве дополнения не является наименованием людей, то оно чаще всего употребляется без окончания винительного падежа, причем, конечно, форма данного имени не перестает быть формой винительного падежа, например:

Ковўн дегтр умшджана — Мальчик читает книгу.
Голас загъс бäрв — На реке ловили рыбу.
Лавкас ödмг хулддж авв — В лавке купили хлеба.

В некоторых случаях имя в винительном падеже (но с опущенным окончанием этого падежа) показывает направление действия, т. е. как бы употребляется вместо имени в дательно-местном падеже, например:

Мана эцг балгъс орв — Наш отец поехал в город.

В калмыцком языке винительный падеж употребляется и в тех случаях, когда в русском языке употребляется творительный падеж, выражающий объект при глаголах типа „владеть", „смеяться" и т. д., например:

Намаг наадлджана — Смеется надо мною.
Эн газриг кен эзлнä? — Кто владеет этой землею?
Маниг шоглв — Пошутил над нами.

В качестве объекта действия может выступать действие же, процесс. Следовательно, в любом языке мы имеем дело с процессным объектом, который в калмыцком языке передается *причастием в винительном падеже* (очень редко отглагольным предметным в том же падеже), например:

Мönъгäн ундж одсиг Козет меднс уга — Козета не заметила, как упали ее деньги.

Öрўн боссн ämтс му хувцта övгн уульнцар йовсиг ўзцхäв — Утром люди увидели, как по улице прошел плохо одетый старик.

Кермн цехднь кödлмш ягъдж кегддгинь келдж ögнä — В цехе Кермен показывает, как надо работать.

Элстд ю сонъссан келдж ög — Расскажи, что ты слышал в Элисте.
Бадм орсар ўг келдгиг дасв — Бадма научился говорить по-русски.

Иногда прямым объектом сказуемого является не действие, которое выражено причастием в винительном падеже, а прямое же дополнение последнего; что же касается причастия в винительном падеже, то оно логически оказывается определением к своему собственному дополнению, например:

Övгн авдрт башмг бääсиг кўўкнд гаргъад ögв — Старик дал девочке башмак, находившийся в сундуке.

Эн дор ӱгмӱдиг бичсиг умштн—Прочтите слова, написанные ниже.

Следует указать, что причастие в винительном падеже на русский язык переводится и отглагольным или процессным именем существительным, например:

Бат йовсиг медв — Узнали об уходе Баты (= Узнали, что ушел Бата).

б) Дательно-местный падеж

Значение дательно-местного падежа очень легко улавливается по тем вопросам, на которые он отвечает («кенд» — „кому“, «ююнд» — „чему“ или „в чем“, «хама» — „где“, «кезӓ» — „когда“ и т. д.). Тем не менее необходимо сказать несколько слов об особенностях употребления этого падежа.

При страдательном залоге имя в дательно-местном падеже обозначает предмет, действию которого подвергается другой предмет, выраженный в подлежащем. Следовательно, субъектом действия с логической точки зрения в подобного рода сочетаниях оказывается дополнение, а объектом — подлежащее: в этом только смысле калмыцкий дательно-местный падеж по значению соответствует русскому творительному падежу субъекта страдательного залога, например:

Хӧн чонд бӓргдв — Овца поймана волком.

Бат Бадмд ноолдад диилгдв — Бата побежден Бадмою (в борьбе).

Хуучна цагт Сандж зӓӓснд мухлалгддж бӓӓсмн — В старое время Санжи эксплоатировался зайсангами (князьями).

Вообще же дательно-местный падеж в основном выражает адресата сообщения, передачи, отправления или время или место, т. е. отвечает на вопросы кому, к кому, у кого, чему, к чему, у чего, в ком, в чем, где, когда, для кого или чего (в смысле: в чью пользу). Поэтому дательно-местный падеж калмыцкого языка *в зависимости от того или иного глагола* соответствует следующим оборотам в русском языке:

1) дательному падежу;
2) родительному падежу с предлогами „для“, „у“;
3) винительному падежу с предлогами „в“, „на“, „о (об)“;
4) предложному падежу с предлогами „на“ и „в“.

Иными словами, имя в дательно-местном падеже соответствует тому, что в русском языке называется дополнением в дательном падеже и обстоятельством времени и места.

Примеры:

Зан халун газрт бӓӓршлнӓ — Слон обитает в жарких странах.

Өцклдӱр би хургт одлав — Вчера я пошел на собрание.

Зунин цагт худгт усн хӓтӓр болна — В летнее время в колодце вода высыхает.

Бадмд сӓн дегтр бӓӓнӓ — У Бадмы имеется хорошая книга.

Мана бригадт нег трактор гаргъв — Нашей бригаде (или: для нашей бригады) выделили один трактор.

Бат герт орв — Бата вошел в юрту.

Бичкн кўўкдт зöв госд кооперативд ордж — В кооператив поступила детская обувь (буквально: годная для детей).

Дордж шовунд урх тосхв—Дорджи на птиц поставил сетку.

Ўвлд киитн болдг — Зимою бывает холодно.

Намртан балгъс орхв — Осенью я поеду в город.

Причастие в дательно-местном падеже перед качественным именем выражает то действие, которое составляет то или иное свойство предмета, например:

Эн хаалгъ тергäр йовхд сäн — Эта дорога хороша для езды на телеге.

Мана ударникс кöдлмш кехдäн дурта — Наши ударники любят работать.

Эн машин тäрä хадхд кергтä — Эта машина нужна для уборки хлеба.

Причастие в дательно-местном падеже выражает такое действие, в течение или момент которого имело место другое действие, например:

Артистнриг энд ирсндн бидн байрлввдн — Мы обрадовались приезду артистов (или: Когда сюда приехали артисты, то мы обрадовались).

Намаг Москвад бääхд чи хама бääлäч? — Где ты был, когда я находился (или: во время моего пребывания) в Москве?

Зан эзндäн мод хамхлдж унгъахднь дöнъ болджала — Слон помогал своему хозяину, когда он (хозяин) сваливал деревья.

Иногда причастие в этом падеже выражает не действие, а субъекта данного действия, например:

Асхар унтснд хот белдв — Приготовили кушанье (человеку), уснувшему с вечера.

в) Исходный падеж

Имя в исходном падеже выражает предмет, от (из, с) которого что-либо удаляется, берется, получается, возникает, отличается и т. д. Таким образом исходный падеж как бы заменяет отсутствующие в калмыцком языке предлоги „от“, „из“, „с“, „у“ и иногда „за“, например:

Салькн зўн ардасн ўлäджäнä — Ветер продувает его с севера.

Бадм эндр балгъснас ирв — Бадма сегодня приехал из города.

Эс медсäн меддг кўўнäс сур — Того, чего не знаешь, спроси у того, кто знает.

Хотнас хол бишд нур бäänä — Недалеко от хотона находится озеро.

Уулин орагъас буув — Спустился с вершины горы.

Малан худгас услв — Скот напоили из колодца.

В некоторых случаях исходный падеж употребляется, когда по-русски ожидался бы скорее дательно-местный падеж, например:

Садас альм тўўв — В саду набрали (собрали) яблоки.

Голас малан услна — Свой скот поят у реки.

При глаголе «бäр» — „держать“ также употребляется исходный падеж (вместо русского предлога „за“):

Гараснь бäрв — Поймали его за руку.
Моднас бäрлцв — Удержался за дерево.

При глаголах, выражающих страдательно-психологические состояния, исходный падеж употребляется вместо русского родительного падежа:

Сӱӱдрäсн ääгъäд йовна — Боится своей тени.
Сандж могъагъас йир икäр ääнä — Санджи очень боится змеи.
Ах дӱӱгъäсн ичнä — Стыдится своих братьев.

Имя в исходном падеже выражает предмет, с которым сравнивается другой предмет со стороны своего качества, количества и т. д.; это бывает в том случае, если имя в этом падеже стоит перед качественным именем. Следовательно, подобное сочетание в калмыцком языке соответствует по своему значению такому русскому обороту, в котором имеются сравнительные наречия со сравнительными союзами „чем“ или „нежели“ или с именами в родительном падеже без этих слов:

Шоргълджнас олн церг — Войско более многочисленное, нежели муравьи.

Тергна ардк тӧгäг ӧмнкäснь ӧндрäр кедмн — Задние колеса у телеги делаются выше передних.

Зӱӱнä толгъагъас чигн бичкн — Даже меньше, чем булавочная головка (= Меньше даже булавочной головки).

Эн мӧрн хар мӧрнäс сäн — Эта лошадь лучше (той) вороной лошади.

Сананас делм хурдн, салькнас алд хурдн кӱлг — Эта лошадь на один локоть быстрее мысли, на один шаг быстрее ветра.

Имя в исходном падеже перед некоторыми наречиями (или словами со значением наречий) соответствует русскому родительному падежу:

Нанас нанъ энд кӱн уга — Кроме меня здесь никого нет.

Комбинатд ирдж орхасн урд сäн кӧдлмшч, сäн комсомолкан олн газрт медӱллä — До своего поступления в комбинат (= до того, как поступить в комбинат) она в ряде мест показала себя хорошей работницей, хорошей комсомолкой.

Кӱӱнä кӱӱнд хагдад ӱкхäсн нааран бичгäн ӧгш уга — Если она (собака пограничника) попадется в чужие руки (= будет схвачена чужими людьми), то до последнего издыхания не отдаст (порученное ей) письмо.

Слово *авн* (слитное деепричастие от глагола «авх» — „брать“) после исходного падежа соответствует русскому „начиная с, от“ или „с“ например:

Балгъснд ирснäсн авн эн кӧдлмш кеджänä — Эту работу он ведет (начиная) со своего приезда в город.

Из примеров, приведенных выше, видно, что причастие в исходном падеже, выражая действие, передает то, что в русском языке выражается процессным или отглагольным именем существительным или соответствующими придаточно-подчиненными предложениями. Еще пример:

Мини эцг балгъс орхасн урд тäрänä кӧдлмшд йовла — Мой отец до своей поездки в город (= до того, как поехать в город) был на полевых работах.

Иногда причастие в исходном падеже выражает не действие, но предмет данного действия:

Хулдснас авч — Купил (буквально: взял) продаваемое (буквально: из того, что продавали).

г) Орудный падеж

Предметное имя в орудном падеже в зависимости от контекста обозначает:

1. Предмет, послуживший орудием или средством действия, например:

Малчниг дулан хувцар теткв — Пастухов обеспечили теплой одеждой.

Карандашар бичхлä шулун болна — Карандашом пишется быстрее.

Бääлгънä нердиг татасар темдглтн!—Предметные имена отметьте линией!

2. Предмет и место передвижения или нахождения; в этих случаях имя в орудном падеже соответствует русскому а) дательному падежу с предлогом „по“ и б) предложному падежу с предлогом „на“, например:

Уулин белäр хаалгъ гарч — По склону горы прошла дорога.

Кöдäгъäр йовхд темäн сäн кölгн болна — Верблюд хорош для езды по степи.

Бригадир мöрäр ирв — Бригадир приехал на лошади.

Тергäр öвс зööджänä — На телеге возят сено.

Олна кергäр балгъс орв — По общественным делам поехал в город.

Кöдлмшин улсиг бригадар хував — Рабочие руки распределили по бригадам.

Тенд кен хаалгъар йовна? — Кто там идет по дороге?

3. Материал, из которого что-либо делается; в этом случае имя в орудном падеже соответствует русскому родительному падежу с предлогом „из“, например:

Мана сельсовет чолугъар школ тосхв — Наш сельсовет построил каменную школу (буквально: школу камнем).

Ноосар кесн беелä дулан — Рукавицы, сделанные из шерсти, теплы (т. е. шерстяные рукавицы).

Колхоз малдан хулсар хаац кев — Колхоз для своего скота построил загородку из камыша.

Улан эдäр флаг кев — Из красной материи сделали флаг.

Утх тömрäр кедмн — Нож делается из железа.

4. Предмет, послуживший средством обмена или приобретения; в этих случаях имя в орудном падеже соответствует русскому винительному падежу с предлогом „за“, например:

Хойр хööгъäр нег бӱрӱ авла — За две овцы получил телку.

Эн дегтр гурвн арслнъгъар авла — Эту книгу купили за три рубля.

Предметные имена, обозначающие время, в орудном падеже отвечают на вопрос „когда“ и соответствуют чаще всего русским наречиям времени, например:

Нег дакдж ӱвлӓр кеерӓс хӓрдж йовлав — Однажды зимою я возвращался из степи.

Энд асхар нег кӱн ирлӓ — Сюда вечером прибыл один человек.

Өрӱгъӓр юн болв? — Что случилось утром?

Иногда имя в орудном падеже употребляется вместо русского винительного падежа, например:

Бадмин дӱӱгъӓр колхозин ахлач шиидлӓ — Младшего брата Бадмы выбрали председателем (правления) колхоза.

Предметное имя в орудном падеже перед качественным именем обозначает то, в чем проявляется качество предмета, обозначенного в подлежащем:

Хӱӱрӓ тег ургъмлар ховр болна — Сухая степь скудна растительностью.

Хальмг республик малар байн — Калмыцкая республика богата скотом.

Качественные имена в орудном падеже передают качество действия или состояния, иначе говоря — соответствуют русским наречиям образа действия, например:

Лагана нутгт икӓр загъс бӓрдг — В Лагане (один из районов в Калмыцкой АССР) помногу ловят рыбу.

Колхозин тӓрӓнь сӓӓнӓр ургъв — Колхозные хлеба выросли хорошо.

Эн нанас деерӓр меддж — Он знал лучше меня.

Качественные имена в калмыцком языке в положении перед предметными именами оказываются определениями, соответствуя русским прилагательным. Поэтому качественные имена в качестве дополнения, выражающего обстоятельство образа действия (качество действия), за последние десятилетия стали употребляться в форме орудного падежа. Такое употребление, повидимому, стало особенно частым под влиянием русского языка, в котором слова, обозначающие качество предмета и действия, различаются как прилагательные, с одной стороны, и наречия образа действия — с другой. Но если отвлечься от влияния русского языка, то такое употребление находит объяснение и в самом калмыцком языке. В самом деле, в калмыцком языке некогда качественные имена для выражения качества действия почти всегда употреблялись в форме „именительного“ падежа, точнее — без особого падежного оформления. Пережиточно это сказывается и в современном калмыцком языке. Так, например, и ныне можно встретить фразу «сӓн йовна» — „хорошо идет“, вместо «сӓӓнар йовна» в том же значении. Почему же в калмыцком языке качественные имена, выражая в предложении качество действия, стали употребляться в орудном падеже?

В своем месте мы уже говорили о том, что в зависимости от логического ударения тот или иной член предложения может менять свое место и оказаться перед или после какого-нибудь другого члена предложения, например:

1) Колхозин тӓрӓнь сӓӓнӓр ургъв — Колхозные хлеба выросли хорошо.
2) Сӓӓнӓр колхозин тӓрӓнь ургъв — Хорошо выросли колхозные хлеба.

Во втором случае слово „сӓӓнӓр — хорошо“ оказалось в положении перед именем «колхозин» — „колхозные (колхоза)“, а это значит, что если это слово (сӓӓнӓр) было бы употреблено в форме именительного падежа (сӓн), оно было бы понято как определение к имени «колхозин» и соответствовало бы по своему значению русскому прилагательному „хороший“. В последнем случае предложение в целом приобрело бы следующий вид:

Сӓн колхозин тӓрӓнь ургъв — Хлеба хорошего колхоза выросли.

Вот почему в калмыцком языке качественные имена, выражая качество действия и соответствуя русским наречиям образа действия, стали за последние десятилетия почти всегда употребляться в форме орудного падежа.

Прошедшее причастие в форме орудного падежа выражает действие, которое явилось прямой причиной другого действия, обозначенного в следующем глаголе. Так как причина вообще всегда предшествует своему действию, то причастное дополнение причины в орудном падеже всегда в основе своей представляет форму прошедшего причастия. Например:

Хур орсар киитн болв — По случаю дождя стало холодно.
Ургъц ик болсар цугъан ик буудӓтӓ болв — Так как урожай получился хороший, то стали иметь много пшеницы.

Будущее причастие в орудном падеже выражает действие, являющееся целью другого действия, обозначенного в следующем глаголе, например:

Мини ээдж шикр хулддж авхар лавкд одв — Моя мать, чтобы купить сахар, отправилась в лавку.
Бат сургъуль сурхар балгъс орв — Бата поехал в город, чтобы учиться (= на учебу).

Следует заметить, что в калмыцком языке целевой оборот может быть выражен и иначе, а именно путем сочетания будущего причастия с глаголом «гидж» (буквально: „говоря“). Но подобный оборот отличается от изложенного тем, что в нем собственно выражается лишь намерение, которое может и не осуществиться, тогда как будущее причастие в орудном падеже обозначает действие, которое безусловно будет иметь место. Различие это выпуклее может быть показано в следующих примерах:

1) Бат Москвад сургъуль сурхар ирв — Бата приехал в Москву, чтобы учиться.
2) Бат Москвад сургъуль сурх гидж ирв — Бата приехал в Москву, имея намерение учиться (= чтобы учиться).

Так как в русском языке оборот со словом „чтобы“ передает оба излагаемые оттенка, то необходимо отметить, что в первом примере имеется в виду лицо, уже учащееся в Москве, тогда как во втором примере речь идет о вновь поступающем на учебу.

д) Соединительный и совместный падежи

Имя в соединительном падеже выражает предмет, вместе с которым второй предмет наличествует, имея с ним одинаковое действие или качество. Следовательно, такой оборот в калмыцком языке соответствует следующим оборотам в русском языке, выражающим совместность предметов в действии или состоянии (качестве):

1) „вместе с“ или „с“ + имя в творительном падеже;
2) „похож“, „походить“ + предлог „на“ + имя в винительном падеже;
3) „одинаковый с“ + имя в творительном падеже. Например:

Темänлä ädл ик мöр ÿзвв — Я увидел такого же большого коня, как и верблюд.

Бадм Санджин дÿÿлä хамдан сурчана — Бадма учится вместе с младшим братом Санджи.

Кödлмшчнрлä хамдан крестьян улс Октябрьск революцин töлä ноолдла — Крестьяне вместе с рабочими боролись за Октябрьскую революцию.

Хойрдгч бригадла гурвдгч бригад соцдорлда келä — Вторая бригада провела соцсоревнование вместе с третьей.

Цар шулунарн мöрнлä денъцшго — Вол по своей быстроте несравним с конем (= не такой быстрый, как конь).

Чон кев-дÿрсäрн нохала ädл — Волк по своему виду похож на собаку.

То, что мы назвали „вторым“ предметом, может быть выражено как в подлежащем, так и в сказуемом или определяемом, например:

Эн мöрн темänлä ädл ик — Эта лошадь так же велика, как и верблюд (второй предмет выражен в подлежащем).

Эн болхла темänлä ädл ик мöрн бäänä — Это есть лошадь, большая как верблюд (второй предмет выражен в сказуемом).

Темänлä ädл ик мöрн хама бäänä? — Где находится лошадь, которая так же велика, как и верблюд?

В последнем примере подлежащее «мöрн» (лошадь) по отношению к обороту «темänлä ädл ик» (так же велика, как и верблюд) есть определяемое. Иными словами, имя в соединительном падеже в сочетании со словами типа *ädл* (похож, одинаков) + качественное имя перед именами может быть определением (развернутым).

Иногда имя в соединительном падеже обозначает время, отвечая как бы на вопрос „когда“? Например:

Ноха дäänä цагла ик керг кÿцänä — Собака в военное время оказывает большую помощь (буквально: делает или выполняет большое дело).

Салькнла ара гидж ирвв — При ветре я прибыл кое-как.

Необходимо отметить, что если в русском языке имя в творительном падеже с предлогом „с“ обозначает обстоятельство образа действия (т. е. отвечает на вопрос „как“?, а не на вопрос „с кем?“ или „с чем?“), оно никоим образом не может соответствовать калмыцкому имени, дан-

ному в соединительном падеже: упомянутый русский оборот на калмыцкий язык переводится иногда двойным падежом — совместно-орудным, например:

Ик гарутагъар японск церг хäрӱ кӧӧгдв — Японские войска отброшены обратно с большими потерями.

Тäрäгъäн хурдар болн сäн чинртäгъäр хурахми — Хлеба убрать быстро и хорошо (буквально: с хорошим качеством).

Ӧмнк латин ӱзгäр болхла өнъгдäн келнäс орджах ӱгмӱд йир ик хаджгъртагъар бичгдгд билä — В отмененной латинской письменности слова разговорной речи писались с большими искажениями.

Загъсна заводмуд олз-орутагъар кӧдлцхäдг болх зӧвтä — Рыбные заводы должны работать с прибылью (т. е. прибыльно, рентабельно).

Мана колхоз кӧдлмшäн ик диилвртäгъäр кӱцäв — Наш колхоз закончил свою работу с большой победой.

В калмыцком языке равным образом употребляется совместный падеж с безличным притяжением и в тех случаях, когда по смыслу ожидался бы соединительный падеж. Иначе говоря, соединительный падеж „заменяется“ совместным падежом в тех случаях, когда по смыслу требуется употребить еще безличное (возвратное) притяжение, например:

Нег өвгн хойр кӱӱктäгъäн балгъс орв — Один старик вместе со своими двумя дочерьми поехал в город.

Эндк багш сургъульчнртагъан экскурсд йовв — Здешний учитель вместе со своими учениками отправился на экскурсию.

Вообще же совместный падеж без притяжания употребляется лишь в качестве определения (см. ниже раздел об определении) и сказуемого; вместо же соединительного падежа этот падеж употребляется весьма редко, да и то — при наличии таких слов, как «хоюрн» (вдвоем), например:

Дордж Санджин дӱӱтä хоюрн өцклдӱр балгъснас ирв — Доржи вместе (буквально: вдвоем) с братом Санджи вчера прибыл из города.

Бадмин зеетä хоюрн намртан сургъульд йовхмн — Вместе с внуком (сыном дочери) Бадмы он осенью поступит в школу.

е) Направительный и предельный падежи

Синтаксическая функция направительного падежа очень проста и сводится только к тому, что имя в этом падеже в основном отвечает на вопрос „куда“. Иначе говоря, направительный падеж как бы соответствует русским предлогам „к“ (с дательным падежом), „в“ (с винительным падежом) и „на“ (с тем же винительным падежом), например:

Думбр алдр Сталин диилврäс диилврӱр кӧтлнä — Великий Сталин ведет нас от победы к победе.

Таньдг кӱӱнӱр одлав — Я отправился к знакомому (человеку).

Хойр кӱн машинур өөрдв — Два человека подошли (приблизились) к машине.

Школьникуд ӧ-шугъу моднур одв — Школьники отправились в лес.

Тавн тэргн буудӓ теермӱр кӱргв — Пять возов пшеницы доставили на мельницу.

Тӓрӓтӓ газрур мал бичӓ орул! — На посевы скот не пускай!

Некоторые имена в направительном падеже как бы становятся наречиями (времени и места), например:

öцклдӱр — вчера	деегӱр — наверху
манъгъдур — завтра	сӧӧгъӱр — вечером.

Сравнительно редко употребляется так называемый предельный падеж, отвечающий на вопрос „до каких пор?“ — точнее: „до какой высоты?“ Этот падеж употребляется лишь в тех случаях, когда необходимо указать рост или подъем предмета в высоту. Поэтому этот падеж встречается лишь в именах, обозначающих части человеческого тела и некоторые другие предметы, например: ось телеги (о глубине воды), юрта (о снегопаде) и т. д.

ж) Родительный падеж

Имя в родительном падеже, всегда являясь определением, никогда не выступает в качестве дополнения. Речь может идти лишь о том, что некоторые слова (послелоги и наречия в функции послелогов) в сочетании с именами в родительном падеже образуют ***составное дополнение***. Здесь мы ограничимся лишь изложением особенностей некоторых послелогов, в сочетании с которыми имена в родительном падеже образуют составное дополнение.

а) Тускар *или* туск — о, насчет, относительно.

Имя в родительном падеже в сочетании с этим послелогом обозначает предмет или действие, о котором идет речь, например:

Диилвртӓ колхозмудин тускар стих бичв — Написали стихотворение о победоносных колхозах.

Хальмг АССР-н Верховн Советд сунъгъхин туск Положений — Положение о выборах в Верховный Совет Калмыцкой АССР.

Кӧдлмшин туск дууг байрта айсарн дууллдв — Радостно пели песни о труде.

Аратин тускар дала тууль бӓӓнӓ — О лисице имеется очень много сказок.

б) Төлӓ — для, за.

Имя в родительном падеже в сочетании с этим послелогом обозначает предмет или действие, для или ради которого совершается какое-либо действие, например:

Малдан дулан ӱвлзлгъ белдхин төлӓ колхозмуд сара-хаша кеджӓнӓ — Для того чтобы подготовить для своего скота теплое зимовье, колхозы строят сараи.

«Сталинск Конституцин төлӓ!» гидг лозунгъта дӓврввдн — Мы наступали с лозунгом „За Сталинскую Конституцию!“

Халун патриотмуд Советск төрскн орн-нутган төлӓ ноолдцхав — Горячие патриоты боролись за свою Советскую родину.

в) Имя в родительном падеже в сочетании со словом «ӧмн» — „перед“ обозначает предмет или действие, перед которым или до которого имело место другое действие или находится другой предмет, например:

Революцин ӧмн Элст балгъсн селӓн бӓӓдж — До революции (= перед революцией) Элиста была небольшим селением.

Суулгъ заргъчнрин ӧмн бӓӓнӓ — Ведро стоит перед судьями (из сказки).

Мини ӧмн кен сууджана? — Кто сидит перед мною (= впереди меня)?

С именами в родительном падеже образуют составное дополнение и ряд других слов, значение которых ясно изложено в словарях («хӧӧн» — „после“, «ӧӧр» — „близко, около“ и т. д.). Поэтому, не усложняя наше изложение анализом этих слов, упомянем лишь, что слово «ӧмн» в исходном падеже («ӧмнӓс») имеет значение „против“ и „навстречу“, например:

Империалистическ дӓӓнӓ ӧмнӓс сӧрдж ноолдх керг — Борьба против империалистической войны.

Мини ӧмнӓс нег кӱн ирв — Навстречу ко мне идет один человек.

5) Примыкающие дополнения

До сих пор мы говорили лишь о дополнениях, подчиняющихся своему сказуемому, требующему, чтобы дополнение стояло в определенном падеже. В калмыцком языке имеются, однако, и такие случаи, когда дополнение не управляется подчиняющим словом. Это — главным образом наречия места, времени и образа действия, но не деепричастия. Так как значение этих слов не требует анализа и ясно изложено в обычных словарях, мы здесь ограничимся лишь некоторыми примерами с краткими замечаниями.

Соединительное деепричастие оказывается управляемым дополнением при некоторых глаголах («чадх» — „суметь“, «болх» — „можно“, «дуусх» — „кончать“ и т. д.) и характерно двумя признаками, а именно: 1) оно в самом калмыцком языке не подвержено замене и 2) с точки зрения перевода оно соответствует русскому неопределенному наклонению, например:

Дакад тесдж чадсн уга — Снова не смог вытерпеть.
Энӱг умшдж болш уга — Это невозможно прочесть.
Бидн ӧвсӓн зӧӧдж дуусввдн — Мы кончили возить свое сено.

(О значении и употреблении деепричастий см. в соответствующем разделе морфологии.)

Что касается наречий, то они в качестве примыкающих дополнений обозначают время, место или образ действия или состояния, например:

Генткн герин шат деер хонъх джинънв — *Вдруг* на лестнице задребезжал звонок.

В этом предложении наречие «генткн» — „вдруг“ показывает образ действия, отвечая на вопрос „как“, а «деер» — „наверху“ выполняет функцию послелога со значением „на“ — место.

Эврӓнн миисӓн тӱӱнӓс *хӓру* авв — Свою кошку взял у него *назад*.
Ямр *удан* бӓӓхвч? — *Как долго* здесь ты будешь?

Энд ода ирвв — Сюда прибыл *ныне.*
Бас ю авнат? — *Еще* что возьмете?
Газа мал йовна — *Во дворе* ходит скот.
Хая хänänäв — *Изредка* кашляю.
Нанас дегтр *сугъ* татв — Выдернул у меня книгу.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Именные определения

Определение есть имя (или целый причастный оборот), выражающее собою какой-нибудь признак предмета. Предмет, который определяется со стороны своего признака, есть определяемое:

Дулан сара — Теплый сарай.

Дулан (теплый) есть определение, а сара (сарай) — определяемое.

Предмет может быть определяем с самых разнообразных сторон. Признаки предмета сводятся к тому, что последний обладает каким-нибудь качеством, размером, порядком, отношением к другому предмету, цветом, каким-нибудь другим предметом или действием и т. п. Признак предмета может заключаться не только в том, что он чем-то обладает, но и в том, что он сам является объектом обладания другого предмета. Поэтому мы говорим ниже о разных типах определения, каждый из которых имеет свои формальные особенности.

Прежде чем перейти к характеристике этих типов определения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний относительно определения и определяемого.

Определение в калмыцком языке всегда ставится впереди определяемого, безотносительно к тому, является ли определение простым или развернутым, т. е. состоящим из целого причастного оборота, например:

Улан туг — *Красное* знамя.

Бадмин ахас сурдж авсн дегтр — Книга, *которую выпросили у старшего брата Бадмы.*

Чолун бääшнъ — *Каменный* дворец.

В отличие от того, что имеет место в русском языке, калмыцкие определения не согласовываются с определяемым ни в падеже, ни в числе: они всегда формально остаются в именительном падеже единственного числа, например:

Бригадас ирсн колхозникт ӱг өггджäнä — Слово представляется колхознику, прибывшему из бригады.

Хойрдгч бригадла мана бригад соцдорлда келä — Наша бригада заключила соцсоревнование со второй бригадой.

Советск писательмудин союз — Союз советских писателей.

Если определяемое определено каким-нибудь количественным словом, то оно (определяемое) почти всегда остается в форме единственного числа, например:

Мана колхоз нег минъгън *гектар* тӓрхмн — Наш колхоз посеет тысячу гектаров.

Эн колхозд йисн *бригад* бӓӓнӓ — В этом колхозе имеется девять бригад.

Тер школд хойр *баш* ирх — В ту школу приедут два учителя.

Герт долан *кӱн* сууджана — В юрте сидят семь человек.

В русском языке, как известно, при числительных 2—3—4 определяемое ставится в родительном падеже единственного числа, а при числительных 5—6 и т. д. определяемое ставится в том же падеже множественного числа; в калмыцком языке это правило отсутствует: определяемое по своей форме не зависит от своего количественного определения, например:

хойр ноха — две собаки
гурвн ноха — три собаки
дӧрвн ноха — четыре собаки
тавн ноха — пять собак
олн ноха — много собак и т. д.

Название видовое, являясь определением родового названия, всегда становится перед последним, например:

хусм модн — береза (береза-дерево)
мӧнъгн усн — ртуть (серебро-вода).

Собственные имена всегда ставятся перед нарицательными, например:

Иджл гол — река Волга
Хальмг республик — Калмыцкая республика
Бат өвгн — старик Бата.

Лишь при слове «ӱр» — „товарищ“, под влиянием русского языка, собственное имя ставится после данного нарицательного имени, например: ӱр Сталиндан — товарищу Сталину.

Впрочем, иногда независимо от влияния русского языка в калмыцком эпосе нарицательное имя ставилось впереди собственного по эвфоническим соображениям, например: «алдр нойн Джанъгър» — „славный повелитель Джангар“.

Переходя к описанию типов определения в калмыцком языке, необходимо прежде всего остановиться на многообразной определительной функции родительного падежа. Имя в родительном падеже в калмыцком языке чаще всего, отвечая на вопрос „чей?“, является притяжательным определением и в качестве такового всегда ставится впереди определяемого имени. Иными словами, притяжательным определением какой-нибудь предмет определяется со стороны своей принадлежности к другому предмету (как его собственность или часть), например:

Мана ах балгъс орв — *Наш* брат поехал в город.
Чини дегтр хама бӓӓнӓ? — Где *твоя* книга?
Хөөнӓ махнь шимтӓ — Мясо *овцы* (баранина) питательно.
Хотна захд тугълмуд йовна — На краю хотона ходят телята.

Такан öндгн цагъан — *Куриное* яйцо — белое.

Гахан арсар ул кедг — Свиной кожей (из свиной кожи) делают подошву.

Как мы видим из переводов, калмыцкое притяжательное определение соответствует русскому определению, выраженному именем в родительном падеже или прилагательным («гахан арсн» — „свиная кожа“ или „кожа свиньи“). Поэтому необходимо тут же заметить, что русское прилагательное только в том случае соответствует калмыцкому предметному имени в родительном падеже, если оно является *по значению* притяжательным (козье молоко, горная вершина, морская вода, отцовская шуба и т. д.). В русском же языке одно и то же прилагательное может быть по значению и притяжательным и непритяжательным; свойство русского притяжательного прилагательного заключается в том, что оно может быть легко заменено именем существительным в родительном падеже, например:

козье молоко = молоко козы
горная вершина = вершина горы
отцовская шуба = шуба отца.

(Заметим, что по русской грамматике притяжательными считаются лишь прилагательные типа „дедушкин, мамин, отцовский“ и т. д.).

Следовательно, при переводе русского прилагательного на калмыцкий язык надо учитывать его значение. В связи с этим очень часто одно и то же русское прилагательное может переводиться двояко, в зависимости от своего значения (здесь речь не идет о стилистической замене прилагательного именем существительным в родительном падеже: врач полка = полковой врач), например:

степная трава — *тееги*н öвсн
степная местность — *теег* газр.

В первом примере предмет-определяемое („трава“) есть как бы часть или принадлежность „степи“, т. е. предмета-определения, и поэтому в калмыцком языке последнее оформлено именем в родительном падеже («теегин»). Во втором примере предмет-определяемое („местность“) есть нечто такое, что состоит из предмета-определения („степи“), и потому последнее в калмыцком языке выражено предметным именем в именительном падеже («теег»), ибо „местность“ в данном случае не есть часть „степи“.

Таким образом, в калмыцком языке имя в родительном падеже во многих случаях соответствует русскому прилагательному, а, с другой стороны, последнее не во всех случаях переводится на калмыцкий язык именем в родительном падеже, а только тогда, когда русское прилагательное, являясь по значению притяжательным, обозначает как бы целое, по отношению к которому предмет-определяемое есть часть или принадлежность (*козье* молоко — «ямана ӱсн», *морская* вода — «далан усн», *горная* вершина — «уулин ора», *конский* хвост — «мӧрнӓ сул» и т. д.).

Разумеется, имя в родительном падеже является не только обозначением целого по отношению к определяемому, не только обозначением

„владельца“ последнего, но и субъектом, если определяемое выражает не предмет, а какой-либо процесс, например:

Советин I *хуралгъна* хойрдгч сессий — Вторая сессия совета *первого созыва.*

китайск *войскан* ик диилвр — большая победа китайских *войск.*

партин кödлмш — работа *партии.*

сургъульчнрин хург — собрание *учащихся.*

социализмин диилвр — победа *социализма.*

Имя в родительном падеже в качестве определения обозначает также предмет, являющийся по отношению к предмету-определяемому *объектом*, например:

тосна машин — маслобойка (буквально: машина масла).

загъсна зер-зев — рыболовное орудие (буквально: орудие рыбы).

загъсна завод — рыбный завод (буквально: завод рыбы, но: рыбий жир — загъсна тосн).

нердин хўврлгън — изменение имен.

ўснä ферм — молочная ферма (буквально: ферма молока).

селäнä эдл-ахун коллективизаций — коллективизация сельского хозяйства.

Таким образом оказывается, что в калмыцком языке имя в родительном падеже в качестве определения выступает как *притяжательное* и объектное *определение*, причем понятие притяжательного определения включает и субъектный характер последнего (например: «сургъульчнрин хург» — «собрание учащихся»).

Само собою разумеется, что под понятия притяжательного определения и объектного определения не могут быть подведены все случаи употребления родительного падежа в качестве определения, ибо такие примеры как «дäänä ўўлдвр» — „военные действия“ (буквально: действия войны) могут быть названы объектными весьма условно. Поэтому лишь ради простоты изложения мы выделяем из притяжательных определений только объектные определения, относя субъектные определения («мана хург» — „наше собрание“) к притяжательным определениям вообще, хотя такие случаи, как «дäänä сургъуль» — „военная учеба“, военные занятия“, требуют особого упоминания.

Предметное имя в именительном падеже перед другим предметным именем является *предметным* определением, т. е. обозначает, что один предмет по своему материалу состоит из другого предмета. В этом смысле предметное имя калмыцкого языка соответствует русскому предметному прилагательному, образованному от имени существительного (в разделе морфологии было показано, что в калмыцком языке от предметного имени не образуется то, что в русском языке является именем прилагательным). Например:

чолун гер — каменный дом

модн кўрз — деревянная лопата

ишкä гер — войлочная юрта
торгън киилг — шелковая рубашка
тӧмр хаалгъ — железная дорога.

Иногда предметное определение обозначает не предмет, из которого „сделан“ определяемый предмет, но силу, при помощи которой приводится в действие определяемый предмет, например:

салькн теерм — ветряная мельница (буквально: ветер-мельница)
мӧрн маджур — конные грабли (буквально: конь-грабли)
гар бу (устарелое слово) — револьвер (буквально: рука-ружье)
цар тергн — бычья телега
мӧрн тергн — конная телега.

Последний вид предметного определения следовало бы назвать *орудным* определением.

Но предметное имя в именительном падеже может быть не только предметным определением, но и — назывным и уподобительным. Если предметное определение показывает, что предмет-определяемое (например, «гер» — „дом“) по своему материалу сделан из другого предмета (например, «чолун» — „камень“: «чолунг ер» — „каменный дом“), то, в отличие от этого *назывное определение* лишь определяет предмет-определяемое со стороны его видового наименования, например:

хальмг келн — калмыцкий язык
манъгъд махла — татарская шапка
монлъгъ мӧрн — монгольская лошадь
темäн харада — особый вид ласточки (буквально: верблюд-ласточка).

К назывным определениям относятся также собственные имена при нарицательных именах, причем последние оказываются определяемыми, например:

Иджл гол — река Волга
туула джил — год зайца
Хасан нур — озеро Хасан
Церн багш — учитель Церен.

Уподобительное определение показывает, что определяемый предмет чем-либо напоминает другой предмет, наименование которого и является уподобительным определением, например:

ногъан бӧс — зеленая бязь (буквально: зелень-бязь)
алтн загъсн, — золотая рыбка (буквально: золото-рыбка)
салькн кӱн — ветреный человек
туула зӱрктä — трусливый (с заячьим сердцем)
мӧрн шоколад — шоколад-лошадка (фигурный шоколад).

Уподобительное определение образуется также путем употребления слов «ädл» или «мет» — „вроде“ после имени, с которым уподобляется определяемый предмет, например:

темäнлä äдл ик мöрн — лошадь, такая же большая, как и верблюд.
салькн мет хурдн мöрн — лошадь, быстрая как ветер.

В последнем случае мы имеем дело с составным определением.

Признак какого-нибудь предмета может заключаться не только в том, что он (предмет) состоит из какого-нибудь другого материала или что он принадлежит другому предмету, но и в том, что он чем-то обладает. В этом случае мы имеем дело с ***относительным определением***, которое выражается предметным именем в совместном падеже. Относительное определение, следовательно, обозначает предмет, которым обладает определяемый предмет, например:

тоста цä	— чай с маслом	ут сӱӱлтä мöрн	— лошадь с длинным хвостом
сумта бу	— ружье с пулей (заряженное)	ӱнтä эд	— дорогой товар (товар с ценою)
тäрäтä газр	— засеянное поле (поле с хлебом)	мöст дала	— ледовитое море
мöртä кӱн	— человек, имеющий коня	уулта газр	— гористое место
салькта хур	— ливень (дождь с ветром)	киртä девл	— грязная шуба.

Мы уже имели случай указать, что в калмыцком языке отсутствует глагольный эквивалент русского глагола „иметь“ и что последний в калмыцком языке „заменяется“ соответствующим предметным именем в совместном падеже, например: «мöртä кӱн» — человек, имеющий коня; «олн малта болв» — стали иметь много скота, «шин карандашта» — имеет карандаш. Мы указывали также, что предметные имена в совместном падеже условно называются качественными (относительными именами), в особенности, если они утеряли гласный в конце, например: «мöст» вместо «мöстä» — ледовитый, «элст» вместо «элстä» — песчаный и т. д.

Признак какого-нибудь предмета может заключаться и в том, что он (предмет) обладает каким-нибудь „отвлеченным“ качеством или количеством (размером, весом и т. п.), т. е. в том, что он обладает таким „предметом“, который сам по себе и вне другого предмета не существует. Следовательно, мы здесь имеем дело с ***качественным и количественным определениями.***

Качественное определение представляет собою качественное имя в именительном падеже и определяет предмет со стороны его внутреннего или внешнего свойства, например:

ут карандаш	— длинный карандаш	му хаалгъ	— плохая дорога
хар мöрн	— вороная лошадь	сул кӱн	— слабый человек
сäн кӱн	— хороший человек	кӱнд бу	— тяжелое оружие.

Количественное определение, определяющее предмет со стороны его количества, представляет собою числительное (и некоторые качественные имена с количественным значением) в именительном падеже, например:

хойр кӱн — два человека
арвн гер — десять домов
олн дегтр — много книг.

Таким образом в результате вышеизложенного мы устанавливаем в калмыцком языке следующие типы именного определения:

1. *Притяжательное* определение, выраженное любым именем в родительном падеже и указывающее, что определяемый предмет является частью (принадлежностью) или результатом деятельности другого предмета, например: «мана школ» — наша школа, «школин гер» — школьное здание, «мана диилвр» — наша победа, «партин кӧдлмш» — работа партии.

2. *Объектное* определение, выраженное именем в родительном же падеже и указывающее, что определяющий предмет есть объект действия определяемого предмета, например: «тосна машин» — маслобойка, «загъсна завод» — рыбный завод, «социализмин тосхвр» — строительство социализма.

3. *Предметное* (и *орудное*) определение, выраженное предметным именем в именительном падеже и показывающее главным образом материал, из которого сделан или состоит определяемый предмет, а также силу, при помощи которой определяемый предмет приводится в действие, например: «чолун гер» — каменный дом, «салькн теерм» — ветряная мельница.

4. *Назывное* определение, выраженное предметным именем в именительном падеже и указывающее лишь на видовое наименование определяемого предмета, например: «хальмг келн» — калмыцкий язык, «Иджл гол» — река Волга.

5. *Уподобительное* определение (выраженное именем в именительном падеже), при помощи которого определяемый предмет уподобляется в чем-либо (по форме, цвету и т. д.) другому предмету, например: «алтн делкӓ» — белый свет, дорогая земля (золото-земля).

6. *Относительное* определение, выраженное именем в совместном падеже и обозначающее предмет, которым обладает определяемый предмет, например; «малта кӱн» — человек, имеющий скот, «уулта газр» — гористое место (место, имеющее горы).

7. *Качественное* определение, выраженное качественным именем в именительном падеже и определяющее предмет со стороны его внутреннего или внешнего свойства, например: «сӓн кӱн» — хороший человек, «хурдн мӧрн» — быстрый конь, «ут карандаш» — длинный карандаш.

8. *Количественное* определение, выраженное чаще всего числительным и определяющее предмет с количественной стороны, например: «хойр гер» — два дома.

Однако изложенным выше едва ли исчерпывается разнообразие определений в калмыцком языке. Так, например, к перечисленным только что типам именного определения можно добавить следующие:

9. *Порядковое* определение, выраженное порядковым числительным, определяющее место предмета в ряду однородных с ним предметов, например:

хойрдгч класс — второй класс.

10. *Локальное* определение, выраженное именем с суффиксом «к» или в родительном падеже, располагающее предмет в определенном месте или времени; например:

эндк (или эн газрин) кўн — здешний человек
эндрин керг — сегодняшнее дело
ӧмнк цаг — предыдущее время
ардк гер — заднее жилье
Элстин школ — Элистинская школа.

Особым видом определения, притом — развернутого, следует считать выделенное определительное приложение, которое ставится после определяемого, согласуясь с последним в падеже, например:

Мана вождь Симбирскд, ода Ульяновск гидг балгъснд, тӧрлӓ — Наш вождь родился в Симбирске, ныне называемом Ульяновском.

Но такое выделенное определение не следует смешивать с причастным развернутым определением (см. ниже).

Русские прилагательные, вошедшие в калмыцкий язык и усвоенные последним, в этом языке сохраняют свое значение, являясь по своей синтаксической функции главным образом качественными определениями например:

социалистическ революций — социалистическая революция
партийн кӧдлмш — партийная работа.

2. Процессные определения

Процессное определение 1) определяет предмет со стороны какого-нибудь действия или состояния и 2) по форме представляет собою чаще всего отглагольное имя, причастие или реже (чего не бывает в прочих монгольских языках) разделительное деепричастие с отрицанием *уга* — не. Следовательно, мы имеем здесь, с одной стороны, определительное действие и, с другой, — определяемый предмет, например:

ирсн кўн — прибывший человек
ирх кўн — человек, который прибудет
ирӓд уга кўн — человек, который еще не прибыл.

Особенность определительной функции причастия в калмыцком языке заключается в том, что иногда независимо от залоговой формы причастия определяемый им предмет по отношению к нему (причастию) может быть в соответствующем контексте то субъектом, то объектом в самом широком смысле последнего слова. Этого почти совершенно не бывает в русском языке, за исключением таких примеров как „сидячее место, лежачее место“ (не „место сидит само“, а „место, на котором сидят“). В каждом данном конкретном случае характер отношения определяемого предмета к его причастному определению улавливается по смыслу без какого бы то ни было затруднения, например:

1) идсн кўн — человек, который съел...
2) идсн махн — мясо, которое съедено...

В первом случае причастие «идсн» не может по логике вещей иметь иного значения, как „который съел = съевший“, тогда как во втором случае причастие «идсн» перед определяемым «махн» — „мясо“ означает только „которое съедено = съеденное“: ведь не может же мясо по логике вещей само что-либо съедать! Такие обороты в калмыцком языке довольно часты, несмотря на наличие в нем залогов. Не подлежит сомнению, что такие случаи в употреблении определительной функции причастий являются пережитком той стадии развития калмыцкого языка, на которой последний еще не знал залогов.

Допустим далее, что речь должна идти о человеке, который кем-то съеден, например волком. Так как человек по логике вещей есть такой „предмет“, который сам может что-либо поедать, то причастное определение в своей основе должно представлять собою форму побудительного или страдательного залога. Например:

Чонд идӱлсн (или: идгдсн) кӱн — Человек, который съеден волком (= съеденный волком).

Выше уже говорилось, что при страдательном залоге в калмыцком языке логический субъект вместо русского творительного падежа („волком“) ставится в местно-дательном падеже («чонд»).

Допустим далее, что требуется сказать: „Человек, который позволил волку съесть свой скот“. По-калмыцки это получает следующее выражение: «Малан чонд идӱлсн кӱн». Наличие объектного дополнения «малан» — „свой скот“ так сказать „освободило“ здесь определяемый предмет („человека“) от объектного положения по отношению к причастному определению «идӱлсн».

Именно наличие смыслового оттенка со значением „позволить“ в страдательном или побудительном залоге и объясняет, почему в калмыцком языке в подобных случаях логический субъект вместо творительного падежа (как это имеет место в русском языке) ставится в местно-дательном падеже.

Еще примеры:

1) Чолун герт бääдг кӱн — Человек, который живет (= живущий) в каменном здании...

2) Кӱӱнä бääдг чолун гер — Каменное здание, в котором живет человек...

Во втором случае причастие *бääдг* не может иметь по логике вещей иного значения, как „в котором (или: где) живет (человек)“, ибо не может же каменное здание жить (это было бы логическим абсурдом)! Но то же причастие в первом случае перед определяемым «кӱн» — „человек“ означает „который живет = живущий“.

Таким образом оказывается, что в калмыцком языке при причастном определении определяемый предмет, в зависимости от того или иного лексического окружения и контекста, может быть то субъектом («идсн кӱн» — человек, который съел), то объектом («идсн махн» — мясо, которое съели = съеденное мясо), то косвенным объектом действия, выраженного в причастном определении («бääдг гер» — дом, в котором или где живут).

Чрезвычайно разнообразны причастные определения, в которых определяемое — с точки зрения перевода на русский язык (т. е. логически) — по отношению к своему определению является косвенным объектом (локальным и т. д.). Эти причастные определения переводятся совершенно по-разному.

Дабы не осложнять наше изложение, ограничимся лишь нижеследующими несколькими примерами этих причастных определений:

Хөөнäс кӱӱнä ӱздг олзнь ик — Польза, которую человек получает от овцы, большая.

Мини *ирсн* мӧрн — Лошадь, на которой приехал я.

Хург *болсн* ӧдр — День, когда происходило собрание.

Эцгин *одсн* балгъсн — Город, куда поехал отец.

В некоторых случаях точное значение причастного определения, т. е. точное отношение последнего к определяемому может быть уловлено не из лексического окружения, т. е. не из непосредственного контекста, а из всей обстановки речи, в связи с которой слушателю может быть уже известно что-либо о рассказываемом. Например, фраза «Батин *ирсн* балгъсн» может значить и „город, *куда* прибыл Бата“ и „город, *откуда* прибыл Бата“.

Особенным образом строится такое причастное определение, в котором речь идет о предмете, составляющем принадлежность или часть определяемого. Этому причастному определению в русском языке соответствует такое придаточно-определительное предложение, в котором местоимение „который“ дано в родительном падеже („старик, внук которого...“). В таких случаях имя, обозначающее принадлежность определяемого предмета, дается с личным притяжанием третьего лица, например:

Ачнь Элстд сурджадг ӧвгн — Старик, внук которого учится в Элисте...

Сургъульчнрнь умшдг *болсн* багш — Учитель, ученики которого научились читать...

В последних примерах мы уже имеем развернутые определения, о чем см. ниже.

Наконец, как на особенность калмыцкого языка, следует указать на то, что в качестве определения может выступать и разделительное деепричастие, но с отрицанием *уга* — не, например:

Малдан хот *белдäд уга* колхоз энд уга — Здесь нет колхоза, который не заготовил бы для своего скота корм.

Цасн *орад уга* цаг — Время, когда еще не выпал снег.

Итак, в причастном определении обозначается действие или состояние, со стороны которого определяется какой-нибудь предмет. В качестве определения употребляются все причастия в соответствии с тем, к какому времени относится то или иное действие:

Намрар *ирх* кӱн — Человек, который приедет осенью.

Хавр *ирсн* кӱн — Человек, который приехал весною.

Энд суудг кӱн — Человек, обычно сидящий здесь, и т. д.

3. О нескольких определениях при одном определяемом

Если при одном определяемом стекается несколько определений то при расположении их соблюдается следующее общее правило: определения, выражающие признаки и свойства более постоянные (как бы врожденные или заложенные в самой природе определяемого предмета), ставятся по отношению к определяемому ближе, нежели остальные.

Таким образом ближе к определяемому ставятся предметное, назывное, уподобительное и качественное определения, дальше — притяжательное и процессное определения, которые часто меняют свои места.

Примеры:

хурдн хар мӧрн — быстрая вороная лошадь.

В этом примере качественное определение «хурдн» — „быстрая“ поставлено раньше качественного же определения «хар» — „вороная“, поскольку масть лошади является более постоянным признаком, нежели ее быстрота, которая может быть преходящей.

мини сән мӧрн — моя хорошая лошадь.
ут сӱӱлтә бор мӧрн — серая лошадь с длинным хвостом.
чини унсн зеерд мӧрн — саврасая лошадь, на которой ты ездил.

Подчеркнуты те определения, которые по сравнению с последующими определениями являются либо менее постоянными, либо преходящими.

Относительное определение должно стоять впереди другого определения, потому что в противном случае другое определение, представляя собою предметное имя в совместном падеже, может быть воспринято как определение относительного определения. Например:

эмәлта өндр мӧрн — высокая лошадь с седлом,

но:

өндр эмәлтә мӧрн — лошадь с высоким седлом.

По этой же причине впереди ставится притяжательное определение например:

тергнә төмр көшӱр — железная ось телеги,

но:

төмр тергнә көшӱр — ось железной телеги.

Когда несколько количественных определений выражают неопределенность, число меньшее ставится, как и в русском языке, впереди большего, например:

хойр гурвн өдр — два-три дня.

При стечении нескольких определений одного определяемого иногда *большую роль играет пауза*, интонационное членение фразы. Пауза после одного из определений указывает, что последнее не относится к непосредственно за ним следующему имени. (Пауза в письме обозначается, если это необходимо, запятой.) Например:

хуучна, революцин ӧмкн цагла — в прежнее, дореволюционное время, но:

хуучна революцин ӧмкн цагла — во времена прежней революции.

Во втором примере отсутствие паузы (в письме — запятой) после „хуучна — прежний“ показывает, что слово «хуучна» как определение относится не к «цагла» — „во времена“, а к «революцин» — „революции“.

Особенно необходима пауза при наличии и причастного (процессного) и притяжательного определений, например:

Эндр теегäс ирсн, Дорджин мӧрн — Лошадь Дорджи, которая сегодня прибыла из степи,
но:

Эндр теегäс ирсн Дорджин мӧрн — Лошадь Дорджи, который сегодня прибыл из степи.

Не избавляется фраза от паузы и в том случае, если притяжательное определение «Дорджин» — „Дорджи“ окажется впереди причастного определения, ибо имя в родительном падеже перед причастием имеет иногда значение субъекта действия, например:

Дорджин, эндр теегäс ирсн мӧрн — Лошадь Дорджи, которая сегодня прибыла из степи,
но:

Дорджин теегäс эндр ирсн мӧрн — Лошадь, на которой сегодня Дорджи прибыл из степи (теоретически возможен даже следующий перевод — Лошадь, которая сегодня прибыла из степи, принадлежащей Дорджию).

Еще пример:

Герт суусн, Очрин эк — Мать Очира, *сидящая* в юрте,
но:

Герт суусн Очрин эк — Мать Очира, *сидящего* в юрте.

Тот же пример с перестановкой притяжательного определения «Очрин» — „Очйра“ на первое место:

Очрин, герт суусн эк — Мать Очира, сидящая в юрте,
но:

Очрин герт суусн эк — Мать, сидящая в юрте Очира.

Отсутствие паузы (в письме — запятой) после имени «Очрин» — „Очира“ указывает, что это имя как определение относится к непосредственно за ним следующему имени «герт» — „в юрте“ („в юрте Очира“).

Приведенные примеры достаточно ярко показывают, какую большую грамматическую роль играет в калмыцком языке пауза, которая заслуживает специального исследования. Необходимо иметь в виду еще следующие возможные случаи употребления паузы во фразе:

ӧндр, эмäлтä мӧрн — высокая лошадь с седлом,
но:

ӧндр эмäлтä мӧрн — лошадь с высоким седлом.

РАЗВЕРНУТЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ (О ПРИЧАСТНОМ И ДЕЕПРИЧАСТНОМ ОБОРОТАХ)

С точки зрения синтаксического анализа предложения совершенно безразлично, как и в каком количестве слов выражается тот или иной член предложения. Как известно, синтаксическая роль слова (или группы слов) в предложении определяется теми вопросами, на которые оно отвечает; напомним, что эти вопросы исходят всегда от сказуемого-глагола. Например, тот член предложения, который отвечает на вопрос «кен?» — „кто?“ и «юн?» — „что?“ есть подлежащее. Слова, отвечающие на вопросы «кедӳ?» — „сколько?“, «ямр, ямаран?» — „какой?“, «кенә?» — „кого, чей?“ и «ююна?» — „чего, чей?“, суть определения. Слова, отвечающие на все остальные вопросы, суть дополнения (в основном).

Причастия в калмыцком языке, отвечая на все эти вопросы, являются то дополнениями, то подлежащими, то сказуемыми, то определениями, так же как и любые имена, например:

1. Унтсн серв — Уснувший проснулся.
2. Унтснд хот белдв — Уснувшему (= для уснувшего) приготовили пищу.
3. Унтсн кӳн — Уснувший человек.
4. Кӳн унтсн уга — Человек не спал.

В первом примере причастие «унтсн» — „уснувший“ является подлежащим, так как оно отвечает на вопрос «*кен* серв?» — „*кто* проснулся?“

Во втором примере то же причастие в дательно-местном падеже является дополнением, так как оно отвечает на вопрос «*кенд* хот белдв» — „*кому* приготовили (или: *для кого* приготовили) пищу?“

В третьем примере то же причастие является определением, так как оно отвечает на вопрос «ягъсн кӳн» — „*какой* человек?“.

В четвертом примере то же причастие является сказуемым.

Именно в изложенном смысле причастие в калмыцком языке по своей синтаксической функции ничем не отличается от любого другого имени. Но особенностью причастия является то, что оно в предложении чаще всего выступает со своими собственными дополнениями и подлежащими, которые мы назовем *надстройкой* причастия. *Причастие со своими собственными дополнениями и подлежащими образует причастный оборот. Причастный оборот*, введенный в предложение в качестве члена последнего, *называется развернутым членом.*

Развернутый член предложения по своей внутренней структуре как бы напоминает предложение. Иначе говоря, развернутый член предложения есть предложение в предложении, но организованное особым образом, например:

Би *эндр сән зәнъг ирхиг* медлә́в — Я знал, *что сегодня будет* (буквально: придет) *хорошая новость.*

В этом предложении причастие «ирхиг» (в винительном падеже) есть прямое дополнение, так как оно отвечает на вопрос «ю медлә́в?» — „что

я знал?“ Но, вместе с тем, это причастие имеет свое подлежащее с определением «сăн зăнъг» — „хорошая новость“, свое дополнение времени «эндр» — „сегодня“, по отношению же к которым оно (причастие), само будучи дополнением к сказуемому «медлăв» — „я знал“, является в то же самое время как бы сказуемым.

Следовательно, *причастиѐ в предложении выступает одновременно в двоякой роли* — в роли сказуемого по отношению к своей надстройке и в роли дополнения, подлежащего или определения в составе какого-нибудь предложения (в зависимости от своего оформления или места в предложении).

Причастный оборот в предложении является, следовательно, развернутым членом. Развернутым может быть любой член предложения; иначе говоря, причастный оборот может выступать в качестве любого члена предложения: подлежащего, дополнения, определения и сказуемого. Следовательно, мы имеем дело с развернутыми подлежащим, дополнением, определением или сказуемым.

Причастный оборот является развернутым подлежащим, если причастие дано в именительном падеже (чаще всего с личными притяжаниями), отвечая на вопрос «юн, ягъхнь?» — „что?“, например:

Эн кӧвӱн юнъгад киисăд бăăдгнь ода манд медгдджăнă — Теперь нам становится понятным, *почему этот мальчик падает*.

В этом предложении причастие «бăăдгнь» («киисăд бăăдгнь») со своей надстройкой в целом есть развернутое подлежащее, так как оно отвечает на вопрос «*юн* ода манд медгдджăнă?» — „*что* теперь нам становится понятным?“ В этом развернутом подлежащем имеются следующие „члены“:

1) подлежащее с определением — «эн кӧвӱн» — „этот мальчик“;
2) дополнение (вопросительное) — «юнъгад» — „почему“.

Само же причастие, будучи подлежащим по отношению к сказуемому «медгдджăнă» — „становится понятным“, является в составе своей надстройки сказуемым.

Приблизительно то же мы видим в следующих примерах:

Тӱӱнд болхла *кевтснь чиг, матрац деер кӧлврснь чиг* йилгъл уга адл — Ему все равно, *что (так) лежать, что на матраце валяться*.

Энтн бийлăгъăн бичг авч гарснь сăн болдж — Хорошо, *что он с собою вынес письмо*.

Энд ӱлдснь лавта болджана — Выясняется, *что он остался здесь*.

В этих примерах подчеркнутые причастные обороты являются развернутыми подлежащими, так как они отвечают на вопрос «юн?» — „что?“.

Причастный оборот является развернутым определением, если само причастие в именительном падеже стоит перед каким-нибудь именем, отвечая на вопрос «ягъх, ягъсн, ягъдг?» — „какой?“ (этот вопросительный глагол можно еще перевести на русский язык следующим образом: „что имеющий делать? что сделавший? в каком состоянии пребывающий?“), например:

Нёкдән ааамшгтә цагт хайсн улс му улс — Плох (тот) человек, *который бросает своих друзей в критическое время.*

В этом предложении причастие «хайсн» — „который бросает (бросил)“ со своей надстройкой является развернутым определением к имени «улс» — „человек (люди)“, ибо оно отвечает на вопрос «*ягъсн* улс» — „*какой* человек?“. В этом развернутом определении имеются:

1) прямое дополнение — «нёкдән» — „друзей своих“;

2) дополнение времени — «ааамшгтә цагт» — „в критическое время“.

Хаагъачнрин эндр теегәс олдж авсн юмсиг би узвв — Я видел вещи, *найденные сегодня искателями в степи.*

В подчеркнутом здесь развернутом определении (отвечающем на вопрос «*ямр* юмсиг?» — „*какие* вещи?“) мы имеем:

1) подлежащее — «хаагъачнрин» — „искателями“;

2) дополнение времени — «эндр» — „сегодня“;

3) дополнение места — «теегәс» — „в степи (из степи)“.

В этих примерах причастия «хайсн» — „который бросил“ и «олдж авсн» — „найденные“ суть: 1) определения к именам и 2) сказуемые в составе своих надстроек.

Примеры:

Марксин манд заасн хаалгъ — путь, *который указал нам Маркс* (= указанный нам Марксом)

Ленинә тогтасн партий — партия, *которую создал Ленин* (= созданная Лениным).

Причастный оборот является развернутым дополнением, если причастие дано в одном из косвенных падежей или сопровождается каким-нибудь послелогом, ибо в этих случаях причастный оборот отвечает на все те вопросы, по которым определяются дополнения, например:

Нугъсд әлдәрән нисдж йовхинь медхәр мекләә сонъмсдж билә — Лягушка прислушивалась, *чтобы узнать, куда летают утки.*

В этом примере причастие «медхәр» — „чтобы узнать“ (орудный падеж от глагола «медх» — „узнать“), отвечая на вопрос «ягъхар» — „для чего?“, со своей надстройкой представляет собою развернутое дополнение, внутри которого оно само является сказуемым. Но дополнение „куда летают утки“ к этому причастному дополнению тоже представляет собою развернутое прямое дополнение, ибо отвечает на вопрос «ю медхәр?» — „чтобы *что* узнать?“ Получается развернутое дополнение к дополнению же, и в нем мы имеем:

1) подлежащее — «нугъсд» — „утки“;

2) дополнение (вопросительное) — «әлдәрән?» — „куда?“.

Что же касается причастия «нисдж йовхинь» — „летают“, данного в винительном падеже с личным притяжанием 3-го лица, то оно является с одной стороны, сказуемым по отношению к своей надстройке и с другой,— дополнением к причастию же «медхәр» — „чтобы узнать“ в свою очередь являющемуся дополнением к глаголу «сонъмсдж билә»—„прислушивалась“.

Бадмин Сандж тäрä хуралгъна тускар келсиг сонъсввдн — Мы слушали *рассказ Санджи Бадмаева об уборке хлеба.*

В подчеркнутом развернутом дополнении мы имеем:

1) подлежащее — «Бадмин Сандж» — „Санджи Бадмаева“;

2) составное дополнение — «тäрä хуралгъна тускар» — „об уборке хлеба“.

Причастие же в винительном падеже «келсиг» (которое по требованиям русского языка мы перевели здесь существительным „рассказ“, хотя буквально мы имеем здесь: «келсиг сонъсввдн» — „мы слушали, что *рассказал*“) является сказуемым в составе своей надстройки и прямым дополнением по отношению к глаголу «сонъсввдн» — „мы слушали“, например:

Киитнд сäänäр дуланар ӱвлзхин төлäд өвгн геран ясад бääв — *Для того чтобы в холодное время хорошо и тепло прозимовать,* старик исправил свой домик.

Здесь причастие «ӱвлзх» — „прозимовать“, в родительном падеже сопровождаемое послелогом «төлäд» — „чтобы“, со своей надстройкой также составляет развернутое дополнение цели, в котором имеются:

1) дополнение времени — «киитнд» — „в холодное время (при холоде)“;

2) дополнения образа действия — «сäänäр» — „хорошо“ и «дуланар» — „тепло“.

Само это причастие является: 1) сказуемым по отношению к своей надстройке и 2) дополнением по отношению к глаголу «ясад бääв» — „исправил“.

Дабы не усложнять наше изложение, мы ограничимся тем, что в приведенных ниже примерах подчеркнем развернутые дополнения:

Бидн авгътагъан *загъс бäрхäр* гарлавдн — Мы отправились со своим дядей (чтобы) *ловить рыбу.*

Мөсн көрхин өмн өвгн кесг дакдж анъ анънчкв — *До наступления ледостава* (= перед ледоставом, буквально: перед тем, как лед замерз) старик несколько раз охотился на дичь.

Намаг орхд хөн гурвн зун билä; *мини хäлäгъäд йовсар* ода долан зун болв — *Когда я поступил* на работу, было триста овец; *в результате же моего присмотра за ними* теперь количество овец достигло семисот голов.

Зөргтä көвӱн *хама бääдгäн* медджänä — Смелый мальчик знает, *где он находится.*

Көвӱн зөргтäгъäр иигдж келсндн гергн алнъ болад бääв — *Когда мальчик так смело сказал,* старуха очень удивилась.

Причастный оборот может быть и развернутым сказуемым, находясь в конце предложения, главным образом — при местоименном подлежащем, например:

Энтн *Очрин джора мөрäрн йовсн* болв — Это, должно быть, *Очир проехал на своем иноходце.*

Аналогично причастию любое обстоятельственное деепричастие, обрастая своими дополнен ,ями и подлежащими, образует деепричастный оборот. Деепричастный оборот в предложении выступает только как развернутое дополнение, например:

Данзниг энд асхар ирхлӑ Долан хӑрхмн — *Когда Данзан вечером прибудет сюда,* Долан уйдет домой.

Здесь в подчернутом деепричастном обороте, являющемся развернутым дополнением, имеются:

1) подлежащее — «Данзниг» — «Данзан»;
2) дополнение места — «энд» — «сюда»;
3) дополнение времени — «асхар» — „вечером“.

Само же деепричастие *ирхлӑ* является: 1) сказуемым по отношению к своей надстройке и 2) дополнением по отношению к глаголу «хӑрхмн»— „уйдет домой“.

Намаг балгъс орад иртл чи гертӑн бӑӑхч — Пока я не приеду (= до моего приезда) из города, ты будешь дома.

Здесь в развернутом дополнении (деепричастном обороте) мы имеем:

1) подлежащее — «намаг» — „я (меня)“;
2) дополнение места — «балгъс» — „из города“.

Ниже мы ограничиваемся простым приведением нескольких примеров, в которых деепричастные обороты подчеркнуты.

Цуг тосхлгънд *Сокольниковас авн Крымск площадь кӳртл* тедн тӳрӳк сӑн ударникуд бӑӑсмн — Во всем строительстве (метро) от Сокольников до Крымской площади (буквально: пока от Сокольников не дойдешь до Крымской площади) они были наилучшими передовыми ударниками.

Мод зорхла зоргъсн гарна — *Когда обтесывают дерево,* летят щепки.

Асхар эзн нег юмнд одхларн ноха галун мис хойриг бийлӑгъӑн авад йовдг билӑ — Как только *вечерами хозяин за чем-либо уходил,* собака брала с собою гуся и кошку.

Бат *сургъа бӑӑтл* эврӑгъӑр болад бӑӑнӑ — Бата, как его ни учи, все делает по-своему.

Итак, как причастие, так и обстоятельственное деепричастие, в предложении чаще всего обрастает своими дополнениями и подлежащими, т. е. надстройкой, образуя тем самым причастный или деепричастный оборот. Различие в употреблении причастных и деепричастных оборотов заключается в том, что причастный оборот может быть любым развернутым членом (подлежащим, определением, дополнением или сказуемым) предложения, тогда как деепричастный оборот может быть только развернутым дополнением; кроме того, различие между ними кроется еще и во внутренней их структуре, в оформлении подлежащего, о чем речь будет ниже.

Когда мы причастие или деепричастие с их надстройками называем *оборотами* (как и в русской грамматике), мы тем самым имеем в виду *внутреннюю структуру* того, что называется развернутым членом; мы отвлекаемся при этом от синтаксической функции оборотов в предложении.

Когда же причастие или деепричастие с их надстройками называем *развернутыми членами* предложения, мы имеем в виду *синтаксическую функцию* причастного или деепричастного оборота.

Любой оборот, причастный или деепричастный, по своему строению, по своей внутренней структуре представляет собою такую же организацию слов, как и предложение, но построенную несколько иначе, нежели последнее. Следовательно, развернутый член есть как бы „предложение" в предложении и только тем отличается от неразвернутого, что последний выражается отдельным словом, тогда как развернутый член является, как уже сказано, как бы целым предложением, в котором сказуемым оказывается причастие или деепричастие (обстоятельственное).

Причастие и обстоятельственное деепричастие, не обросшие своими дополнениями и подлежащими, в предложении являются простыми, неразвернутыми членами так же, как и любое имя вообще, например:

Умшджах дегтрӓн дуусхв — Кончу (читать) свою книгу, *которую читаю.*

Умшдгиг дас — Усвой *чтение.*

Би *кӧдлсндӓн* шанънгдлав — Я премирован *за работу свою* (*за то, что работал*).

Ирхлӓ ир — *Коли придешь*, так приходи.

Ӱлдснь лавта болджана — Обнаруживается, *что он остался.*

Рассмотрим теперь внутреннюю структуру причастного и деепричастного оборотов.

Мы уже упоминали о том, что последние в качестве развернутых членов предложения представляют собою такую же организацию слов, как и предложение вообще, хотя и несколько особую и при этом *лишенную самостоятельного бытия*. Это значит, что если мы разложим развернутые члены на их составные части-члены, то мы в них найдем подлежащее, дополнение и т. д., что и было наглядно показано на ряде примеров, которые мы привели. Эти примеры и наблюдения над фактами в калмыцком языке позволяют нам остановиться на двух особенностях структуры причастного и деепричастного оборотов:

1. *Подлежащее этих оборотов оформляется в винительном, родительном или именительном падежах*, например:

Бадмин *Сандж* тӓрӓ хуралгъна тускар келсиг (сонъсввдн) — (Мы слушали) рассказ *Санджи* Бадмаева об уборке хлеба.

Здесь подлежащее внутри причастного оборота дано в именительном падеже.

Намаг орхд (хӧн гурван зун) билӓ — Когда *я* поступил на работу, (овец было триста).

Здесь подлежащее дано в винительном падеже.

Хӓӓгъӓчнрин эндр теегӓс олдж авсн юм — Вещи, которые сегодня найдены *искателями* в степи (= которые нашли сегодня искатели в степи).

Здесь подлежащее дано в родительном падеже.

Данзниг энд асхар ирхлä Долан хархмн — Когда *Данзан* вечером прибудет сюда, Долан уйдет домой.

Здесь подлежащее дано в винительном падеже.

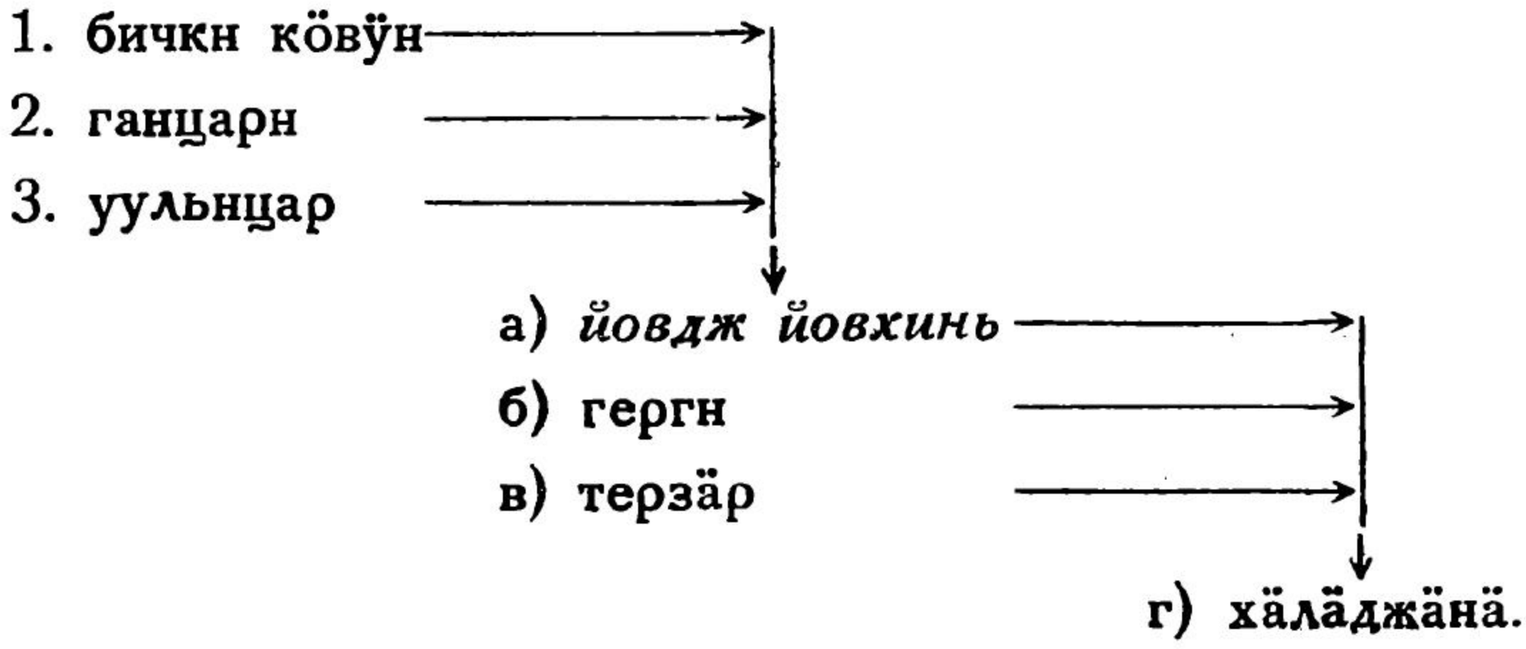
На данной стадии изученности фактов калмыцкого языка не представляется возможным *полностью* точно указать, когда, в каком случае подлежащее *причастного* оборота дается в том или ином падеже (именительном, родительном или винительном). Мы можем пока сказать лишь следующее:

Подлежащее в развернутом определении дается почти всегда в родительном падеже, в развернутом подлежащем — чаще всего в именительном падеже, а в развернутом и причастном дополнении — чаще всего в винительном падеже. Однако это „правило“ несомненно будет уточнено в будущем, когда синтаксис калмыцкого языка будет разработан на большем количестве материала, нежели тот, которым мы располагали до сих пор. Некоторую роль в определении падежа подлежащего в причастном обороте, видимо, играет переходность и непереходность основы глагола, от которой образуются причастия: переходный глагол в причастной форме в большинстве случаев не терпит винительного падежа в подлежащем причастного оборота, ибо имя в этом падеже оказывается объектом, а не субъектом (подлежащим).

Относительно же подлежащего в *деепричастном* обороте уже теперь можно точно установить, что оно всегда дается в винительном падеже (см. примеры выше).

2. Само *причастие* или *деепричастие выступает одновременно в двоякой функции*: с одной стороны, оно оказывается в составе своей надстройки *сказуемым*, а с другой стороны, по одношению к следующему имени или глаголу, в зависимости от своего оформления или места в предложении, оно же является либо *подлежащим*, либо *дополнением*, либо *определением*. Точно так же, например, командир батальона с точки зрения субординации оказывается в двояком положении: с одной стороны, он — лицо, *подчиненное* по отношению к командиру полка, а с другой, он — лицо, *старшее* по отношению ко всему составу батальона.

Для наглядности изобразим изложенное в виде следующей схемы (стрелка показывает подчинение слов):



Перевод: Старуха (← кто?) смотрит (откуда? →) из окна (что →), как по улице одиноко идет маленький мальчик.

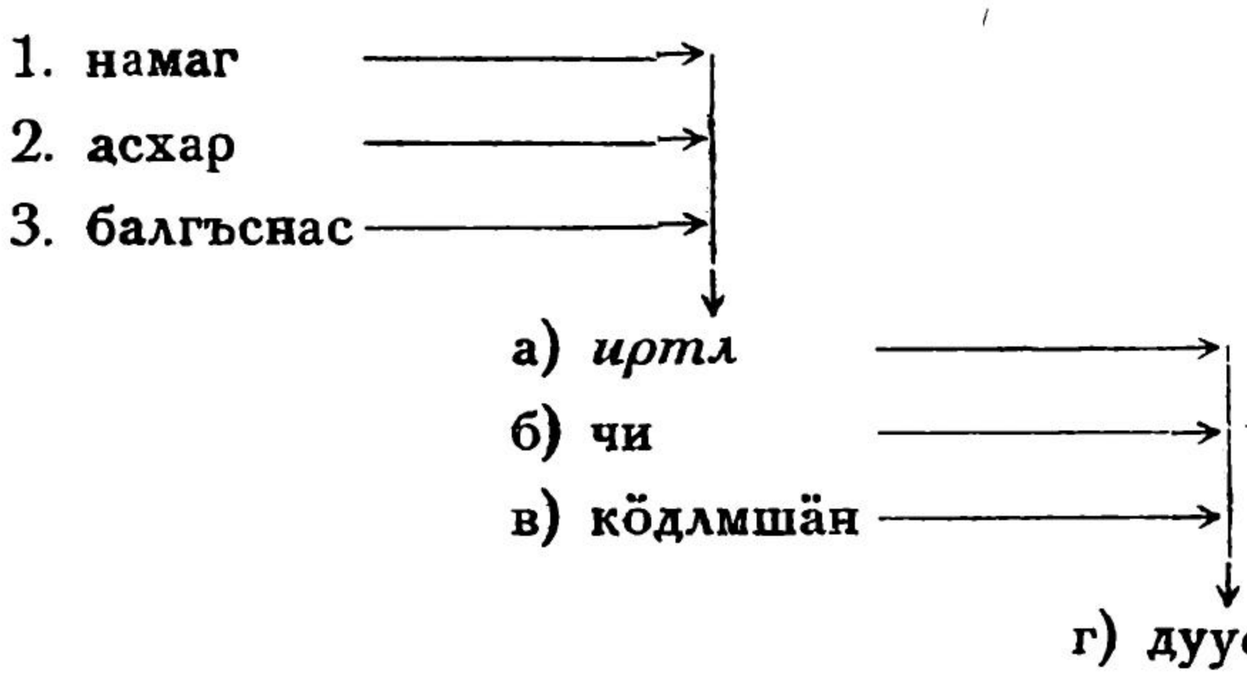
Приведем этот же пример в синтаксической таблице:

бичкн кӧвун ганцарн уульнцар йовдж йовхинь	маленький мальчик одиноко по улице идет (как)	что (смотрит старуха из окна)?
гергн	старуха	кто?
терзӓр	из окна	откуда?
хӓлӓджӓнӓ	смотрит	что делает?

Как видно из таблицы, причастие «йовдж йовх» (-инь) в винительном падеже с личным притяжением 3-го лица является по отношению к своей надстройке («бичкн кӧвӯн ганцарн уульнцар») *сказуемым*, по отношению к глаголу «хӓлӓджӓнӓ» — *дополнением*, а вместе со своей надстройкой — *развернутым дополнением* (прямым).

Иными словами, указанное причастие, во-первых, *подчиняет себе* слова «бичкн кӧвӯн ганцарн уульнцар» и, во-вторых, *само подчиняется* глаголу «хӓлӓджӓнӓ». Такова двоякая функция причастия в предложении.

То же самое имеет место и при деепричастном обороте:



Перевод: До моего вечернего возвращения из города (← до какого момента?) ты (← кто?) должен кончить (что? →) свою работу.

Как видно из схемы, деепричастие предела „иртл“ по отношению к обороту „намаг асхар балгъснас“ является *сказуемым*, по отношению к глаголу „дуусхч“ — *дополнением*, а вместе со своей надстрой-

кой — *развернутым дополнением* (деепричастным оборотом по своей внутренней структуре).

В заключение этой главы необходимо отметить, что в калмыцком языке наличие причастных и деепричастных оборотов устраняет необходимость в различного рода придаточных предложениях, каковые в этом языке, как и в ряде языков агглютинативного строя, отсутствуют. Соответствия между калмыцкими деепричастными и причастными оборотами — развернутыми членами предложения, с одной стороны, и употребляемыми при их переводе русскими оборотами — с другой, заключаются в следующем:

1. Развернутое подлежащее соответствует чаще всего тому, что в русской грамматике называется придаточным предложением-подлежащим, например:

Эндäс йовснь лавта болджана — Обнаруживается, *что (он) ушел отсюда.*

Развернутое подлежащее соответствует так же отглагольно- или процессно-именному подлежащему русского языка, например:

Эндр диилгдснь лавта болджана — Обнаруживается *его сегодняшнее поражение* (= что он сегодня побежден).

2. Развернутое определение соответствует русскому придаточно-определительному предложению и причастному обороту, а также процессно-именному определению, например:

Балгъснас ирсн кӳн — Человек, который прибыл из города (= прибывший из города)

Загъс бäрх зер-зев — *Рыболовное* орудие (= которым ловят рыбу = для ловли рыбы).

3. Развернутое дополнение соответствует различного рода придаточно-подчиненным предложениям и процессно-именным дополнениям и обстоятельствам русского языка, например:

Энд хур орсиг чи кенäс медвч? — Ты от кого узнал, *что здесь шел дождь?*

Артистнр энд ирснднь бидн икäр байрлввдн — Мы очень обрадовались *приезду артистов* (= тому, что сюда приехали артисты = когда сюда приехали артисты).

Санджин Бадм тäрä хуралгъна тускар келсиг сонъсввдн — Мы слушали *рассказ Бадмы Санджиева об уборке хлебов.*

Асхар унтснд хот белдв — *Для уснувшего вечером* приготовили пищу.

Намаг йовад иртл су — Сиди *до моего возвращения* (= пока я не вернусь).

Намаг орхд хӧн гурван зун билä — При моем поступлении (= когда я поступал...) овец было триста голов.

Нарн гархд хама одлач? — Куда ты ушел *при восходе солнца?* (= когда восходило солнце?)

Данзниг ирхлä Долан хäрхмн — Долан уйдет домой *после прихода Данзана* (= если или когда придет Данзан).

Малдан хот белдхин тöлä колхоз öвс хуралгъна кöдлмш ўзмджтäгъäр дуусв — *Для того чтобы приготовить корм для своего скота,* (= для подготовки корма для своего скота) колхоз образцово закончил сеноуборочную работу.

Загъс бäрхäр бидн авгълагъан гарввдн — Для ловли рыбы (= ловить рыбу = для того чтобы ловить рыбу) мы отправились вместе со своим дядей.

Балгъс орхар мöрäн эмäллв — Для поездки в город (= чтобы ехать в город) оседлал своего коня.

Хот идхäр столовойд орв — Зашел в столовую поесть (= чтобы поесть = для еды).

Заметим, что в устарелых грамматиках калмыцкого языка (Попова, и т. д.) причастные и деепричастные обороты совершенно неправильно называются придаточными предложениями. Это неправильно, между прочим, по одному тому, что эти обороты с калмыцкого языка *лишь иногда* переводятся на русский язык придаточными предложениями. Это антинаучное определение калмыцких причастных и деепричастных оборотов способно создать лишь хаос и путаницу и в методике преподавания калмыцкого языка в школе.

В калмыцком языке придаточными предложениями действительно являются *обороты с местоимениями* (вопросительными, но в качестве союзов подчинения утратившими свой вопросительный характер), в которых сказуемыми оказываются *изъявительные* формы, например:

Кен икäр кöдлнä, тер икäр олна — Кто много работает, тот много и получает.

Кезä ирнäч, тиихлä би йовнав — Когда ты придешь, тогда я и пойду.

Хама бäänäч, тендäн бä! — Где стоишь, там и стой!

Правда, такие обороты, имеющиеся и в прочих агглютинативных языках, в калмыцком языке встречаются сравнительно редко. Употребление их в калмыцком литературном языке обусловливается влиянием русского языка, значение которого в развитии современного калмыцкого языка огромно.[1]

---

[1] Определять калмыцкие причастия и деепричастия с их надстройкой как „причастные и деепричастные обороты“, а не — „придаточные предложения“, целесообразно еще и по соображениям необходимости унификации с терминологией русской грамматики, в которой причастные и деепричастные обороты никогда не называются придаточными предложениями. Даже в стабильной грамматике русского языка проф. Бархударова („Синтаксис“, издание 1938 г., стр. 96) причастный оборот называется *распространенным* определением (у нас „развернутым определением“). В калмыцком языке лишь такое предложение должно было бы называться придаточным, в котором сказуемым оказывалась бы изъявительная форма глагола и которое способно было бы иметь самостоятельное употребление. Специфика каждого языка должна быть отражена в его теории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашем изложении калмыцкого синтаксиса не все проблемы последнего получили одинаково полное освещение. Некоторые из них ждут еще дальнейшего исследования, кое-что, возможно, ускользнуло из поля нашего зрения. Дальнейшие исследования в области калмыцкого синтаксиса должны идти по линии изучения отдельных говоров, распространенных как в самой Калмыцкой АССР, так и вне ее, по линии изучения языка отдельных писателей, эпоса и фольклора вообще, а особенно переводной литературы, в которой имеется много элементов будущего.

В нашем изложении мы совершенно обошли так называемые вводные обороты и обращения, в конструкции которых мы не видим ничего такого, что было бы новым по сравнению с тем, что нами изложено в разделе синтаксиса. Таковы, например, следующие обороты:

1. *Вводные обороты и слова*:

Танагъар болхла, болджану? — По вашему, выходит, можно?

Ӱнӓртнь келхлӓ, чи сӓн көвӱнч — По правде говоря, ты хороший мальчик.

Тенд, би чамд ӱнӓр келнӓв, чонмуд йовна — Там, я тебе правду говорю, ходят волки.

2. *Обращения*:

Мӱзгарка, ягъвч? ююнчн өвднӓ? — Музгарка, что с тобою? что у тебя болит?

Би чамд час авч ирвв, өвгн! — Старик, я принес тебе часы!

Төрскн минь, йовий тенд! — Пойдем туда, родной мой!

В синтаксисе калмыцкого языка совершенно *особое место занимает глагол* «гих»—„говорить, сказать, называть“, которому мы также не уделили должного внимания в нашем изложении. Этот глагол в любой форме (спрягаемой и склоняемой) передает прямую речь (косвенной речи в калмыцком языке нет), например:

Мис галун хойриг бийлӓгъӓн авч йовнав гидж гергн келв — Старуха сказала, что она несет с собою гуся и кошку (буквально: Старуха сказала говоря: Несу с собою кошку и гуся).

Ямаран сӓӓхн юм! гигъӓд мекла̄ дотран санад йовна — Лягушка думает про себя: „Какая красивая штука!“ (буквально: Лягушка думает говоря: „Какая красивая штука!“).

Бат гидг өвгн хама йовна? — Где ходит старик (по имени) Бата? (буквально: Где ходит старик, называемый Бата?)

Йовхв гидж келв — Сказал, что пойдет (буквально: Сказал говоря: „Пойду!“)

Выше в своем месте уже говорилось, что будущее причастие без каких бы то ни было окончаний и частиц перед «гидж»—„говоря“ обозначает действие-намерение, например:

Балгъс орх гидж мӧрӓн эмӓллв — Намереваясь отправиться в город он оседлал своего коня (буквально: Он оседлал коня говоря: „Поеду-ка в город“).

Звукоподражательные слова в сочетании с глаголом «гих» соответствуют русским „звукообозначающим“ глаголам, например:

Кра гив — Закрякал (об утке, буквально: „Кря“ сказал).
Тас гиджӓнӓ — Трещит (о звуке, буквально: „Тас“ говорит).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГЛАСНЫЕ 5
1. Задние гласные 5
2. Передние гласные 9
3. Исторический и орфографический обзор гласных 11
4. Сингармонизм 14
СОГЛАСНЫЕ 16

II. МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ 22
О ЧАСТЯХ РЕЧИ 26
ПРЕДМЕТНОЕ ИМЯ 28
1. Отыменные предметные имена 30
2. Отглагольные предметные имена 31
КАЧЕСТВЕННОЕ ИМЯ 33
ИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН 38
1. Образование множественного числа 38
2. Склонение имен (простое) 39
3. Личное и безличное склонения 50
4. Двойное склонение 53
Таблицы по склонению 54
МЕСТОИМЕНИЯ 56
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ 59
НАРЕЧИЯ И ПОСЛЕЛОГИ 61
ГЛАГОЛ 62
1. Общие сведения 62
2. О залогах 63
3. Изменение глаголов 70
а) Формы обращения 71
б) Изъявительные или временные формы 72
4. Причастия и деепричастия 74
ЧАСТИЦЫ 82

III. СИНТАКСИС

ПРЕДЛОЖЕНИЕ 86
СКАЗУЕМОЕ 89
1. Составные глаголы 90
2. Связки 92
3. Глагольные сказуемые 94
4. Именные сказуемые 99

Стр.

5. Причастные сказуемые 100
6. Собственноименные сказуемые 103
7. Слитные сказуемые 106
8. Сказуемые сочиненного предложения 109

ПОДЛЕЖАЩЕЕ 110

ДОПОЛНЕНИЯ: 116
1. Общие замечания 116
2. Слитные дополнения 119
3. Дополнения при именном сказуемом 120
4. Именные дополнения 121
5. Примыкающие дополнения 132

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: 133
1. Именные определения 133
2. Процессные определения 140
3. О нескольких определениях при одном определяемом 143

РАЗВЕРНУТЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ (о причастном и деепричастном оборотах) . . 145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 154

Технический редактор *О. Н. Персиянинова*
Корректор *Е. М. Отто*

Сдано в набор 14 апреля 1940 г. — Подписано к печати 23 ноября 1940 г. — Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. — Объем 10 печ. л. — В 1 печ. л. 45 250 зн. — Уч.-издат. л. 11.58. — Тираж 1000. — А-32533. — РИСО № 1322. — АНИ № 515. — Заказ № 454.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
6	5 сн.	хагъад	хаагъад
18	21 св.	хона̀	хо̂̈на̌
42	18 сн.	когда имя оканчивается на долгий	когда односложное имя оканчивается на любой долгий гласный, а неодносложные (иногда) — на долгий
42	17 сн.	иногда является *гин*	всегда является *гъин*
42	9 сн.	при основе	при односложной основе, а иногда и при неодносложной
56	18 сн.	äл	альк
62	16 св.	яягъджана	ягъджана
82	16 сн.	идштä	идгтä
93	3 св.	Икм ämшгтä	Иим äämшгтä
113	2 св.	сääхннь	сääхнь
129	5 сн.	ара	äрä
133	6 сн.	соцдорлда	соцдöрлдä

= 1р 90к

1762